

АКАДЕМИЯ ВИНДЗОР КНИГА 2

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ КОРОЛИ

VK.COM/AMORNOVELS

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

ЛОРА ЛИ

В мире, полном тайн, лжи и жестокости, выживают только сильнейшие.

Я — живое доказательство этого.

Но то, что меня оставили умирать, заставило меня усомниться во всем, что, как мне казалось, я знала.

Мне хочется верить, что у меня есть союзники в этих безжалостных играх, но чем больше истин я раскрываю, тем более запутанной становится паутина.

И чем глубже я проваливаюсь в кроличью нору, тем сильнее во мне крепнет желание вывести их на чистую воду.

Переводчик: Алима

Перевод: AmorNovels — t.me/lorenhalefucksbetter

1. Жас

— Смотри, Жас! Дельфины!

Я прикрываю глаза от солнца и смотрю туда, куда указывает моя сестра. И действительно, там в океане играет стая из пяти дельфинов. Мы находимся на вершине колеса обозрения Pacific Place, поэтому нам открывается беспрепятственный вид на то, как они катаются по волнам.

Моя мама притягивает Белль к себе.

— Как ты думаешь, как их зовут?

Мы втроем играем в эту игру всякий раз, когда замечаем животное. Белль настаивает на том, что у всех животных есть имена, даже у бездомных или диких. Моя мама терпеливо ждет, откидывая в сторону свои длинные темные волосы. На такой высоте дует легкий ветерок, поэтому она постоянно смахивает их с лица. Мои волосы собраны в неаккуратный пучок на макушке, а у Белль заплетены в косы, так что у нас нет такой проблемы.

— Хмм... — Белль постукивает указательным пальцем по губам, глубоко задумавшись. — Карамелька, Тюльпан, Петуния, Радужная Роза и... Тупак!

— Ты хоть знаешь, кто такой Тупак? — мамины глаза сверкают от удовольствия.

— Конечно, знаю, — настаивает Белль. — Киара говорит, что в давние времена был такой рэпер Тупак Шакур. Мама Киары выросла, постоянно слушая его музыку. Ее мама говорит, что все знают, что Западная сторона — лучшая сторона! — Белль делает необычный жест рукой и каким-то образом растягивает последнее слово на три слога.

Наша мама смеется так сильно, что на ее глаза наворачиваются слезы.

— В давние времена, да? О каких годах идет речь?

— О, да, — Белль с энтузиазмом кивает головой. — Типа, ты должен быть очень, *очень* старым, чтобы слушать его.

— Эй! — протестую я. — «California Love» одна из моих любимых олдскульных песен. Я слушаю Тупака, и я не старая.

Белль морщит свой маленький носик.

— Эээ... да, ты старая. Тебе уже семнадцать. Это *очень* много.

Я поднимаю брови.

— Если я такая старая, то кто же тогда мама?

Белль поднимает на нее взгляд.

— Очень, очень, очень старая. Как динозавры.

Мама снова смеется, дергая Белль за одну из косичек.

— Большое спасибо, малышка. Я всегда могу рассчитывать на то, что ты поднимешь мою самооценку, когда она будет на исходе.

За сарказмом скрывается скрытая печаль, придающая этому утверждению нотку правды. Я смотрю на маму, пока колесо спускается, и удивляюсь, как ее самооценка может быть низкой. Махалия Ривьера — самая красивая женщина, которую я когда-либо встречала, как внутри, так и снаружи. И ей только что исполнилось тридцать пять лет, что совсем не много. Когда аттракцион останавливается, мы выходим из кабины и направляемся вниз по пирсу.

Мама переплетает свою руку с моей.

— Ты готова к мороженому, именинница?

Я улыбаюсь, держа маму за одну руку, а Белль за другую.

— Я считаю...

— *Восемнадцатилетняя девушка с колотой раной левой нижней части живота.*

Я оборачиваюсь, гадая, откуда доносится этот крик. К тому времени, как я делаю полный круг, мамы и сестры уже нет.

Какого черта?

— Мама? Белль? Куда вы пошли?

Я прокладываю себе путь через огромную толпу людей, высматривая их.

— Мама! Белль! *Где вы?*

Куда они могли подеваться? Они только что были здесь! Я говорю себе не паниковать, может быть, Белль захотела в туалет или что-то в этом роде. У этой девочки есть плохая привычка ждать, пока она вот-вот обмочится, прежде чем сообщить кому-то, что ей нужно пойти. Я даже не могу сказать, сколько раз нам приходилось выскакивать с автобуса пораньше, чтобы забежать в общественный туалет. Я продолжаю искать, и чем больше времени проходит, тем больше я беспокоюсь. Я проверяю все туалеты, но по-прежнему безуспешно. Когда солнце начинает садиться, я вся в слезах, но все еще не могу найти их.

Я бегаю от одного конца пирса к другому пять раз, обливаясь потом и тяжело дыша, когда мне нужно перевести дух.

— Мама! Пожалуйста, ответь мне!

— *Множественные ушибы... Легкие чистые.*

Кто это?

Когда солнце опускается за горизонт, я наконец, замечаю маму на противоположном конце улицы и начинаю бежать в том направлении. Когда я добегаю до нее, Белль нигде нет, а на ее лице застыло недоуменное выражение.

— Мама, что случилось? Куда ты пошла? Где Белль?

Она мягко улыбается, проводя нежными пальцами по моей щеке.

— Я так сильно люблю тебя, Жасмин. Я горжусь тем, какой девушкой ты стала.

Я кладу свою руку поверх ее.

— Э... спасибо. Я тоже люблю тебя, мама. Где Белль?

— Твое время еще не пришло, — она отдергивает руку. — Ты намного сильнее, чем я когда-либо была. Ты должна вернуться и найти правду. Показать миру, какие они на самом деле монстры.

Мои брови сошлись.

— Это бессмыслица. Ты самый сильный человек, которого я знаю.

Моя мама качает головой, слезы текут по ее лицу.

— Это не так. Я боялась, что они заберут тебя у меня, поэтому хранила их секреты.

— Мама, о чем ты говоришь? *Кто* хранит секреты? Что они скрывают?

— *Все*, — она прижимает к губам кончики своих пальцев, прежде чем протянуть их в мою сторону. — Мне пора возвращаться. Я люблю тебя, мой сладкий цветок.

— *На месте происшествия обнаружено значительное количество крови.*

Я снова оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти обладателя бессвязного голоса.

— Ты это слышишь?

Мои глаза расширяются, когда мама ступает на металлические перила и взбирается на верхнюю перекладину.

Что она делает?

Я начинаю бежать к ней, удивляясь, как она оказалась так далеко.

— Подожди! — говорю я, когда она начинает раскачиваться. — Мама, слезай оттуда! Ты сейчас упадешь!

— *Без сознания... Лечим от гиповолемического шока.*

Она широко раскидывает руки и оглядывается через плечо.

— Очнись, Жасмин. Пришло время узнать правду.

— Мама, не делай этого!

Когда я добираюсь до перил, уже слишком поздно. Она исчезла. Я даже не думаю об этом, я ныряю за ней, вниз, в воду. Темнота мгновенно окутывает меня. Мои конечности слишком отяжелели, чтобы двигаться. В моей груди словно лежит наковальня, сдавливающая легкие. Так вот каково это — утонуть?

Бип...

Бип...

Бип...

Откуда доносится этот раздражающий звук? Осознание медленно просачивается внутрь, и первое, что фиксируется за ритмичным гудком — это боль.

Чертовски. Сильная. Боль.

Моя голова раскалывается. Мое горло протестует, когда я пытаюсь сглотнуть. Каждая мышца в моем теле болит так, как будто я только что провела несколько десятков раундов на боксерском ринге.

Я вздрагиваю, когда теплые пальцы обхватывают мои.

— Ей нужно больше обезболивающих, — кричит глубокий голос.

Это Кингстон?

Почему кто-то играет на барабанах? Кажется, я стону. Я прилагаю усилия, чтобы открыть глаза, и вижу высокую блондинку в халате с картинками из маленьких книжек. Она что-то делает, от чего этот ужасный шум стихает. Я в больнице?

— Привет, Жасмин. Я Кристи, твоя медсестра на сегодня. Как ты себя чувствуешь?

— Больно, — мне трудно говорить. Мой язык прилип к небу.

Кристи тянется ко мне за спину, и в следующее мгновение соломинка прижимается к моим губам.

— Пей маленькими глотками... это должно немного помочь.

Я вздрагиваю, когда что-то сжимает мой бицепс.

Она мягко улыбается.

— Постарайся не шевелиться. Это измеряет твое кровяное давление.

Я жду, пока аппарат сделает свое дело, пока она стучит пальцами по клавиатуре рядом.

— По шкале от одного до десяти, где десять — это невыносимо, как бы ты оценила свою боль?

— Девять, может быть? — мой голос такой хриплый, что я едва узнаю его.

Кажется, я на секунду задремала, потому что теперь медсестра стоит рядом со мной, снимает колпачок с иглы и вводит что-то в мою капельницу.

— Пришло время для очередной дозы морфина. Это поможет тебе почувствовать себя намного лучше в ближайшее время.

Этот момент не может наступить достаточно скоро. Я никогда раньше не испытывала такой боли.

— Спасибо, — я то прихожу в себя, то исчезаю, пока женщина заканчивает проверять мои показатели. Или, по крайней мере, я думаю, что она это делает. — Нужно... спасти... мою маму... океан... так устала.

— Это нормально, — говорит Кристи. — Ты прошла через довольно тяжелое испытание. Отдохни еще немного, а я вернусь, чтобы проверить тебя позже.

— Ладно, — бормочу я.

— Спи, детка, — парень с хриплым голосом вернулся и прижался губами к моему лбу. — Я никуда не уйду.

— *О, милая, нам нравится, когда они убегают. Это делает поимку нашей добычи гораздо более приятной.*

Другой смеется, и от звука их веселья меня пробирает до костей. Кто эти извращенные ублюдки? И серьезно, где, черт возьми, Кингстон? Я чуть не спотыкаюсь в своих шлепанцах, поэтому скидываю их и бегу босиком. Палки, покрывающие лес, царапают мою кожу, но я почти не чувствую боли, потому что слишком напугана, чтобы думать о чем-либо, кроме побега.

— *Помогите!* — кричу я. — *Кто-нибудь, блядь, помогите мне!*

Я задыхаюсь, открываю глаза, но тут же захлопываю их снова, когда на меня обрушивается яркий свет.

— Свет, — кричу я.

— Выключите этот гребаный свет! — смягчив тон, он добавляет: — Успокойся, Жас. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

Кингстон? Откуда он взялся?

Я открываю веки, радуясь, что свет приглушили. Я поворачиваю голову в направлении знакомого голоса. Это Кингстон.

— Что на тебе надето?

Кингстон смотрит вниз на зеленую майку, прикрывающую его торс.

— Кто-то в отделении скорой помощи дал мне ее. Рубашка, которая была на мне, была... испачкана, — его выражение лица становится мрачным. — Я использовал ее, чтобы надавить на твою рану, пока не приехала скорая.

— Я в больнице?

Учитывая флуоресцентное освещение, вонь антисептика и назойливые аппараты, ответ должен быть очевиден, но у меня в голове все путается. Сейчас ничто не имеет смысла.

Он кивает.

— Да, Жас. Ты в больнице.

Боже, он выглядит дерьмово. Его песочного цвета волосы растрепаны, под глазами залегли темные круги, а одежда помята.

Кингстон соединяет свой мизинец с моим.

— Ты напугала меня до смерти.

А?

— Почему?

Его брови сходятся.

— Ты что-нибудь помнишь?

— Я...

— О, хорошо. Ты очнулась, — в комнату входит женщина с яркой улыбкой на лице.

Кингстон немного отодвигает свой стул назад, когда она подходит к кровати, на которой я лежу.

— Как ты себя чувствуешь? Меня зовут Кристи, и я твоя медсестра еще на несколько часов.

Почему мне кажется, что мы уже проходили через это ранее?

— Эм... уставшей, — я слегка встряхиваю головой, пытаюсь прогнать туман. — Странно.

— Это совершенно нормально быть дезориентированным, когда выходишь из наркоза, — заверила она меня. — Ты помнишь, как ты сюда попала? Или *почему* ты здесь?

Я на мгновение задумываюсь об этом. Я закрываю глаза, когда ужасные воспоминания проносятся в моей голове. Это то же самое, что я только что видела во сне. Я все еще чувствую вес этого больного убудка на себе. Его грязные руки касаются моей обнаженной кожи. Нож. О Боже, он всадил в меня нож! Моя рука перемещается к животу, только сейчас заметив лишний вес. Я открываю глаза, рассматривая шину, обернутую вокруг моей кисти и уходящую на несколько дюймов вверх по руке.

— У тебя перелом запястья, — отвечает медсестра на мой невысказанный вопрос.

Я игнорирую пронизывающий взгляд Кингстона и сосредотачиваюсь на женщине передо мной.

Кристи снимает перчатки и улыбается.

— Я собираюсь сообщить доктору, что ты очнулась. Он придет и все объяснит.

Когда она уходит, Кингстон берет меня за руку.

Я дергаюсь в ответ.

— Не прикасайся ко мне.

Он отстраняется, выглядя озадаченным, и проводит руками по своим густым волосам.

— Что? Почему нет?

Найди истину, Жасмин.

— Потому что... — я сглатываю ком в горле.

Я знаю, что это невозможно, но клянусь, я только что услышала голос своей мамы.

— Я не знаю. Просто не прикасайся ко мне.

Я не могу избавиться от ощущения, что что-то не так. Кингстон смотрит на меня в замешательстве, пока я пытаюсь собрать все воедино.

Мне требуется значительное усилие, чтобы поднять на него взгляд, когда до меня наконец доходит.

— Где ты был? Почему Бентли оставил меня совсем одну в том лесу?

Кингстон хмурится.

— Он должен был подождать, пока я доберусь туда. Я был прямо за вами двумя, но потом меня задержали.

— Кто?

Его челюсть подрагивает.

— Пейтон. Она была пьяна и настроена воинственно. Потом она начала плакать, устроив еще большую сцену. Мы с Ридом тащили ее обратно в ее дом, она брыкалась и кричала. Буквально.

Я борюсь с желанием усмехнуться.

— Какое удобное время.

— Что, черт возьми, это значит? — его карие глаза сузились.

— Это ты мне скажи.

— О чем ты говоришь? — его глаза расширились. — Ты же не думаешь, что я имею какое-то отношение к твоему нападению?

Правда? Честно говоря, я понятия не имею, какой ответ будет правильным.

Я вздыхаю, уже чувствуя себя измотанной этим разговором.

— Я уже не знаю, что правда.

Ах, ты глупая, очень глупая девчонка. Как ты думаешь, кто привел ягненка на гибель?

Слова моего обидчика повторяются. Я не знаю, кому верить. За то короткое время, что я его знаю, Кингстон не раз предавал мое доверие. Как я могу с уверенностью сказать, что он не виноват в моем нападении?

Твоему драгоценному парню на тебя наплевать. Как и его друзьям. Выманить тебя из трусиков было частью плана.

Было ли все это какой-то дурацкой шуткой? Часть какого-то генерального плана? Но почему? Просто чтобы заткнуть мне рот из-за того, что я подслушала? Или это нечто большее? Я потираю виски, когда голова начинает пульсировать.

— Кингстон, убирайся.

— С чего бы мне это делать? Что, черт возьми, произошло в том лесу, Жас?

Тихий стук предшествует возвращению медсестры. Позади нее стоит седовласый мужчина — я предполагаю, что это доктор, о котором она говорила ранее.

— Жасмин, я доктор Йейтс. Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы рассказать о своих травмах?

Кингстон отодвигается, когда доктор подходит ближе, и садится в углу.

Мои глаза устремляются на Кингстона.

— Да, но я не хочу, чтобы он был здесь.

Наступает неловкое молчание, прежде чем доктор Йейтс отвечает.

— Конечно, — он поворачивается к кипящему от злости мужчине в углу. — Мне нужно, чтобы вы подождали в приемной. Кто-нибудь придет за вами, если мисс Каллахан будет готова принимать посетителей.

— К черту это, — Кингстон вскакивает со стула. — Я тот, кто нашел ее. Я позвонил в 911! *Это из-за меня она здесь!*

Доктор Йейтс поднимает руки вверх в успокаивающем жесте.

— Сэр, пожалуйста, не заставляйте меня вызывать охрану. Моя пациентка имеет полное право просить о конфиденциальности.

Кингстон пинает ножку стула, а затем бросает свирепый взгляд в мою сторону.

— Хорошо. Но я не уйду из этой гребаной больницы. Мы *не* закончили этот разговор.

Доктор смотрит, как Кингстон выходит из палаты, прежде чем снова заговорить.

— Не хотите ли минутку, прежде чем я продолжу?

Я чертовски измотана, но я хочу покончить с этим.

— Нет. Сейчас все в порядке.

Он прочищает горло.

— Когда вы поступили, у вас было ножевое ранение в нижнюю часть живота, потеря крови и ушибы нескольких частей тела. Компьютерная томография выявила внутреннее кровотечение, вероятно, в результате тупой травмы, поэтому нам пришлось провести диагностическую лапаротомию. К счастью, лезвие не задело кишечник, и протекающие кровеносные сосуды были легко восстановлены. Ваше запястье получило перелом дистального отдела лучевой кости, поэтому ваша рука сейчас зафиксирована шиной. Я не планирую менять ее на жесткий гипс, но не буду знать наверняка, пока отек немного не спадет. Кроме того, у вас легкое сотрясение мозга, что может вызвать временную спутанность сознания, потерю памяти или чувствительности к свету или звуку. Нам нужно будет наблюдать за вами около недели, учитывая, что ваш организм восстанавливается сразу после нескольких травм. Если все пойдет хорошо, вы должны почувствовать себя значительно лучше через две-три недели и полностью восстановиться через шесть-восемь недель.

Я выдохнула.

— Это слишком много, чтобы воспринять сразу.

— Да, хотя, я бы сказал, что вы везучая молодая девушка. Исход мог быть гораздо хуже, если бы были перфорированы какие-либо важные органы, — он на мгновение замолкает. — У вас есть какие-нибудь вопросы?

Сейчас я задаюсь вопросами *обо всем*, но не могу долго сосредоточиться на чем-то одном.

— Я устала.

— Понимаю, — Доктор Йейтс кивает. — Я дам вам немного отдохнуть. Просто дайте знать медсестрам, если у вас возникнут вопросы, и они смогут вызвать меня.

Мои веки начинают трепетать, когда он выходит из палаты.

— Кристи?

Моя медсестра снова появляется в поле зрения.

— Да, милая?

— Не могли бы вы проследить, чтобы в мою палату не заходили посетители? Я не хочу, чтобы кто-то был здесь, пока я сплю — особенно тот парень, который был здесь ранее.

Она приподнимает брови.

— Этот парень причиняет тебе боль, дорогая? Он сделал это с тобой?

— Нет, — бормочу я. — Он определенно не был одним из них. Я просто... мне нужно знать, что никто не войдет сюда, пока я сплю.

Кристи похлопывает меня по руке.

— Конечно. Я прослежу, чтобы другие медсестры тоже знали.

Я полностью закрываю глаза, успокоенная ее заверениями. То, что Кингстон не напал на меня физически, не означает, что он не стоял за этим. Возможно, я буду чувствовать себя по-другому, когда у меня прояснится голова, но сейчас каждый человек, которого я встретила с тех пор, как умерла моя мама, является подозреваемым.

2. Кингстон

Я в ярости направляюсь в комнату ожидания. Бентли, Рид и моя сестра сидят в креслах, ожидая новостей, но у меня есть другие дела, которые нужно решить в первую очередь. Бентли встает, увидев мое приближение, и напрягается, вероятно, из-за моей очевидной ярости.

Я хватаю его за рубашку и впечатываю его спиной в стену.

— Какого хрена ты ее бросил? Этого бы никогда не случилось, если бы ты сделал то, что я тебе сказал!

Его ноздри раздуваются.

— Пошел ты, мужик. Это дерьмо не моя вина.

— Черта с два!

Рид оттаскивает меня от Бента.

— Успокойся, черт возьми, пока из-за тебя нас всех не вышвырнули отсюда.

Я начинаю расхаживать по маленькой комнате, пытаюсь убить Бентли взглядом.

Сестра дергает меня за руку.

— Кингстон, сядь и расскажи нам, что случилось. Она уже проснулась?

Я сажусь на самое дальнее сиденье от объекта моего гнева.

— Да, она проснулась. И она выгнала меня из своей палаты.

Брови Эйнсли сходятся на переносице.

— Почему она это сделала?

— Потому что она думает, что я имею какое-то отношение к ее нападению. Ты можешь поверить в это дерьмо? Какого хрена? Если кто и виноват, так это этот мудака. Это *он* оставил ее уязвимой для того, кто на нее напал, — я вскидываю руку в сторону Бентли.

Он отмахивается от меня.

— Пошел ты. Ты сказал мне, что был прямо за мной. Откуда мне было знать, что ты задержишься, если ты не поделился со мной этой информацией?

— Я же сказал тебе оставаться с ней, пока я не приеду! Тебе не показалось странным, что ты не столкнулся со мной, пока почти не добрался до дома? Это было в двадцати минутках ходьбы, ты, кретин.

Он скрипит зубами.

— Я подумал, может, ты пошел по другой дороге. И опять же, если бы ты сказал мне, что тебя задержали, я бы не ушел.

— Мне не следовало этого делать. А тебе не следовало отходить от нее ни на шаг.

Бентли вскакивает со стула.

— Ну, извини, блядь, меня за то, что я не хотел оставаться рядом и видеть сердечки в ее глазах, когда ты появишься!

Рид встает со стула в то же время, что и я, и разводит руки в стороны.

— Серьезно, ребята, вы привлекаете внимание. Сядьте, блядь, на место.

Я слишком взвинчен, чтобы сидеть, поэтому продолжаю расхаживать взад-вперед.

— Значит, ты оставил ее одну в лесу посреди ночи, потому что не можешь смириться с ролью второго плана? Ты серьезно хочешь сказать, что это произошло из-за твоего эгоизма?

— Это ты идиот, который решил, что это хорошая идея — затащить ее туда! — возражает он.

— Именно там была пришвартована лодка!

Он закатывает глаза.

— Я все еще не понимаю, почему ты захотел вытащить ее посреди ночи.

— Я уже объяснял это. Я хотел уединиться.

— Ну да, тебе это удалось, — ехидничает Бентли. — Мой вопрос в том, какого хрена ты не мог просто устроить все это с тортом и шампанским в большой *пустой* каюте?

Я ударяю кулаком в стену, шипя от боли. Как будто я не задавал себе этот вопрос тысячу раз за последние несколько часов.

— Кингстон, прекрати! — Эйнсли хватает мой сжатый кулак и осматривает его.

Я падаю обратно на стул, сжимая руку. Рид садится рядом со мной, вероятно, чтобы удержать меня, если я попытаюсь набить морду Бентли.

— Я пойду поищу немного льда, — предлагает Эйнсли.

Я задерживаю дыхание на несколько мгновений, стараясь прогнать образы из головы. Меня нелегко напугать, но найти Жас в таком состоянии... окровавленной и избитой, было ужасно. Я думал, что она мертва. У меня был короткий миг облегчения, когда я почувствовал ее неглубокое дыхание, но, когда я действительно рассмотрел ее внешний вид и понял, что она, возможно, была изнасилована, вдобавок ко всему прочему, я чуть не потерял самообладание. Если бы я не был так занят, пытаясь остановить ее кровотечение, я бы устроил настоящий ад.

Когда мы только приехали в больницу, медсестра сообщила мне, что они не будут проводить обследование на предмет сексуального насилия без согласия пациента, потому что это довольно инвазивный процесс. Поэтому мы ждали, пока Жас придет в себя, чтобы рассказать нам, что произошло. Не зная до этого момента, что произошло... надругался ли кто над ней или нет... это убивает меня.

Я опускаю голову, чувствуя себя подавленным.

— Ты не видел ее, чувак. Она была в синяках, с маленькими царапинами по всему телу. На ее руку наложили шину, а глаз наполовину заплыл. Еще хуже... когда я нашел ее... какой бы больной убудок ни сделал это с ней, возможно, он причинил еще больший ущерб, чем я смог увидеть.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Рид.

Я смотрю Бентли прямо в глаза, зная, что он поймет мои чувства, как никто другой.

— Она была практически голой, когда я нашел ее. Ее платье было разрезано, а нижнее белье отсутствовало.

Бентли бледнеет и падает на стул.

— Черт.

— Да, — соглашаюсь я.

Его глаза поднимаются к моим.

— Ее...

Я качаю головой.

— Я не знаю. Она приходила в сознание всего пару раз, и была довольно не в себе от лекарств, которые они ей давали. Полиция все еще ждет, чтобы допросить ее.

Как же так получилось, что от одного из лучших вечеров в моей жизни я пришел к этому? Я планировал провести вечер, крестя свою новую лодку, поклоняясь подтянутому маленькому телу Жас, но вместо этого я сижу в чертовой больнице, ожидая возможности увидеть ее снова.

Эйнсли возвращается с холодным компрессом.

— Я взяла это в медпункте.

Я кладу компресс на костяшки пальцев.

— Спасибо.

Мы вчетвером сидим молча, обдумывая все, что произошло, пока кто-то не прочищает горло, заставляя меня поднять глаза. Чарльз Каллахан стоит в дверях и наблюдает за происходящим. Я уверен, что мы представляем собой потрясающее зрелище. Мы здесь уже шесть часов, и никто из нас не спал более двадцати четырех часов. Вся наша одежда помята, мои джинсы в грязи и испачканы кровью Жас.

— Звонила Пейтон, — объясняет он. — Сказала, что Жасмин увезли на скорой в больницу. Эта была ближайшей к дому у озера, так что я сделал обоснованное предположение, — он хмурится. — Они сказали, что она не принимает посетителей. Они ничего не говорят мне о ее состоянии, поскольку по закону она уже совершеннолетняя. Кто-нибудь из вас виделся с ней?

Черт. Я не в том настроении, чтобы иметь дело с этим человеком. Не знаю, смогу ли я сейчас скрыть свою ненависть к нему. Я чертовски уверен, что не доверяю ему, особенно в том, что касается жизни Жас. Насколько я знаю, это он виноват, и теперь он здесь, притворяется заботливым отцом, просто чтобы прикрыть свою задницу.

— Как Пейтон узнала? — спрашиваю я.

Чарльз поднимает плечо.

— Тебе следовало бы спросить ее.

— Я все еще был с ней, когда ты позвонил из скорой, — предлагает Рид. — Потом я позвонил Бенту, как только повесил трубку. Пейтон могла легко подслушать наш разговор.

Каллахан кивает Риду, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Ну, вот и выяснили. Ты уже видел Жасмин? Ты знаешь, что произошло?

Я пристально смотрю на этого уroda, не желая ничего ему рассказывать. Я уверен, что моя забота о его дочери дойдет до моего отца, но на самом деле мне наплевать.

Эйнсли, которая всегда старается быть миротворцем, говорит вместо мен.

— Кингстон был с ней все это время. Он просто пришел сюда, потому что она... отдыхает.

Чарльз поднимает бровь и выжидающе смотрит на меня.

— И в каком она состоянии?

Господи. Полагаю, я могу дать ему достаточно информации, чтобы он от меня отвязался.

Я прочищаю горло.

— Жас была избита и ранена ножом, но сейчас ее состояние стабильно. Они провели экстренную хирургическую операцию и обнаружили, что ее раны не такие серьезные, как они думали изначально. Доктор сказал мне ранее, что она должна быть готова к выписке через неделю или около того. Некоторое время ей будет больно, но с ней все должно быть в порядке.

— Приятно это слышать. Когда вы увидите ее в следующий раз, пожалуйста, скажите ей, что я заходил. Когда она будет готова вернуться домой, просто попросите ее связаться с Фрэнком, и он заберет ее.

Его тон абсолютно лишен эмоций, словно он ничуть не переживает, что его дочь могла умереть сегодня ночью. И не остается незамеченным, что у него нет вопросов о том, кто сотворил это с ней. Хуже всего то, что я ничуть не удивлен его безразличию.

Мне приходится усилием разжать челюсть.

— Вы не останетесь?

— Я не могу. Мне нужно успеть на самолет через несколько часов.

Мои губы сжимаются.

— Подождите... разве вы не были в поездке?

У Чарльза сводит челюсть.

— Не то чтобы я должен перед тобой оправдываться, но это была короткая ночная поездка на встречу с клиентом из Сан-Диего. Сейчас мы с Мэдлин направляемся в Кабо, чтобы немного развеяться. Сообщите Жасмин, что нас не будет несколько недель. Если по возвращении в дом ей понадобится какая-либо медицинская помощь, мисс Уильямс сможет принять необходимые меры.

Ни за что она вернется в это место. Я уже решил, что она будет жить со мной в домике у бассейна. По крайней мере, там у меня есть полная система безопасности, независимая от главного дома. Никто не войдет и не выйдет без моего ведома.

— Я дам ей знать. Счастливого провести отпуск, пока твоя дочь торчит в больнице.

В холодных глазах Чарльза вспыхивает ярость, но затем он меняет выражение лица. Не говоря больше ни слова, он поворачивается на пятках и уходит.

— Черт, а я думала, что наш папа безразличен, — пробормотала Эйнсли. — Я уверена, что он хотя бы *притворится*, что ему не все равно, если кто-то из нас пострадает.

Я усмехаюсь.

— Без шуток. Эти двое могут потягаться друг с другом за звание самого дерьмового отца десятилетия.

Бентли выдыхает.

— Что ты будешь делать, если она была... если кто-то напал на нее *таким образом*?

Прошло два года, а он до сих пор не может произнести это слово. Я уверен, что вся эта история вытаскивает на поверхность какое-то болезненное дерьмо.

— Я не знаю, — ну, кроме как выследить этого ублюдка и скормить ему свой член. Наверное, не стоит упоминать об этом на публике, поэтому я держу эту мысль при себе.

Эйнсли берет мою не опухшую руку.

— Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Я сопротивляюсь желанию рассмеяться. Я не могу вспомнить, когда в последний раз я испытывал надежду по поводу чего-либо, но я не хочу срываться на чувствах моей сестры.

— Да, будем надеяться.

3. Жас

— Жасмин, офицер ждет, чтобы задать тебе несколько вопросов. Ничего, если я впустил ее?

— Эм... да.

Марика, моя медсестра, назначенная на этот день, высунула голову за дверь и вернулась с брюнеткой в темно-синей форме.

Офицер занимает место рядом с моей кроватью.

— Привет, Жасмин. Меня зовут Иза Домингес. Ничего, если я задам тебе несколько вопросов?

— Конечно.

Она жестом указывает на Марику.

— Хотела бы ты уединения во время дачи показаний? Или чтобы кто-то еще

присутствовал?

— Она может остаться. Больше никого.

Офицер Домингес кивает.

— Твои травмы указывают на то, что ты, возможно, стала жертвой нападения. Это так?

— Да.

Она мягко улыбается.

— Ты помнишь какие-нибудь подробности?

— Это приходит в виде вспышек. Там было двое мужчин. Они были в масках — я не знаю, кто они.

Теперь, когда моя голова прояснилась, я думаю об этом без остановки. Я не могу перестать проигрывать инцидент снова и снова, пытаюсь определить, что я могла упустить. Я не узнала их голоса, но что-то показалось мне знакомым в тех мужчинах, которые напали на меня, особенно в главном парне. Я продолжаю испытывать фантомные боли от того, что я чувствовала, когда он придавил меня своим весом, лапал меня, бил меня. Я все еще чувствую запах алкоголя в его дыхании, когда он смотрел на мое обнаженное тело. Чувствую, как его эрекция упирается мне в бедро, становясь все больше и больше по мере того, как я кричала.

Офицер пишет заметки в блокноте, который у нее с собой.

— Я буду ждать сколько потребуется.

— Эм... они появились из ниоткуда и начали преследовать меня. Когда один из них догнал меня, он пригрозил мне ножом, сказал, что не причинит мне вреда, если я буду сотрудничать.

— *Теперь слушай сюда, дрянь. Вот как все будет происходить. Ты прекратишь попытки покалечить нас и раздвинешь свои красивые ножки. Если ты снова попытаешься кричать о помощи, я перережу тебе глотку. Если будешь терпеть, как хорошая девочка, пока мы с тобой не закончим, ты останешься в живых. Поняла?*

— Сотрудничать, каким образом?

Я проглотила комок в горле.

— Он сказал мне раздвинуть ноги и принять его, как хорошая девочка.

Офицер Домингес делает глубокий вдох.

— И что потом?

— В какой-то момент я выхватила нож, но он попытался вернуть его обратно, — я поднимаю левую руку. — Вот тогда-то она и сломалась, я думаю. Потом он ударил меня ножом во время борьбы. После этого все стало немного туманным.

Она делает еще больше заметок.

— Можешь ли ты вспомнить какие-нибудь детали их внешности? Цвет волос, телосложение, что-то в этом роде?

Я задумалась на мгновение.

— Они оба были высокими... один парень был худощавого телосложения, как у бегуна, а тот, кто ударил меня ножом, был довольно мускулистым. Он был очень тяжелым, но крепким. Их маски закрывали всю голову, так что я не знаю о цвете волос или еще о чем-то.

Она смотрит мне прямо в глаза.

— Я знаю, что следующий вопрос будет трудным, но я должна спросить, исходя из того, в каком состоянии ты была, когда прибыла. Ты подверглась сексуальному насилию?

Я прочищаю горло, проклиная сухость. Медсестра, должно быть, читает мои мысли, потому что она включает кран в маленькой раковине и протягивает мне бумажный

стаканчик, наполненный водой.

— Спасибо, — я делаю несколько глотков, прежде чем продолжить. — Да, но не... *полностью*. Он ничего не засунул в меня. Не из-за отсутствия попыток, а когда он пырнул меня ножом, они испугались и убежали. Я думаю, нож был просто предназначен для того, чтобы напугать меня.

Ответить на этот вопрос было достаточно сложно, когда одна из моих медсестер впервые задала его, но я понимаю, что офицер должен быть внимательным.

— *О, черт, мужик! Ты пырнул ее ножом! Ты, блядь, пырнул ее ножом! Нам нужно убираться отсюда к черту!*

— *Посмотри, что ты наделала, тупая сука. Ты могла бы просто раздвинуть ноги, и этого бы никогда не случилось.*

— Кто-нибудь из них сказал что-нибудь, что бросилось в глаза или ты знаешь кого-нибудь, кто хотел бы потенциально навредить тебе?

— *Ты видишь эту великолепную маленькую киску? Она свежесвыбритая и все такое. Как будто она ждала нас. Наш работодатель поймет.*

— Эм... я так не думаю, — я не знаю, почему я опускаю эти факты, но мой внутренний инстинкт подсказывает мне держать это при себе.

— Можешь ли ты вспомнить что-нибудь еще, что может помочь найти нападавших?

Я качаю головой.

— Нет, насколько я могу судить.

— Хорошо. Думаю, на сегодня достаточно, — офицер Домингес спрашивает мой номер телефона, затем достает из кармана рубашки визитку и кладет ее на прикроватный столик. — Вот моя контактная информация, если ты вспомнишь что-нибудь еще. *Что угодно*. Пожалуйста, не стесняйся обращаться ко мне. Если я не получу от тебя вестей, я свяжусь с тобой, как только у меня будет больше информации с места преступления.

— Спасибо.

Я издаю тяжелый вздох, когда она выходит из комнаты.

— Могу я тебе что-нибудь предложить? — спрашивает медсестра Марика. — Обед подадут примерно через час, но я могу принести тебе что-нибудь перекусить, если хочешь.

Я совсем забыла, что она здесь, поэтому немного подпрыгнула, когда она заговорила.

— Э... нет, я в порядке. Спасибо. Думаю, я бы хотела просто вздремнуть.

Я замечаю принт в виде доски для серфинга на ее халате, когда она останавливается в дверном проеме.

— Извини, если я перегибаю палку, но джентльмен, который был здесь вчера, ни разу не покинул больницу. Его друзья приходили и уходили, но он все время был здесь. Похоже, он очень беспокоится о вас — постоянно спрашивает, разрешила ли ты принимать посетителей.

— Спасибо, что сообщили мне, — я вздохнула. — Но я все равно не хочу никаких посетителей.

Марика кивает.

— Конечно.

Я смотрю в потолок, когда она выходит из комнаты. Какого черта я сейчас чувствую себя виноватой? Что с того, что Кингстон находится здесь уже более сорока восьми часов? Я едва могу дойти до уборной, которая находится в пяти футах от меня. В сложившихся обстоятельствах, я думаю, вполне разумно не хотеть, чтобы кто-то был рядом со мной, пока

я такая беззащитная. Кингстон может слоняться по больнице сколько угодно, но я не позволю ему вернуться в мою палату.

— Юная леди по имени Эйнсли принесла это, пока вы спали, — медсестра кладет мой мобильный телефон на прикроватный столик, а сумку с вещами — на встроенную скамейку. — Она подумала, что они могут вам понадобиться.

Я беру свой телефон, улыбаясь заботливости Эйнсли. Все мои вещи, включая телефон, остались в доме у озера. Я с ужасом думала о том, что придется договариваться о том, чтобы забрать их. Я могла бы обойтись без одежды, но в моих контактах есть один номер, который я не запомнила и который мне очень нужен. Удивительно, но есть только одно текстовое уведомление, и, конечно же, оно от Кингстона.

Я делаю глубокий вдох, разблокирую телефон и читаю сообщение.

Кингстон: Контакт перенаправлен: Белль Ривьера-Вашингтон

Что за черт? Я открываю карточку контакта и вижу имя Белль с адресом iCloud на ней. Когда это она успела обзавестись устройством Apple, чтобы иметь такой адрес?

Я тут же набираю номер Кингстона, и он отвечает после первого же гудка.

— Вижу, медсестра доставила твои вещи.

Я сразу перехожу к делу.

— Почему ты присылаешь мне контактную информацию моей сестры?

Он издал глубокий смешок.

— Я знаю, что ты была разочарована из-за того, что тебе постоянно приходилось связываться с ней через Джерома, поэтому я устранил посредника. У Белль теперь есть новый iPad, так что вы можете общаться по FaceTime так часто, как захотите. Он подключен к сотовой сети, а счет выписан на мое имя, так что нет никакого риска, что его отключат за неуплату. Не беспокойся об ее отце — о нем тоже позаботились. Он не будет вмешиваться.

— Но... как? Почему?

— Эйнсли и Рид заехали к твоей сестре домой и объяснили, почему ты пропустила нашу последнюю встречу в прошлое воскресенье... объяснение, во всяком случае, подходящее для семилетнего ребенка. Белль знает, что ты была ранена и находишься в больнице, но что с тобой все будет в порядке. Она ждет твоего звонка, когда ты будешь в состоянии это сделать.

Черт бы его побрал. Он знает, что моя младшая сестра, Белль, — моя самая большая слабость. Ее отец, Джером, редко берет трубку, когда я звоню, и половину времени он оправдывается тем, что Белль не может говорить. Я не знаю точно, почему он постоянно держит меня подальше от нее, но подозреваю, что это может быть связано с контролем. Он хочет напомнить мне, у кого есть опека над ней, и кто на самом деле главный.

Заверения Кингстона, что Джером не будет вмешиваться, говорят мне о том, что он платит ему за то, чтобы он разрешил это, так же как он платит ему за наши еженедельные визиты. Я ненавижу, что Кингстон сделал это, потому что он снова использует Белль, чтобы сблизиться со мной, но я не могу сказать, что это не делает меня счастливой, имея такой легкий способ поговорить с ней.

Моя мама пристыдила бы меня за то, что я не приняла подарок, поэтому я смирилась и сказала: — Спасибо. Это было очень предусмотрительно.

Клянусь, я слышу, как он улыбается.

— Тебе было очень трудно произнести это, не так ли?

— Нет, — ворчу я.

Так и было на самом деле.

Еще один смешок.

— Ты чувствуешь себя лучше? Могу я тебе что-нибудь принести?

Я прикусила губу, тщательно продумывая свой ответ. Я не хочу, чтобы Кингстон подумал, что я открываю линии общения между нами, потому что я не готова к этому.

— Нет. Медсестры заботятся обо мне. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это дать мне время.

Иииии неловкое молчание.

— Я не имею к этому никакого отношения, Жас. Ты должна это знать.

Я качаю головой.

— Я сейчас ничего не знаю.

Он рычит себе под нос.

— Когда я найду того ублюдка, который сделал это с тобой, он *заплатит*. Я, блядь, гарантирую это.

— Я уже говорила тебе однажды, мне не нужен рыцарь в сияющих доспехах, Кингстон. Я могу сама о себе позаботиться.

— Очень жаль. Я не хочу быть рыцарем, Жас, но я намерен сделать все необходимое, чтобы поймать этого парня.

Я заметила, что он не упоминает, что на меня напали двое мужчин. Впрочем, все это может быть притворством. Кингстон — самый наблюдательный человек, которого я когда-либо встречала, он обращает внимание на детали, так что он знал бы, что не стоит совершать такую ошибку, если бы он действительно знал. Боже, пытаться распознать уловки — это утомительно.

Я вздыхаю.

— Насколько я знаю, ты не был офицером полиции.

— У меня есть доступ к ресурсам, которых нет у полиции. Они могут провести собственное расследование, но у меня уже есть свой человек, который делает то же самое. Если он найдет что-нибудь полезное, он передаст это в полицию.

— Зачем тебе все это?

Клянусь, я чувствую его пристальный взгляд.

— Ты серьезно? Как ты думаешь, нахрена мне все это?

— Я устала, Кингстон. Сейчас я собираюсь отдохнуть. Тебе стоит пойти домой и сделать то же самое.

— Я никуда не уйду, пока ты здесь, — я так и представляю, как он в отчаянии проводит рукой по волосам. — Ты не хочешь пускать меня в свою палату — хорошо. Я думаю, это нелепо, учитывая, что я один из немногих людей, которым ты *можешь* доверять, но неважно. Я не собираюсь давить на тебя, пока ты лежишь на больничной койке. Но знай, Жас: как только ты выберешься отсюда, я стану твоей чертовой тенью, так что тебе лучше привыкнуть к этой мысли прямо сейчас. Я никому не позволю снова причинить тебе боль.

— Преследование в Калифорнии запрещено законом, — мой аргумент слаб, но это все, что у меня есть.

Его насмешка слышна через телефонную линию.

— Да? Ну, тогда хорошо, что я знаю несколько отличных адвокатов.

— Ты невозможен.

— Настойчив, — поправляет он. — Именно поэтому я *всегда* получаю то, что хочу.

Я знаю, что, скорее всего, пожалею, что спросила об этом, но все равно это делаю.

— И чего же ты хочешь?

— Тебя. И мести.

Да, определенно не стоило спрашивать.

4. Жас

После целых семи дней, проведенных в больнице, я наконец-то могу вернуться домой. Кингстон сдержал свое обещание стоять все это время на страже. Однако, насколько мне известно, мой донор спермы так и не появился и не предпринял ни одной попытки связаться со мной. Я задавалась вопросом, знает ли он вообще, где я нахожусь, пока управляющая домом, мисс Уильямс, не позвонила в больницу, передав сообщение, что мой водитель, Фрэнк, отвезет меня домой, когда я буду готова.

Я не могу перестать думать о том, как бы по-другому моя мама справилась с ситуацией, если бы была жива. Она бы порхала вокруг меня, следя за тем, чтобы мне было комфортно. Или пекла бы угощения для персонала больницы, чтобы выразить свою признательность за всю их тяжелую работу. Белль была бы рядом с ней, раскрашивала или читала, или свернувшись калачиком, смотрела со мной мультфильмы в постели. У меня было несколько мрачных моментов, когда я лежала в этой кровати, и все мои мысли о том, что могло бы быть, практически душили меня.

— Вы готовы идти домой? — санитар улыбается, совершенно не понимая, что оставаться здесь на самом деле лучше, чем в особняке моего отца.

Я осторожно опускаюсь в кресло-каталку, которое он предлагает.

— Готова настолько, насколько это возможно

Еще до того, как мы проехали комнату ожидания, я почувствовала близость Кингстона. Этот человек всегда умеет проникать в мои чувства. Пряный аромат его одеколona, запах мыла, которым он пользуется, тембр его голоса. Но самое заметное — это то, как мое тело напрягается, когда он рядом. Меня необъяснимо тянет к нему, несмотря на яростные протесты моей головы. Даже сейчас, в моем ослабленном состоянии, мой мозг воюет с моим телом. Часть меня с нетерпением ждет, когда я впервые увижу его, в то время как другая часть говорит мне бежать далеко-далеко отсюда.

Кингстон вскакивает со стула, когда видит нас.

— Подождите!

Санитар перестает толкать мое кресло.

— Вы его знаете?

Я вздыхаю.

— Да.

Кингстон выглядит лучше с тех пор, как я видела его в последний раз — по крайней мере, его одежда чистая, но он все еще выглядит измученным. Однако это не умаляет моего непреодолимого влечения к нему. Как кто-то может провести неделю в тесной комнате ожидания и при этом оставаться таким потрясающе красивым — уму непостижимо.

— Я возьму свою машину и встречу вас у входа, — Кингстон поворачивается к Эйнсли, которая только что присоединилась к нам. — Ты останешься с Жас.

— Кингстон, нет, — я хватаю его за руку, прежде чем он успевает уйти, но быстро отдергиваю руку, когда чувствую, как между нами вспыхивает искра.

— Что значит «нет»? — его брови сходятся.

Эйнсли одаривает меня мягкой улыбкой.

— Привет, Жас

— Привет. Еще раз спасибо, что принесла мою сумку.

Она кивает.

— Конечно.

Я не выдержала и написала Эйнсли несколько раз за последние несколько дней, решив, что она — самый безопасный выбор. Наши разговоры касались нейтральных тем, но общение с ней помогало сдерживать мое одиночество.

Я снова повернулась к Кингстону.

— Фрэнк ждет меня у входа. Меня подвезут.

Выражение лица Кингстона за полсекунды меняется с озабоченного на взбешенное.

— К черту. Ты *не* вернешься в этот дом.

Властная задница.

Я свирепо смотрю на него.

— А куда еще мне прикажешь идти? Это единственный дом, который у меня есть.

— Мой дом, — в его тоне звучит возмущение, как будто спрашивать его об этом нелепо.

Ладно, я признаю, что особняк Каллахана — не мой приоритет, но это мой единственный вариант, потому что я точно не останусь с Кингстоном. Когда я жила в Уоттсе, я так много времени проводила, присматривая за сестрой, пока наша мама была на работе, что я ни с кем не общалась вне школы. Мои друзья были больше похожи на школьных знакомых. Единственным исключением был мой бывший, Шон, и я не собираюсь спрашивать его, могу ли я переночевать у него.

Кроме того, мисс Уильямс сказала мне, что Чарльз и Мэдлин будут в Мексике еще две недели, так что то, что мне не придется иметь с ними дело, уже облегчение. Даже если бы у меня были деньги на мотель — а у меня их нет, — мне не нравится мысль о том, что я буду совершенно одна. В особняке всегда есть персонал, который поможет мне в случае необходимости. Такие простые вещи, как ходьба или одевание, по-прежнему даются мне с трудом. У меня есть швы по всей ширине лобковой кости, а также в небольшом месте на боку, и каждый раз, когда я двигаюсь, они растягиваются, что причиняет адскую боль.

Не говоря уже о том, что половина моего тела была изуродована. Мои синяки уже не такие темные, и глаз больше не опухший, но каждое место, куда меня ударили, или пнули ногой, или бросили на землю, болит. Не буду врать: мой супер-люксовый матрас с подушками в доме донора спермы кажется раем после недели, проведенной на неудобной больничной койке.

Я усмехаюсь.

— Спасибо, но нет.

— Почему, черт возьми, нет? — он практически кричит, совершенно не заботясь о тех, кто сейчас наблюдает за разворачивающейся драмой.

Эйнсли дергает его за руку.

— Кингстон, успокойся.

— Э... мне вызвать охрану по рации? — санитар слегка отодвигает мое кресло назад.

— Нет, — я качаю головой. — Мы можем просто пойти?

— Конечно, — говорит он, подталкивая мое кресло к лифтовому отсеку.

Конечно, Кингстон и Эйнсли следуют за нами по пятам. Мы все четверо заходим в лифт, когда двери открываются.

— Жас, ты *не можешь* вернуться в этот дом, — настаивает Кингстон. — Нет, пока мы не выясним, кто сделал это с тобой. Я им не доверяю.

— Мы можем обсудить это позже?

— Конечно.

— Правда? — мои брови приподнимаются. Я не ожидала, что он так быстро согласится. Кингстон ухмыляется.

— Да, мы можем поговорить об этом позже. У меня дома. После того, как ты устроишься.

Я должна была догадаться, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Я возвращаюсь в *свой* дом. Я не идиотка и знаю, что никому из них нельзя доверять. Я никогда и не доверяла. В одном я уверена: это мой *единственный* выход. Я справлюсь с этим.

Мужчина позади меня, вероятно, задается вопросом, что, черт возьми, происходит. Держу пари, он обычно не чувствует себя так, будто попал в мыльную оперу, когда вывозит кого-то из больницы. Лифт, наконец, достигает первого этажа, и мы направляемся в зону приема пациентов. Фрэнк стоит перед черным лимузином, покорно ожидая моего прибытия.

Фрэнк открывает заднюю дверь.

— Мисс Жасмин, рад вас видеть.

Я улыбаюсь.

— Привет, Фрэнк. Спасибо, что приехал за мной.

Фрэнк поднимает сумку с моих колен, прежде чем помочь мне подняться с кресла и сесть в машину.

— Я рад помочь, — бедняга стоит там, неловко ерзая, потому что Кингстон мешает ему закрыть дверь.

Я мягко улыбаюсь.

— Дай нам минутку, ладно?

— Конечно, — он кивает, прежде чем обойти машину и сесть за руль. Тем временем Кингстон в ярости держит дверь открытой, несомненно, прикидывая свои шансы на спасение, если он перекинет меня через плечо и бросится бежать. Глаза Эйнсли расширились в знак предупреждения, несомненно, почувствовав его намерения с помощью их причудливой близнецовой связи.

Его губы поджимаются, когда я пристегиваю ремень безопасности.

— Мы будем прямо за вами.

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Нет. Ты этого *не сделаешь*. Я иду прямо в постель, так что нет смысла, — я поворачиваюсь к его сестре. — *Не* позволяй ему следовать за мной — в доме достаточно персонала, чтобы присмотреть за мной. Я напишу тебе позже, хорошо?

Она улыбается.

— Хорошо.

Кингстон хватается обеими руками за дверную раму и наклоняется, пока не оказывается в нескольких дюймах от моего лица. Его глаза сегодня цвета лесной зелени с крошечными золотыми крапинками вокруг радужки. Мне требуется огромное самообладание, чтобы остаться на месте и не прижаться к нему. Я чувствую жар, исходящий от его тела, пока мы смотрим друг на друга, и мне так сильно хочется прикоснуться к нему. Чтобы он прикоснулся ко мне.

Что такого в Кингстоне Дэвенпорте, что так сильно меня привлекает? Почему он может втянуть меня в свою орбиту без всяких усилий? Это Лос-Анджелес... В моей жизни было немало необычайно привлекательных парней, но я никогда не испытывала такой сильной реакции на них, как на него.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить свой учащенный пульс.

— Кингстон, пожалуйста, отойди, чтобы я могла закрыть дверь.

— Это еще не конец, Жас, — он выпрямляет спину и захлопывает дверь.

Я наблюдаю за ним, пока мы отъезжаем от обочины, позволяя его словам найти отклик. Конечно, это еще не конец. Это далеко еще не конец. Я твердо намерена выяснить, кто напал на меня, кто их нанял и что, черт возьми, происходит между нашими отцами. Мне просто нужно подождать, пока я не стану достаточно передвигаемой чтобы что-то предпринять.

Кингстон сколько угодно может изображать крутого парня, но я не похожа на тех девушек, к которым он привык. Я не боюсь запачкать руки, и я определенно не боюсь правды. Независимо от того, насколько уродливой она может оказаться, я *собираюсь* докопаться до сути. Внутри меня бурлит тьма, требующая возмездия, чего бы это ни стоило, и я намерена добиться своего. Если в процессе мне придется потерять частичку своей души... что ж, по крайней мере, у меня останется хороший кусок.

— Жас!

Я улыбаюсь, когда улыбка моей сестры озаряет экран нашего FaceTime-звонка.

— Привет, горошинка. Я скучаю по тебе.

Круглые шоколадные глаза Белль прищуриваются, когда она рассматривает мой внешний вид. Я намеренно ждала, пока окажусь дома, чтобы связаться с ней, чтобы скрыть свои синяки. Стратегически грамотно нанесенный макияж и приглушенное освещение сделали свое дело. Вблизи все еще можно разглядеть небольшое изменение цвета кожи, но при видеовызове — не так заметно.

— Ты не выглядишь раненной.

Я сдерживаю ухмылку в ответ на обвинительный тон Белль. Ее дерзость — одна из моих любимых черт в ней.

— Это потому, что я чувствую себя намного лучше. Врачи привели меня в порядок, почти как новенькую.

Я ненавижу лгать, но я ни за что не расскажу ей, что произошло на самом деле. Она слишком молода. Даже если я все приукрашу, она уже в том возрасте, когда воображение работает на полную катушку. Последнее, чего бы я хотела, это чтобы она представила себе хоть часть того, что со мной произошло.

— Кингстон подарил мне iPad, а у меня даже не день рождения! — взволнованно говорит она, в конце концов переходя к следующей теме. Слава Богу.

— Я вижу, — улыбаюсь я. — Ты уже поблагодарила его?

— Я нарисовала рисунок! — камера теперь направлена в потолок, так что я предполагаю, что она отложила iPad. — Смотри!

Я успеваю мельком увидеть лицо Белль, парящее над экраном, прежде чем она показывает его. Она нарисовала высокого светловолосого мальчика, невысокую темноволосую девочку и еще более маленькую девочку с заплетенными косами, которые держатся за руки. Судя по тому, как Белль выбрала цвет волос и кожи, нет никаких сомнений в том, кого представляет каждый из них: Кингстон, я и моя сестра.

Пока Белль без умолку рассказывает о своей жизни с тех пор, как мы виделись в последний раз, я улыбаюсь и киваю, время от времени вставляя несколько слов. Однако мои мысли витают в другом месте. Я не могу перестать думать о Кингстоне, что, полагаю, вполне объяснимо, учитывая, что именно благодаря ему я сейчас могу общаться с сестрой по FaceTime. Привязанность Белль к нему после всего лишь нескольких прогулок вызывает тревогу. Но как я могу винить ее, когда он был таким милым, терпеливым и щедрым каждый раз, когда она его видела? Я бы никогда не поверила, что он обладает этими качествами, если бы не увидела это собственными глазами.

Этот человек — ходячее противоречие.

Большую часть времени он задумчив и загадочен, в совершенно сексуальном смысле, как кошачья мята для женского населения. Но когда он общается с парнями вне школы, он расслаблен и даже иногда смешон. С Эйнсли, мной и, черт возьми, даже с Белль, он супер-защитник, и бывают моменты, когда он невероятно заботлив и добр. Независимо от того, какого Кингстона вы видите в тот момент, всегда есть эта скрытая ярость, которую, я думаю, многие не замечают. Или, может быть, они не понимают ее масштабов.

Помню, как на первом курсе на уроке естествознания я смотрела видео об извержении вулкана Сент-Хеленс. Пейзаж был захватывающим, его любили любители активного отдыха или просто те, кто искал спокойное место, чтобы провести свой день. Вулкан спокойно простоял более ста лет, и все это время под его поверхностью нарастало давление. Существовало достаточно доказательств его скорого пробуждения, но широкая общественность не воспринимала эти сообщения достаточно серьезно. Туристы продолжали стекаться в этот район — некоторые даже объезжали блокпосты и игнорировали воздушные ограничения — пока идеальное сочетание событий не вызвало катастрофический взрыв. Извержение было настолько мощным, что буквально снесло вершину горы, убив всех, кто находился поблизости.

Кингстон напоминает мне тот вулкан. Если вы не смотрите дальше его внешней красоты, если вы игнорируете предупреждающие знаки, вы подвергаете себя риску. Он опасен — возможно, даже смертельно опасен, и я была бы душой, если бы забыла об этом.

— Ребята, вы заедете за мной в воскресенье?

Мое сердце болит, когда я вижу надежду в глазах Белль. Я никак не могу исцелиться к тому времени, и я не хочу, чтобы она видела меня в таком состоянии. К тому же, пока я не буду уверена, что Кингстон вне подозрений, я не хочу, чтобы он приближался к моей сестре.

— О, милая, не в это воскресенье, но, может быть, в следующее, — если к тому времени я буду достаточно здорова, чтобы увидеться с ней, я попрошу Фрэнка отвезти меня.

Она хмурится.

— Как так? Разве ты не хочешь меня увидеть?

— Конечно, я хочу тебя увидеть, — заверяю я ее. — Но... я пролежала в больнице целую неделю, и у меня много-много домашнего задания, которое нужно успеть сделать перед школой.

По крайней мере, эта часть не является ложью. Первое, что сказала мне мисс Уильямс, когда я вернулась домой, было то, что мой отец ожидает, что я буду продолжать заниматься в школе, пока выздоравливаю.

— Домашние задания — это глупость, — она подчеркивает свое заявление, выпячивая нижнюю губу.

Я смеюсь до тех пор, пока мои швы не натягиваются, причиняя острую боль. Мне

приходится притворно чихнуть, чтобы скрыть свой визг, но от этого движения становится еще хуже. Проклятье.

Я делаю паузу, чтобы отдышаться от боли.

— Это действительно так, но знаешь, что самое потрясающее?

— Что? — я вижу, как в ее голове крутятся шестерёнки, как между ее бровями образуется маленькая складка.

— До этого ты можешь увидеть меня в любое время. Тебе просто нужно нажать зеленую кнопку камеры на своем iPad, и мы сможем общаться по видеосвязи.

— Это супер-пупер круто!

Боже, как я люблю ее улыбку.

Я прикрываю рот, когда ко мне подкрадывается огромный зевок. Когда тебя избивают, это действительно отнимает у тебя всю энергию. Я ни капельки не рекомендую это испытывать.

— Думаю, мне нужно немного вздремнуть, прежде чем приступить к домашнему заданию. Мне пора идти, но позвони мне завтра, когда придешь со школы, хорошо?

Белль кивает.

— Хорошо! Люблю тебя, Жас!

— Я тоже тебя люблю, сладкая девочка.

Ее лицо исчезает, когда я нажимаю кнопку завершения вызова. Осторожно забравшись под одеяло, я кладу голову на подушку и закрываю глаза. Я помню только, как сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем крепко заснуть.

5. Жас

Настойчивый стук в дверь будит меня. Я осторожно сажусь в кровати, свешивая ноги в стороны.

— Подождите секунду.

Я медленно пробираюсь туда, поворачиваю замок и открываю дверь. Мисс Уильямс стоит в коридоре с невозмутимым сучьим выражением лица.

— Мисс Жасмин, вас ждет посетитель в театральном зале. Вы хотели бы встретиться с ним там, или мне отправить его сюда?

Я вздыхаю.

— Ни то, ни другое. Пожалуйста, передайте Кингстону, что я позвоню ему, когда буду готова к разговору. Так же, как я говорила ему каждый день в течение недели, что была дома.

— Это не мистер Дэвенпорт.

А?

— Кто же тогда?

— Бентли Фицджеральд.

Что Бентли здесь делает? Его прислал Кингстон? Я смотрю вниз на майку и пижамные шорты, которые на мне надеты. Они прикрывают кожу ничуть не меньше, чем я бы показала в теплый день, но я все равно чувствую себя незащищенной.

— Дайте мне несколько минут, и вы сможете прислать его сюда. Мне нужно сначала переодеться.

Мисс Уильямс кивает.

— Очень хорошо.

Я направляюсь в свою гардеробную и закрываю дверь. Полностью переодеться потребует слишком много усилий, поэтому я довольствуюсь старой толстовкой. Я быстро заглядываю в зеркало во весь рост и с удовольствием вижу, что мои синяки почти полностью исчезли. Я сморщилась, когда мой взгляд переместился на гигантское птичье гнездо на макушке моей головы. Я не мыла волосы почти неделю, и они чертовски жирные и спутанные.

Что-то настолько простое не должно быть таким сложным, но с поврежденным запястьем это так. Я могу снять шину, когда принимаю душ, но мне все равно нельзя двигать запястьем, а пытаться мыть голову только одной рукой — та еще морока. Возможно, мне придется смириться и воспользоваться услугами салона Мэдлин. Хотя сейчас мне это не поможет. Ну, ладно. Мне же не нужно беспокоиться о том, чтобы произвести впечатление на Бентли, верно?

— Жасси Жас, ты здесь?

Я заканчиваю застегивать молнию и открываю дверцу, выходя из шкафа. Бентли стоит в дверях, его глаза устремлены в мою сторону, когда я прочищаю горло.

— Привет. Что ты здесь делаешь?

Он бросается на меня прежде, чем я успеваю среагировать, и заключает в гигантские медвежьи объятия, приподнимая меня на цыпочки.

— Слава Богу, с тобой все в порядке. Прости, что пришел без предупреждения, но я не мог больше ждать, чтобы увидеть тебя.

Я задыхаюсь, когда он сжимает меня слишком крепко. Черт, это больно.

— Бент... полегче.

— Черт. Извини, — он тут же отпускает меня и оглядывает с ног до головы. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, учитывая все обстоятельства, — я пожимаю плечами. — Что ты здесь делаешь? Тебя прислал Кингстон?

— Нет, детка. Мне просто нужно было увидеть тебя живой своими собственными глазами. Дэвенпорт, наверное, разозлится, если узнает, что я приехал, — Бентли нервно откашливается. — Мы можем поговорить?

Мои глаза сверлят его, ищут. Я решаю, что нет ничего плохого в том, чтобы выслушать его, поскольку вероятность того, что Бентли предпримет что-нибудь сомнительное, когда дверь моей спальни открыта, ничтожно мала.

Я киваю.

— Да, мы можем поговорить. Но мне нужно присесть.

Он приподнимает темную бровь.

— Тебе нужна помощь?

— Нет, я справлюсь, — я забираюсь на свою кровать и откидываюсь на мягкое изголовье. — О чем ты хочешь поговорить?

Бентли берет стул с моего стола и садится на него задом наперед.

— Я хотел извиниться. Если бы я знал, что твоего мальчика задержали, я бы никогда не ушел. Клянусь гребаным Богом, Жас, я бы никогда не подверг тебя такому риску.

Я на мгновение задумываюсь об этом. Как я могу доверять этому парню, если оставить меня одну было идеальным решением? Откуда мне знать, что он не ушел, зная, что сейчас произойдет, чтобы у него было алиби?

Я выпрямляюсь, когда думаю о том, как проверить его лояльность. Если Бентли хочет,

чтобы я ему поверила, он должен пойти мне навстречу.

— У меня есть несколько вопросов.

Он наклоняет голову набок.

— Ты можешь спрашивать меня о чем угодно.

— Что на самом деле произошло на вечеринке у Донована? И на этот раз не уклоняйся от деталей. Вы, ребята, накачали меня наркотиками?

— Блядь, нет, — он яростно качает головой. — Я бы никогда... *мы бы никогда...*

— Тебе нужно дать мне больше, чем это, Бент, потому что моя память о той ночи очень расплывчата, что не имеет смысла после всего двух напитков.

Он резко выдыхает.

— Малышка, ты должна задавать эти вопросы Кингстону.

— Я спрашиваю *тебя*, Бентли. После того, что случилось, я думаю, что заслуживаю несколько чертовых ответов. Как я могу тебе доверять, если ты не можешь ответить на несколько ничтожных вопросов? Я даже не знаю, как я попала в домик у бассейна. Я помню, как тусовалась с тем парнем из Калифорнийского университета, и следующее, что я помню, это то, что я думаю о том, как хорошо ты пахнешь.

Ему требуется мгновение, чтобы ответить.

— Мы заплатили Лоусону — он же парень из Калифорнийского университета — за то, чтобы он поболтал с тобой за выпивкой и привел тебя в домик у бассейна, когда ты уже станешь милой и неустойчивой, готовой отключиться.

Ого... значит, этот Лоусон был замешан в этом. Еще один человек, которого нужно включить в мой список для наблюдения. Я на мгновение уставилась на Бентли, пытаюсь прочесть его мысли. Ну, по крайней мере, он выглядит раскаявшимся. Или, может, он притворяется?

Я хмурюсь.

— Продолжай.

— И... у тебя открылось второе дыхание или что-то в этом роде, так что нам пришлось импровизировать, — Бентли одаривает меня застенчивой улыбкой.

— Что ты планировал делать после того, как затащил меня туда, такую — *неустойчивую и готовую отключиться?*

— Определенно не то, что произошло, — настаивает он. — Во всяком случае, до того, как ты разбилась.

Я скрещиваю руки на груди.

— Объясни.

Бентли вздыхает.

— Мы просто хотели сделать фотографии. Кингстон хотел сделать несколько снимков, чтобы все выглядело так, будто мы оба трахаем тебя.

— Чтобы, вы могли поделиться ими со всеми студентами?

— Да, — он сморщился.

— Почему?

— Так, это *действительно* вопрос к твоему мальчику. Я не могу говорить за него, но у него определенно были свои причины.

— Пожалуйста, перестань называть его *моим мальчиком*. Кингстон — не мое *что-то*.

— О, детка, я бы хотел, чтобы это было на самом деле правдой, — у Бентли появляется грустное выражение лица. — Послушай, если это имеет значение, то наш сеанс поцелуев или

видео, если уж на то пошло, никогда не планировались. Но когда ты провела языком по моей шее... то, как ты откликнулась на простой поцелуй... я никогда раньше не чувствовал такой взрывной химии. Я уверен, что Кингстон сказал бы то же самое. Одна мысль о том, что мы будем заниматься сексом втроем, полностью тебя завела. Ты не можешь отрицать этого, Жас, это не могло быть более очевидным. Думаю, мы с Дэвенпортом были так ошеломлены, что наши члены как бы взяли верх.

— Не имеет значения, была ли я увлечена этим. Важно то, что ты, *блядь, подставил меня.*

Бентли ухмыляется.

— Итак, ты признаешь, что хотела откусить большой кусок от Манвича?

Я пронзаю его свирепым взглядом.

— Не время, Бентли.

Он протягивает ладони.

— Ладно, ладно. Паршивое время для шуток. Поможет ли то, что после этого мы чувствовали себя полным дерьмом? Дальше это дело бы никогда не зашло, клянусь своим левым яйцом, Жас. Как бы хреново это ни звучало, мы сделали все возможное, чтобы защитить тебя. Мы были полностью согласны с тем, что на всех фотографиях, которые мы опубликовали, не было наготы. Мы убедились, что дом крепко заперт. Кингстон даже отправил смс своей сестре с твоего телефона, чтобы она знала, где ты находишься. Мы не стали бы подвергать тебя реальной опасности. Конечно, нам нужны были фотографии, чтобы вызвать сплетни, но мы никогда не хотели на самом деле причинить тебе боль. Может быть, немного смутить тебя или разозлить, не более. Мы бы никогда не воспользовались тобой в сексуальном плане, пьяными или трезвыми. Может, мы и придурки, но мы не гребаные хищники.

Я усмехаюсь.

— Я должна благодарить вас за то, что вы якобы защитили меня? Да, наверное, я чувствую облегчение от того, что вся школа не может оценить мои сиськи в очереди, но ущерб был нанесен независимо от этого. Есть и другие способы причинить кому-то боль, помимо физической, Бентли. Позорить шлюх — это не круто, а устраивать сцену для этого — еще хуже! Это дерьмо причиняет *боль*.

Бентли опускает голову.

— Мы были настоящими мудаками. К твоему сведению, твои сиськи просто охуительные. Если бы все студенты увидели их, они бы согласились.

Я рычу.

— Не в этом дело, придурок.

Он потирает рукой подбородок.

— Да, я знаю. Просто говорю. Откровенно говоря, мы все были удивлены, что ты так быстро нас простила.

— Я не простила вас, — поправила я. — Я просто не видела смысла заикливаться на этом. Не говоря уже о том, что после этого произошло несколько замечательных событий. Но после вечера выпускников в лесу, это заставило меня усомниться в своих суждениях о многих вещах. Я не знаю, как я могу доверять своим собственным мыслям, не говоря уже о ком-то еще.

— Ты можешь доверять мне, Жасси Жас. И ребятам тоже. Я знаю, что мы совершили несколько дерьмовых поступков, но эти несколько поступков не говорят о том, кто мы есть.

О том, на что мы готовы пойти, чтобы обеспечить твою безопасность. *Ты важна для нас*; очень немногие люди попадают под этот зонтик.

— Почему я должна тебе верить? Почему я должна верить всему, что ты мне сегодня сказал?

Взгляд Бентли ни разу не дрогнул, пока он формулировал свой ответ.

— Спроси меня как-нибудь о девушке по имени Карисса. Не сегодня... но скоро. Обещаю, у тебя не останется сомнений в том, что мы когда-нибудь намеренно причиним тебе боль.

Я бы солгала, если бы сказала, что не была заинтригована этой девушкой по имени Карисса.

— Я что-то значу, да?

— Охуенно много, детка. Было бы намного проще, если бы ты этого не делала — особенно для меня — но такова жизнь, я думаю.

Я беру паузу, чтобы действительно переварить его слова. Изучить язык его тела. Видя его в таком состоянии, когда сожаление накатывает на него волнами, я уверена, что Бентли говорит искренне. Я все еще буду осторожна, потому что я не дура, но я готова дать ему преимущество.

— Хорошо.

— Хорошо? Хорошо, *что*?

— Хорошо, я поверю тебе. *Пока что*. Но если я узнаю, что ты солгал мне обо всем этом, я не дам тебе второго шанса. Я не шучу, Бент.

Бентли резко выдохнул.

— Клянусь, он мне не понадобится. Честный Эйб с этого момента.

Я вздыхаю.

— И что теперь?

Бентли сжимает затылок.

— Ты хочешь поговорить о том, что случилось той ночью?

Я ненадолго закрываю глаза, отгоняя образы, которые вызывают его слова. Я не могу перестать думать о той ночи, и ни одна из этих мыслей не является приятной.

— Не совсем.

Он втягивает в рот свою полную нижнюю губу.

— Могу я спросить тебя об одной вещи?

— Я оставляю за собой право не отвечать, но, конечно, спрашивай.

— Ты... тот парень, который тебя обидел, он...

Я поднимаю брови, ожидая, пока он закончит предложение. Парень выглядит крайне неловко. Я почти уверена, что знаю, к чему он клонит, но не хочу предполагать.

— Что сделал парень, который причинил мне боль, Бентли?

Он сглатывает комок в горле.

— Он... приставал к тебе?

— Нет, — я резко вдыхаю. — Он *пытался*... но у него не получилось.

Голова Бентли опускается на руки, сложенные на спинке стула. Он остается в таком положении на мгновение, его спина поднимается и опускается, когда он делает глубокий вдох.

Я наклоняю голову набок.

— Ты в порядке?

— Просто... дай мне секунду.

Он только что шмыгнул носом?

Когда Бентли поднимает голову, его глаза налиты кровью и наполнены непролитыми слезами. Любое затянувшееся напряжение в моем теле немедленно ослабевает при виде этого зрелища.

— Бент...

— Жасси, я знаю, что говорю как полная киска, но можно я тебя обниму? Мне просто нужно почувствовать тебя.

Я киваю.

— Только будь осторожен с моим животом, хорошо? У меня все еще болит.

Без колебаний Бентли растягивается рядом со мной и обхватывает руками верхнюю часть моего тела, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи. Никто из нас не произносит ни слова, мы просто сидим, утешаясь в объятиях друг друга. Я обнимаю его так крепко, как только могу, когда чувствую, как его тихие слезы капаят на мою кожу, стекая по ключице. Что же его так расстроило? Кто бы мог подумать, что этот парень, который чаще всего является клоуном, может так расстроиться?

Я снимаю с него кепку и провожу пальцами по его аккуратно подстриженным волосам.

— Бентли, что творится в твоей голове?

Его кулаки сжимаются вокруг моей толстовки.

— Я просто чертовски рад, что ты в порядке. Мне *нужно было*, чтобы с тобой все было в порядке — я не смог бы жить с собой, если бы это было не так.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому просто прижимаюсь к нему, пока он пытается сдержать рыдания. Не знаю, как долго мы лежим в моей кровати, прижавшись друг к другу, прежде чем Бентли начинает тихонько похрапывать. Я рада, что надела дополнительный слой одежды, потому что прошло совсем немного времени, прежде чем его голова оказалась прямо над моей грудью, а его рот — в опасной близости от моего соска. Что это с парнями, которые используют грудь в качестве подушки? Не то чтобы моя была настолько мягкой.

У меня не хватает духу разбудить его, и, если честно, обниматься с Бентли не так уж сложно. Я даже испытываю облегчение от того, что после всего произошедшего я не против того, чтобы ко мне прикасались вот так. Воспоминания о грубых руках и губах этого мерзкого человека по всему моему телу заставляют мою кожу покрываться мурашками. Я боялась, что не смогу вынести прикосновения кого бы то ни было, независимо от того, как я к нему отношусь. Я наслаждаюсь комфортом, который это обеспечивает, зная, что мне нужно будет запастись им на будущее. У меня такое чувство, что все станет намного хуже, прежде чем станет лучше.

6. Жас

— Ну, разве это не мило?

Мои глаза распахиваются, и я вижу, что Кингстон стоит в открытом дверном проеме моей спальни и выглядит ужасно взбешенным. Почему я так вспотела? Давление на мою грудь заставляет меня посмотреть вниз. О да, точно. На мне лежит более двухсот фунтов мускулистого мужчины-парня. Голова Бентли все еще лежит на моей левой груди, а его рука обхватывает мою правую.

Я толкаю его локтем.

— Бентли, вставай.

Он сжимает мою грудь и бормочет: — Я не хочу. Мне здесь нравится.

Я не успеваю ответить, как Кингстон тянет Бентли за рубашку и стаскивает его с меня.

— Вставай, придурок.

Бентли быстро моргает, пытаюсь прогнать сонный туман. Когда он понимает, что происходит, он свирепо смотрит на своего друга.

— Пошел ты, мудак. Мне было удобно.

Кингстон возвращает свирепый взгляд Бентли.

— Очевидно. Мой вопрос в том, какого хрена ты вообще здесь делаешь?

Бентли встает во весь рост, выпячивая грудь.

— Я пришел проведать Жасси Жас.

Кингстон приподнимает бровь.

— И потрогать ее, пока она спала?

Бентли в панике переводит взгляд на меня.

— Я не трогал тебя во сне. То есть... наверное, так и было, но я тоже спал. Я не делал это специально.

Я мягко улыбаюсь.

— Я знаю, Бентли. Все в порядке.

Он одаривает Кингстона дерзкой ухмылкой.

— Видишь? Ей нравится, когда я ее трогаю.

Я качаю головой, глядя на их нелепые позы.

— Это не то, что я сказала, придурок.

Если судить по тому, как сильно сжалась челюсть Кингстона, он не находит это забавным.

— Проваливай, Фицджеральд. Мне нужно поговорить с Жас, и твое присутствие не требуется.

Бентли снова бросает на меня взгляд.

— Ты хочешь, чтобы я оставил тебя наедине с этим придурком, малышка? Скажи только слово, и я вышвырну его задницу на обочину, чтобы мы могли еще немного пообжиматься.

— Вообще-то, Бент, *я бы хотела*, чтобы ты остался.

Бентли широко улыбается, демонстрируя свои чертовски сексуальные ямочки на щеках.

— Конечно, детка, — он подходит к моей кровати с небольшой развязностью, прежде чем занять место рядом со мной, сложив руки за голову. Его глаза искрятся весельем, когда он дразнит Кингстона. — Время сна было веселым. Мы должны повторить это снова в *ближайшее время*.

Я уверена, что Кингстон зарычал, прежде чем пробормотать: — Продолжай, ублюдох.

Кингстон собирается закрыть дверь, но я говорю, прежде чем он успевает это сделать.

— Оставь ее открытой.

— Я бы предпочел этого не делать. Пейтон видела, как я поднимался по лестнице, и она определенно не рада, что я пришел к тебе. Неужели ты хочешь облегчить ей задачу, чтобы она ворвалась сюда?

Я вздыхаю.

— Хорошо, но не лезь в мою постель.

Он хмурится.

— Значит, для Бентли это нормально, а для меня нет? Почему?

Я не собираюсь раскрывать эмоциональный срыв Бентли, поэтому вместо этого я

пожимаю плечами.

Кингстон хмурится и опускается на стул, который ранее занимал Бентли. Почему это так сексуально, когда парень сидит на стуле задом наперед? Не помогает и то, что Кингстон только что принял душ и очень хорошо пахнет. Из-за них двоих, вся моя чертова комната пахнет горячими парнями.

— Почему ты здесь, Кингстон? Я же сказала тебе, что мне нужно время.

— Нам нужно поговорить. Прошли уже две чертовы недели. Мне нужно знать, что произошло в том лесу с твоей точки зрения.

— Полиция знает все, что произошло. Мне не очень хочется пересказывать это снова.

— Перестань быть такой чертовски упрямой. Если ты помнишь, у меня есть доступ к ресурсам, которых нет у полиции.

— Например? — бросаю я вызов.

— Эта часть не важна, — он качает головой. — Важно получить как можно больше информации, чтобы мы могли поймать тех, кто сделал это с тобой.

Я потираю виски.

— Кингстон, если ты хочешь, чтобы я тебе доверяла, ты должен мне что-нибудь дать. Ты не можешь продолжать скрывать от меня информацию. Мне нужна демонстрация доброй воли.

— Жас, как я тебе уже говорил, я один из немногих людей, которым ты можешь доверять. Зачем бы я стал из кожи вон лезть, чтобы доставить тебя в больницу, если бы хотел причинить тебе боль?

Я знаю, что он прав, но я уже устала от всех этих неразглашений. Этот мир — вся эта элита — кажется, наполнены только секретами, ложью и жестокостью.

— Я ценю то, что ты сделал в том лесу, Кингстон. Правда. Но я думаю, что в этой ситуации моя настороженность вполне оправдана.

Мгновение он изучает меня.

— Хорошо, я тебе кое-что дам. Я видел полицейский отчет, но я знаю, что ты не все им рассказала. Что ты скрываешь, Жас?

Я приподнимаю брови.

— Как ты получил копию полицейского отчета?

— С помощью тех ресурсов, о которых я упоминал ранее. Теперь расскажи мне, что произошло с твоей точки зрения. Что ты не рассказала полиции?

— Не-а. Сначала ты. Объясни тот разговор, который мы подслушали, — я бросаю взгляд в сторону Бентли. — Ты знаешь, о чем я говорю?

Они с Кингстоном обмениваются напряженными взглядами, прежде чем Бентли кивает мне в ответ.

Кингстон качает головой.

— Это не то, что я могу просто выплюнуть, Жас!

— Почему, черт возьми, нет? Бентли знает!

Его челюсть подрагивает.

— Потому что Бентли был со мной на каждом шагу! Это много информации, которую нелегко проглотить, особенно тебе. Спроси меня о чем-нибудь еще. О чем угодно.

— Почему ты заставил Бентли отвезти меня так далеко от дома? Что такого особенного было в том месте?

Кингстон проводит рукой по волосам, отчего они встают дыбом.

— Это был ближайший к дому причал, не считая того, который ведет к эллингу. Не уверен, заметила ли ты, но у меня был маленький катер, привязанный к нему. Я планировал покатать тебя по воде.

— Почему бы не воспользоваться причалом, соединенным с эллингом?

Он смотрит на меня так, будто я тупая.

— Потому что проход под причалом, ведущий к дому, меньше двух футов в самом глубоком месте. На передней стороне дома есть слип, но попасть на него можно только изнутри дома. Я не думал, что тебе понравится, если тебя затащат на оргию, поэтому я попросил своего парня перенести его до того, как кто-нибудь приедет.

— Твоего парня?

— У меня есть человек, который выполняет поручения и прочее дерьмо за меня, когда у меня нет времени, — Кингстон пожимает плечами.

— Как суслик?

Он бросает на меня язвительный взгляд.

— Называй его как хочешь, но я думаю о нем больше как о личном помощнике.

Какому восемнадцатилетнему подростку, который не работает в Голливуде, нужен помощник? Кингстону Дэвенпорту, очевидно.

— Невероятно, — пробормотала я. — Этот помощник — один из твоих ресурсов? Это тот парень, которого ты нанял, чтобы расследовать мое нападение?

Он качает головой.

— Я знаю одного частного детектива. У него много контактов в правоохранительных органах и за их пределами, отсюда и полицейский отчет. Этот парень умеет добывать информацию, к которой большинство людей не имеют доступа, включая копов.

Я складываю руки на груди.

— И как именно он этого добивается?

Кингстон ухмыляется.

— Я обычно не задаю таких вопросов. Правдоподобное отрицание и все такое.

Я приподнимаю бровь.

— Другими словами, этот ваш частный детектив получает информацию незаконными способами.

— Я уверен, что некоторые из его методов совершенно законны, — возражает Кингстон. — В любом случае, это его работа — беспокоиться о том, как он получает информацию. А мое дело — платить ему неприличные деньги за эту информацию.

— И вообще, откуда ты знаешь частного детектива?

— Потому что информация — это сила, — говорит он как ни в чем не бывало.

— Информацию об этой вещи, которую вы от меня скрываете?

— Среди прочего, — он прикусил губу, выглядя задумчивым. — Могу я кое-что сказать?

Я делаю глубокий вдох и выпускаю его.

— Валяй.

— Я не могу выбросить из головы образ тебя, лежащую на земле, избитую и окровавленную. Я не могу перестать представлять себе все ужасные возможности того, через что тебе пришлось пройти. Я только об этом и думаю, день и ночь. Это, блядь, съедает меня заживо, Жас — все эти «что-если». Мне нужно знать, что произошло на самом деле.

Я скидываю голову, когда он с трудом выдавливает из себя последнее предложение. Властный тон, который у меня ассоциируется с Кингстоном Дэвенпортом куда-то делся. Его

голос шаткий, неуверенный. У меня защемило грудь, когда я услышала, как в его словах прорывается агония. Я знаю, что ему дорого обходится этот разговор в присутствии Бентли. Как бы ни были близки эти двое, у меня не сложилось впечатления, что им нравится показывать кому-то свою уязвимость.

Я думаю о том, как Бентли спрашивал меня, была ли я изнасилована. Какое облегчение он испытал, когда я опровергла это. Последний раз я видела Бента перед нападением, так что он мог знать о такой возможности, только если бы Кингстон упомянул об этом. Так вот о чем так беспокоится Кингстон? Он думает, что я по какой-то причине солгала копам об этом? То, как он смотрит на меня сейчас — ждет, затаив дыхание, — говорит мне, что так оно и есть.

— Скажи ему, малышка, — мягко говорит Бентли. — Он должен знать.

— Меня не изнасиловали.

Кингстон закрывает глаза и делает несколько глубоких вдохов, бормоча что-то себе под нос. Когда он снова открывает их, он спрашивает: — Что произошло?

— Все, что написано в отчете, — это то, что произошло на самом деле, Кингстон. Я ни о чем не лгала, если ты об этом подумал. Я просто не предоставила им всю информацию.

Кингстон хмурится.

— Так что...

Я поднимаю руку вверх.

— Уже поздно, и я чертовски устала. Я бы очень хотела сейчас лечь спать.

Бентли целует меня в щеку и встает с кровати.

— Думаю, это мой сигнал к отбою. Напиши, если тебе что-нибудь понадобится.

— Спасибо, Бентли.

Бентли останавливается в дверях.

— Ты идешь, чувак?

Кингстон едва достаивает его взглядом.

— Через минуту.

Бентли кивает.

— Я подожду снаружи. Вам нужно поговорить. Пока, Жасси Жас.

Кингстон ждет, пока Бентли закроет за собой дверь, прежде чем заговорить снова.

— Почему ты что-то скрываешь от меня? Соккрытие жизненно важной информации может помешать нам поймать ублюдков, которые сделали это с тобой.

Потому что я не могу игнорировать сомнения, которые эти люди вселили в меня. Если я скажу, что они сказали, мне придется признать, что это может быть правдой.

Я пытаюсь избавиться от воспоминаний, но ничего не получается.

Твоему драгоценному парню на тебя наплевать... выманить тебя из трусиков было частью плана.

Я подавляю дрожь.

— Я не думаю, что это уместная информация. Я только сегодня днем разговаривала с детективом. Полиция активно работает над этим делом. Я уверена, что они разберутся.

— Правда? И сколько у них уже есть зацепок?

Я прикусила нижнюю губу.

— Ну, ни одной. Пока. Но ты уже знаешь это, не так ли?

— Да ладно, Жас. В глубине души ты знаешь, что можешь мне доверять. Ты знаешь, что я могу помочь. Тебе необязательно делать это в одиночку.

Он кажется таким искренним, и я отчаянно хочу верить, что этот человек не имеет никакого отношения к моему нападению, но мне страшно. Я не хочу больше никогда быть такой уязвимой, а Кингстон Дэвенпорт, возможно, единственный человек на Земле, который способен разрушить все мои стены.

— Кингстон... — я потираю ушибленную шею. — Мне нужно больше времени, чтобы собраться с мыслями.

Его челюсть, как у Кавилла, подрагивает, пока он обдумывает это несколько мгновений.

— Как прошла ваша встреча с врачом сегодня утром?

Я быстро моргаю от внезапной смены темы.

— Как ты узнал, что у меня сегодня утром был прием у врача?

Он бросает на меня язвительный взгляд.

— Правда?

Я качаю головой.

— А, твои сталкерские наклонности. Как я могла забыть?

— Я не преследую тебя; я пытаюсь обеспечить твою безопасность.

Я приподнимаю брови.

— Звучит так, как будто это сказал сталкер-преследователь.

Его глаза сужаются.

— Ты можешь быть серьезной хотя бы минуту?

— Кто сказал, что я несерьезна?

— Господи, Жас! — он проводит рукой по лицу. — *Я не враг, черт возьми! Хватит устраивать со мной дурацкие перепалки и просто ответь на этот чертов вопрос.*

Это то, что я делаю? Вот дерьмо.

— Отлично. Швы сняли, что было облегчением, потому что они чесались как сумасшедшие. Запястье заживает хорошо. Я поправлюсь через неделю, и доктор сказал, что, если все пойдет по плану, он разрешит мне вернуться в школу, — я скрещиваю руки. — Что-нибудь еще хочешь сказать перед тем, как уйдешь?

Его карие глаза сужаются.

— Мне очень не нравится, что ты остаешься здесь.

Я кладу руку на бедро.

— Как я уже сказала тебе, мне некуда идти. Я не буду ночевать у тебя, Кингстон.

Он тяжело вздыхает.

— Я вернусь утром, и мы еще поговорим об этом.

— У тебя утром занятия.

Он с вызовом приподнимает бровь.

— Мне плевать.

— Разве ты не пропустил достаточно занятий в последнее время?

— Как и ты.

Я фыркаю.

— Я не хочу, чтобы твоя неспособность закончить школу была на моей совести.

Кингстон бросает на меня самодовольный взгляд.

— У меня средний балл 4,3 и 1560 баллов по результатам экзаменов. Думаю, я справлюсь.

Я знала, что он умный, но, черт возьми. Кингстон ухмыляется, когда встает, и вид этого заставляет мои женские кусочки обратить на это внимание. Неа, я туда не пойду.

Я вздыхаю.

— Ты готов перестать скрывать то, что знаешь? Стопроцентное полное раскрытие?

Кингстон открывает дверь моей спальни.

— Если это то, что тебе нужно, тогда это то, что я сделаю.

— Просто... дай мне неделю. Если к тому времени у полиции не будет подозреваемого, я расскажу тебе все.

Надеюсь, к тому времени я наберусь смелости и расскажу ему.

Его губы сжимаются.

— Хорошо. Максимум неделя. Потом все ставки отменяются.

Я даже не успеваю ответить, как он уже выходит за дверь.

7. Кингстон

Пейтон ждет меня в конце коридора. Если я не хочу столкнуть ее с лестницы, мне придется потакать всему тому дерьму, которое она собирается извергнуть. Как бы ни было заманчиво столкнуть ее, я не хочу сегодня отправиться в тюрьму. Или вообще когда-либо, если уж на то пошло.

— Как Жасмин?

Я приподнимаю брови.

— Тебе действительно не все равно?

Ее блестящие розовые губы поджимаются в уголках.

— Не совсем.

— Тогда почему ты спрашиваешь, Пейтон? У меня нет на это времени.

— Просто любопытно, — она пожимает плечами, пытаясь изобразить безразличие, но я на это не куплюсь. — Итак... мой день рождения через две недели. В этом году он выпадает на субботу.

— И?

— *И* у меня будет вечеринка, помнишь? То есть, да, конечно, помнишь. Это мои грандиозные восемнадцать. Я планировала это буквально *вечность*.

— Ближе к делу, блядь.

Пейтон накручивает прядь длинных светлых волос на указательный палец.

— Я просто хотела убедиться, что ты знаешь, что ты все еще приглашен. Что может быть лучше, чем оставить всю эту драму позади и официально объявить, что мы снова вместе?

Эта сучка еще больше заблуждается, чем я думал.

— Не интересно, — я пытаюсь пройти мимо нее, но она загораживает мне путь.

Ее голубые глаза сузились до щелей.

— Кингстон, подумай об этом *очень хорошо*. У тебя есть последний шанс.

— Последний шанс для *чего*?

Ее нос задирается вверх.

— Чтобы извиниться за свое поведение. Попросить у меня прощение. Оставить всю эту ерунду с этой шлюхой наркоманкой в прошлом.

Мои зубы скрежещут.

— *Подвинься*, Пейтон.

— Ты пожалеешь об этом, Кингстон.

Я делаю шаг вперед и оказываюсь прямо перед ее лицом.

— Единственное, о чем я жалею, это о каждой минуте, проведенной с тобой. А теперь, блядь, шевелись, пока я не заставил тебя двигаться.

— Ты придурок!

Я усмехаюсь.

— Это не новость. Последнее предупреждение, Пейтон. *Подвинься.*

Пейтон отодвигает свое тело, чтобы я мог пройти, но она все еще достаточно близко, чтобы ее сиськи терлись о мою руку, когда я прохожу мимо. Этот трюк, без сомнения, преднамеренный с ее стороны, и чертовски раздражающий с моей. Я начинаю думать, что она никогда не поймет намека. Я ведь не скрывал, что презираю ее.

— Просто помни, что все, что произойдет с этого момента, будет твоей виной, Кингстон. Ты сам напросился на это! То, что случилось с Жасмин на озере, ничто по сравнению с тем, что произойдет, если ты будешь продолжать отталкивать меня.

Я останавливаюсь на полпути вниз по лестнице и оборачиваюсь.

— Тебе есть в чем признаться, Пейтон?

Я с самого начала подозревал, что Пейтон наняла кого-то, чтобы тот напал на Жас, но не думал, что она настолько глупа, чтобы признаться в этом.

Она сложила руки на груди.

— Полагаю, теперь мы увидим, не так ли?

Я смеюсь.

— Вау... ты еще глупее, чем я думал, если думаешь, что я отвечу на одну из твоих угроз. Имей в виду, что бы ты ни бросила в меня или в кого-либо, кто мне дорог, мое возмездие всегда будет в десять раз хуже. Сделай все, что в твоих силах, Пейтон. Я с удовольствием посмотрю, как ты будешь корчиться, когда придет время расплаты.

Я уверен, что ее щеки побледнели, но она слишком сильно накрашена, чтобы я мог сказать наверняка.

— Ты меня не пугаешь.

Я продолжаю спускаться по лестнице, не оглядываясь.

— Это мы еще посмотрим.

Пейтон издает пронзительный крик, когда я выхожу через парадную дверь. Бентли прислонился к своей машине, ожидая меня.

— Это Пейтон визжала как банши? — он дергает подбородком в сторону дома.

— Да. Сегодня она особенно старается, — я достаю телефон из кармана и пишу сообщение своему частному детективу, прося его установить слежку за Пейтон. Он уже следит за ее мамой, но пока не обнаружил ничего подозрительного. — О чем ты хотел поговорить?

— Тебе действительно нужно спрашивать?

Моя челюсть сжимается, когда я открываю дверь своей Agera. Меня чертовски бесит, что Жас может так легко доверять заднице этого шутника, но не мне. — А что с ней?

— Она будет в порядке в этом доме?

Я провожу рукой по подбородку.

— Мне это не нравится — Каллаханы занимают первое место в списке моих подозреваемых. Но Жас — упрямая дрянь, поэтому я плачу Фрэнку, чтобы он присматривал за ней, пока я не смогу убедить ее остаться со мной. Он не сможет быть с ней все время, но это лучше, чем ничего, — я стараюсь говорить достаточно тихо, чтобы нас не могли подслушать.

Он приподнимает бровь.

— Фрэнк? В смысле, водитель?

— Он работал телохранителем у элиты Голливуда, так что у него есть нужные мне навыки.

— Серьезно, черт возьми? — размышляет Бентли. — Думаю, это объясняет, почему он сложен как танк. Почему он сменил профессию?

Я пожимаю плечами.

— Он стал отцом пару лет назад. Ребенок живет с мамой, но Фрэнк регулярно навещает его. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что ему нужна работа, которая не требует так много поездок и не связана с таким большим риском.

— Логично, — соглашается Бентли. — Откуда ты все это знаешь?

— А ты как думаешь?

Он закатывает глаза.

— Точно. Иногда я забываю обо всех людях, которым ты платишь.

— У меня нет такой роскоши, — бормочу я. — Ты голоден? Я мог бы сходить за бургером.

— Братан, ты уже должен был знать, что я никогда не откажусь от бургера.

— In-N-Out?

Бентли открывает дверь своего Porsche и забирается на водительское сиденье.

— Это был настоящий вопрос?

Я смеюсь.

— Не совсем. Встретимся там.

Он машет мне, прежде чем включить передачу и тронуться с места. Волоски на моем затылке встают дыбом, поэтому я поднимаю взгляд и замечаю, что Жас стоит, прислонившись к окну, и смотрит на меня сверху вниз. У нас происходит один из наших странных безмолвных разговоров, в котором мои глаза говорят, что я не сдамся, пока она не сдастся. Ее глаза говорят мне, что она собирается заставить меня потрудиться для этого. Я ухмыляюсь, садясь в машину и нажимая на кнопку зажигания.

Давай, детка.

— Как Жас? — спрашивает Эйнсли.

— Хорошо, учитывая все обстоятельства.

— Не могу поверить, что ты пошел туда после того, как она специально попросила тебя не делать этого. Ты такой придурок.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

Эйнсли запихивает в рот несколько картофелин фри и жует их, прежде чем снова заговорить.

— Спасибо за еду. Репетиция сегодня была напряженной. Я проголодалась, и мне совсем не хотелось ждать доставки.

Наш отец, дешевый ублюдок, каким он и является, отправляет весь персонал, когда уезжает из города. Я редко ем в главном доме, поэтому привык сам справляться, а вот Эйнсли — нет. Если у нашего шеф-повара Луиса выходной, она обычно заказывает еду на вынос или сидит здесь, выклянчивая у меня. Из-за нее у меня в холодильнике так много чертовой девчачьей еды.

— Ты знаешь, что я всегда буду заботиться о тебе, сестренка, — я притягиваю ее к себе

и взъерошиваю ее волосы, чтобы доказать свое утверждение.

— Отстань от меня, придурок!

Я смеюсь, наблюдая, как она пытается — безуспешно, надо сказать — пригладить волосы.

— Тебе нравится, когда я над тобой издеваюсь.

— Нет, не нравится. Не заставляй меня натравливать на тебя Рида.

— Даже не начинай мне рассказывать об этой ерунде.

Эйнсли сузила глаза.

— *Какой ерунде?*

— Ты и Рид, — уточняю я. — Мне это не нравится.

Когда один из моих близких друзей сказал мне, что хочет встречаться с моей сестрой, скажем так, я не очень любезно отнесся к этому. К сожалению, моему близнецу абсолютно наплевать на мое мнение, а Рид так чертовски влюблен в нее, что ему тоже наплевать. Им просто повезло, что у меня полно других забот, поэтому я не борюсь с ними. Но если он причинит ей боль, лучший друг или нет, я надеру ему задницу.

— Мне все равно, — Эйнсли задирает свой курносый носик. — Кроме того... технически, между мной и Ридом ничего нет. Пока.

Ну, для меня это новость. Ты никогда не узнаешь этого по тому, как часто они строят друг другу глазки — трахни меня.

— Объясни.

Она пожимает плечами.

— Не надейся слишком сильно. Мы с Ридом будем вместе. Мы просто еще не проводили никаких официальных обсуждений или... ну, знаешь, не трахали друг другу мозги, чтобы сделать это официально.

— О, Боже, — пробурчал я. — Я не хочу слышать о твоей сексуальной жизни, Эйнс. Особенно, когда в этом замешан Рид.

Эйнсли смеется.

— Ты сам спросил.

Я показываю на нее.

— Я не спрашивал. На будущее, я никогда не хочу слышать о твоей сексуальной жизни. Никогда.

Моя сестра усмехается.

— Не будь ребенком. Мы взрослые люди, и это совершенно нормально вести здоровую сексуальную жизнь, независимо от того, мужчина ты или женщина. Кроме того, это ты потерял девственность в четырнадцать лет, на четыре года раньше меня, так что у тебя нет права судить.

— Я не осуждаю, — я поднимаю руки вверх в примирительном жесте. — Но я все равно не хочу слышать о том, как ты трахаешь моего лучшего друга.

Сексуальные предпочтения Рида не совсем ванильные. Последнее, что мне нужно, это думать о том, что он будет делать это дерьмо с моей сестрой.

— Кстати, о лучших друзьях..., — говорит она. — Ты разговаривал с Бентли в последнее время? Я беспокоилась о нем с тех пор, как все пошло наперекосяк с Жас. Уверена, он сейчас много думает о Кариссе.

Я пожимаю плечами.

— Пока что он выглядит нормально, но я слежу за ним.

Эйнсли вздыхает.

— Бентли пытается скрывать это, но я знаю, что это все еще причиняет ему сильную боль.

Я сглатываю комок в горле.

— Да, я знаю.

— Когда ты видел его в последний раз?

— Вообще-то, прямо перед тем, как я вернулся домой. Я встретил его в доме Жас, а потом мы поели бургеры.

Ее брови приподнялись.

— Что Бентли делал у Жас?

— Он, блядь, *вздремнул* с ней.

Ореховые глаза Эйнсли расширяются настолько, что кажется, будто они вот-вот выскочат из орбит.

— Серьезно?

— Ага, — высказывает буква — А в конце слова.

Я хмурюсь, когда образ Бентли и Жас, обнимающих друг друга, проносится в моей голове. Меня сводит с ума осознание того, что между ними есть взаимное притяжение, и не только в физическом смысле. Конечно, оно не такое сильное, как между мной и Жас, но все же оно есть.

Честно говоря, это чертовски сбивает с толку, потому что я хочу, чтобы мой лучший друг был счастлив. После смерти Кариссы Бентли винил себя и впоследствии почти полностью подавил свои эмоции. Черт, он до сих пор винит себя, хотя у него нет для этого причин. Бент регулярно топит себя в кисках, спиртном и травке, чтобы заглушить все это дерьмо, крутящееся у него в голове.

Я уже начал думать, что он никогда больше не позволит себе сблизиться с другой девушкой, пока не появилась Жас. С самого первого дня было чертовски очевидно, что Бент влюблен в нее. Единственная проблема в том, что я не намерен от нее отказываться. Бентли для меня как брат. Я готов сделать для него почти все, но я не могу смириться с этим. Я не могу...

Губы моей сестры кривятся, как будто она думает, что вся эта чертова история просто уморительна.

— Как все прошло? Не могу представить, что ты была доволен.

Я разминаю шею из стороны в сторону, пытаюсь снять внезапное напряжение.

— Как, по-твоему, все прошло? Бентли, как обычно, вел себя как шутник, а Жас была чертовски упряма.

Теперь Эйнсли смеется во весь голос.

— Чувак, тебе придется потрудиться над этим вопросом.

— Расскажи мне об этом, — я кусаю кончик большого пальца.

— Боже, я люблю ее, — с тоской говорит моя сестра. — Хорошо, что у нас снова появилась еще одна девочка.

Несмотря на мое нынешнее раздражение, я расплываюсь в улыбке. Эйнсли трудно ладить с другими девочками, так как она не поверхностная, как большинство девчонок, которых мы знаем. Жас — ее первая подруга после Кариссы, и, хотя сначала я был придурком, я рад, что у нее есть с кем поговорить о девчачьем дерьме. Она точно никогда не получит этого от жен нашего отца.

— Мне нужно, чтобы ты оказала мне услугу.

Выражение ее лица становится серьезным.

— Что?

— Мне нужно, чтобы ты выяснила, что случилось на озере. Жас не хочет со мной разговаривать.

Эйнсли качает головой.

— Кингстон, я не собираюсь быть твоим шпионом.

— Я и не прошу тебя об этом, — заверяю я ее.

— Что именно ты пытаешься выяснить?

Я пожимаю плечами.

— Жас уже развеяла мой самый большой страх, подтвердив, что ее не изнасиловали, но не более того.

Эйнсли молчит.

Мои глаза расширяются.

— Она рассказала тебе, что произошло?

Она качает головой.

— Не совсем. Хотя я знаю некоторые детали.

— И ты не подумала поделиться ими со мной? — я вскидываю руки вверх. — Какого черта, Эйнсли?

— Я не собираюсь предавать ее доверие, Кингстон. Тебе не кажется, что она уже достаточно пережила? Тебе не нужны все подробности, чтобы понять, что это было чертовски травмирующе.

— Мне нужны чертовски подробности, Эйнс. Как мы, по-твоему, поймаем этих парней, если нам не за что ухватиться? У полиции нет никаких зацепок.

Она смотрит на меня с любопытством.

— Откуда ты это знаешь? И как ты узнал, что их двое?

За последние два года я оградил свою сестру от многого дерьма, но, думаю, настало время рассказать ей о некоторых вещах. Я расскажу ей достаточно, чтобы она была в безопасности. О некоторых вещах ей лучше не знать.

Я делаю глубокий вдох.

— Я нанял частного детектива, чтобы разобраться в этом. Он уже давно работает над кое-чем для меня, но он также пытается найти тех ублюдков, которые напали на Жас.

— Почему у тебя уже есть частный детектив, работающий на тебя? О чем ты мне не договариваешь?

— Между папой и Чарльзом Каллаханом происходит что-то сомнительное. Возможно, и с Мэдлин тоже. Но они чертовски хорошо умеют замечать следы. Я не смог сам ничего раскопать, поэтому нанял детектива, чтобы он это выяснил.

— Что именно? И что случилось такого, что заставило тебя заподозрить их в чем-то настолько сомнительном?

— Эйнс, я не хочу втягивать тебя в это, пока у меня не будет больше доказательств. Скажем так... я уверен, что у них есть прибыльный побочный бизнес, который очень запутанный и крайне незаконный. Судя по недавно полученной мною информации, это продолжается уже почти два десятилетия, а возможно, и дольше.

Ее глаза расширились.

— Как наркотики?

Я качаю головой.

— Хуже.

Она смотрит на меня с минуту.

— Что ты планируешь делать, когда получишь доказательства, которые ищешь?

— Посадить их на пожизненное, где им и место.

У Эйнсли отвисает челюсть.

— Ты посадишь отца в тюрьму? Я знаю, что он козел, но, черт возьми, Кингстон, это жестоко. Он все еще человек, который наполовину ответственен за то, что дал нам жизнь.

Именно поэтому я не говорил ей об этом до сих пор. Всю жизнь отец относился к нам так, будто мы не более чем помеха, но она почему-то до сих пор его любит. У меня, однако, такой проблемы не было уже давно. Может быть, вообще никогда.

Я потираю подбородок.

— Эйнс... мне нужно, чтобы ты доверилась мне в этом. Я обещаю, что скоро все тебе расскажу.

Кто-то может подумать, что это большой риск — рассказать ей все, но я не сомневаюсь, что верность моей сестры будет на моей стороне, когда все будет сказано и сделано.

Она повесила голову.

— Хорошо, я ничего не скажу о ситуации с отцом. Что касается Жас, лучшее, что я сделаю, это попытаюсь убедить ее поговорить с тобой.

— Спасибо. Джон — мой частный детектив — получил копию полицейского отчета, но я не думаю, что он рассказывает всю историю. Что-то не так.

Эйнсли наклоняет голову набок.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю, — я пожимаю плечами. — Это просто чувство, которое у меня есть.

— Я встречаюсь с ней в эти выходные, так что я поговорю с ней тогда. Поскольку она все еще должна затаиться, мы просто закажем пиццу и посмотрим фильмы.

Так, так. Похоже, нам с ребятами предстоит девичник. Жас захочет подвесить меня за яйца, если я появлюсь у нее дома до истечения полной недели, но она вряд ли покалечит меня при зрителях, так что я рискну. Сейчас она воочию убедится, почему моя настойчивость всегда приносит плоды.

Если у нее были какие-то сомнения в правомерности этого утверждения, они исчезнут уже в эти выходные.

8. Жас

— Привет, крошка! — Эйнсли врывается в мою комнату, с ее рук свисают две многоразовые продуктовые сумки.

— Что в пакетах?

Она улыбается.

— Что же еще? Чипсы, попкорн, конфеты. Ты не можешь смотреть кино, не наевшись большим количеством нездоровой пищи.

Я усмехаюсь.

— Я думала, мы закажем пиццу?

— Уже сделано, — отвечает Эйнсли. — Один большой ананасовый с маслинами для тебя — что, кстати, отвратительно — и один тройной пепперони для меня.

— Эй, не суди по себе, пока не попробуешь.

— Неа. — Она качает головой. — Этого никогда не случится.

— Это твое упущение, — я пожимаю плечами.

Эйнсли оглядывает комнату.

— Итак, где мне следует расположиться? DoorDash сказали, что пицца будет здесь примерно через десять минут.

— Главный театральный зал находится в подвале, но мне совсем не хочется спускаться на два лестничных пролета. Если ты не против повалиться на раскладном диване, мы можем воспользоваться игровой комнатой в конце коридора.

— Звучит неплохо.

— Мне просто нужно быстро пописать. Встретимся там? — я сползаю с кровати и направляюсь в ванную комнату.

— Конечно, Жас.

Когда я, наконец, добираюсь до игровой-комнаты/мини-театр-комнаты, Эйнсли уже ставит первый фильм. Я улыбаюсь, когда на огромном экране появляются три черные Honda Civics, водители которых выполняют миссию по угону грузовика, набитого электроникой.

— Боже, мне нравится этот фильм.

— Мне тоже, — соглашается Эйнсли. — Если мы будем смотреть их один за другим, то успеем посмотреть первые три части до того, как мне нужно будет уйти.

Я качаю головой.

— Не-а. Насколько я понимаю, второго и третьего фильмов не существует. Мы переходим прямо с первого к четвертому.

— Это точно, — Эйнсли смеется. — Единственная хорошая вещь, которая вышла из этих двух фильмов, это добавление персонажа Лудакриса.

— Абсолютно, — соглашаюсь я.

Я нахожу удобное положение и накрываю ноги пушистым одеялом. Как раз когда я потянулась за пакетом попкорна, который Эйнсли поставила между нами, дверь распаивается.

— Кто-нибудь заказывал пиццу? Курьер приехал сразу после меня. Поговорим об идеальном времени.

Я поворачиваю голову и вижу Бентли, стоящего в дверях с двумя коробками пиццы в руках.

— Какого черта ты здесь делаешь? — Эйнсли вырвала слова прямо у меня изо рта.

Бентли делает несколько шагов вперед, а прямо за ним стоят двое его лучших друзей. Улыбка расплывается на лице Эйнсли, когда она замечает Рида. Я уверена, что у меня совершенно противоположное выражение лица, когда я смотрю на Кингстона.

Бентли ставит пиццу на журнальный столик, откидывает крышку и берет кусочек ананасовой с оливками.

— А зачем еще мне здесь быть? Я слышал, мы смотрим кино.

— Эй! — кричу я. — Это мое.

Он откусывает огромный кусок, опускается на середину дивана и корчит смешную гримасу, пока жует.

— Это дерьмо отвратительно.

Я закатываю глаза.

— Вот решение: «Не ешь мою чертову пиццу».

Бентли начинает чистить оливки и бросать их в коробку.

— Не, это не работает.

Пока мы с Бентли спорим о пицце, Рид ставит напитки и занимает место рядом с Эйнсли. Единственное оставшееся место на диване — справа от меня, которое быстро занимает Кингстон, эффективно вклинивая меня между собой и Бентли.

Отлично.

— Спасибо, что дали мне время, — бормочу я.

Уголки глупо полных губ Кингстона приподнимаются.

— Когда-нибудь ты поймешь, что терпение — не моя добродетель.

— О, поверь мне, я уже хорошо осведомлена об этом.

Теперь он широко ухмыляется.

— Тогда в чем проблема?

Я стреляю в него кинжалами из своих глаз.

— Ты. Ты — моя проблема. Клянусь, я уже говорила об этом раньше.

Бентли закидывает руку мне на плечи.

— Втяни коготки обратно, котенок. Да ладно, что тут такого? Мы все здесь просто для того, чтобы расслабиться и посмотреть несколько фильмов. Черт возьми, я даже закажу еще еды, чтобы ты не беспокоилась о том, что тебе придется делиться своей мерзкой пиццей.

— Моя пицца не мерзкая, — надулась я.

Бентли смеется.

— Как скажешь, малышка.

— Не издевайся надо мной, Бент.

Он прижимает ладонь к груди и ахает.

— Я бы никогда. Я просто говорю, если ты хочешь целоваться со мной во время фильма, не могла бы ты сначала съесть мятную конфету?

Я бросаю на него свой испепеляющий взгляд.

— Не волнуйся, Бентли, мой рот и близко не приблизится к твоему.

— Это мы еще посмотрим, — подмигивает он.

Кингстон перелезает через меня и бьет Бентли по затылку.

— Заткнись, придурок.

Бентли потирает затылок.

— Хреновый ход, брат.

Кингстон сужает глаза.

— Держи свои руки при себе, и у нас не будет проблем.

Бентли качает головой и бормочет что-то себе под нос.

— Э, ребята, — прерывает Эйнсли. — Не могли бы вы приостановить бой на мечах, чтобы мы могли посмотреть фильм?

Кингстон встает с дивана и выключает верхний свет.

— Эй! Зачем ты это сделал? — спрашиваю я.

Он падает обратно на подушку рядом со мной.

— На экране был блик.

Нет, не было, но я держу рот на замке, потому что мне надоело пропускать шоу. Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на быстрых машинах и конфетах на экране, не обращая внимания на идиотов по обе стороны от меня. К сожалению, у меня получается только наполовину, потому что одеколон Кингстона пахнет слишком аппетитно. В какой-то момент я даже понюхала его, но он не сказал мне об этом, если и заметил.

На середине третьего фильма я начинаю ерзать, потому что мне действительно нужно размяться, но раскладной диван недостаточно большой. Он рассчитан на восемь человек, но три огромных парня и их непрекращающаяся потребность раздвинуть ноги занимают большой кусок пространства. После нескольких жалких попыток повернуть свое тело, я, наконец, сдаюсь.

Кингстон наклоняется к моему уху.

— Что случилось?

— Я не могу найти удобное положение.

— Может — лежачее положение?

— Возможно, — я пожимаю плечами. — Но здесь недостаточно места для этого.

— Конечно, достаточно, — настаивает он. — Положи голову мне на колени и ложись.

Я фыркнула.

— Я не собираюсь класть голову тебе на колени, Кингстон.

— Я не просил тебя отсосать мне, Жас. Я просто пытаюсь помочь, — Его лицо освещено достаточно, чтобы увидеть жар, пылающий в глубине его глаз, как будто он представляет, как я делаю именно это.

Неа, я не собираюсь.

— Спасибо, но нет.

— Бент, подвинь свою задницу, — требует Кингстон. — Жас нужно прилечь.

Бентли улыбается.

— Ты можешь лечь на меня в любое время, Жасси.

Кингстон вытаскивает из-под руки подушку и кидает ее в Бентли.

— Она может положить свою голову на это. На диване.

Я с тоской смотрю на подушку.

— Места все равно не хватит.

Кингстон похлопывает себя по бедрам. — Положи голову на эту чертову подушку и закинь ноги мне на колени.

— Ладно, — бормочу я, осторожно ложась на бок и вытягиваясь. Не хотелось бы это признавать, но так гораздо удобнее.

Кингстон поправляет одеяло, чтобы оно по-прежнему покрывало мое тело, и кладет свои руки мне на лодыжки.

— Этого тебе достаточно?

Поза совершенно безобидная, но мои гормоны еще не поняли этого.

— Да, — я снова обращаю свое внимание на экран, где идет нелепая, неправдоподобная, но совершенно потрясающая сцена погони.

Большой палец Кингстона выписывает круги прямо над моей лодыжкой, что становится все труднее игнорировать. Под моей кожей разливается жар, вызывая тупую боль между бедер. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь понять эту нашу с ним связь. Кингстон, черт возьми, почти не прикасается ко мне, но я чувствую, что растворяюсь в луже желания. Как будто между нами существует какая-то врожденная связь, нечто, что выходит за рамки логики. Теперь, когда мы занимались сексом, стало еще хуже. Зная, каково это, когда он двигается внутри меня, какие звуки он издает, когда кончает, у меня текут слюнки при мысли о том, чтобы сделать это снова.

Но этого не произойдет, напоминаю я себе. Кингстон что-то скрывает от меня, несколько вещей, и пока я не узнаю, что именно, не смогу доверять ему, не говоря уже о

каких-либо отношениях с ним. Эти мучительные сомнения в моей голове никогда не исчезнут, пока существует так много неизвестных факторов. Почему он так настойчиво хотел оттолкнуть меня поначалу? Почему он считал необходимым издеваться надо мной, унижать меня, делать компрометирующие фотографии? Боже, это само по себе должно быть непростительным проступком, но, как ни странно, меня это волнует меньше всего.

Я хочу знать, что он скрывает о наших родителях и почему он думает, что я не смогу с этим справиться. Разговор, который мы подслушали между нашими отцами, противоречит всему, что я знаю о своей маме. Конечно, у нее был не самый лучший вкус в мужчинах — Джером и мой отец тому пример, — но она не была распутной. Черт, единственный раз, когда я видела ее с мужчиной в детстве, были ее короткие отношения с Джеромом.

Когда мне было пятнадцать, может, шестнадцать лет, я спросила маму, почему она никогда не ходила на свидания, и она ответила, что мы с Белль на первом месте. Она так много работала, чтобы поддержать нас, она была так сосредоточена на том, чтобы мы выросли сильными, независимыми женщинами, что не оставалось времени ни на что другое. Это просто не имеет никакого смысла, чтобы у нее был постоянный случайный секс с двумя значительно более взрослыми мужчинами, с которыми у нее не было ничего общего.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже не поняла, что фильм закончился, пока Эйнсли не встала, чтобы включить свет. Я быстро моргаю, пока мои глаза привыкают к яркости, а затем осторожно сажусь. По привычке я начинаю убирать остатки еды, но Бентли шлепает меня по руке и берет все на себя.

— Ты выглядишь вымотанной, малышка. Мы с ребятами разберемся с этим перед уходом.

Я не осознавала этого раньше, но я очень устала. Обычно я не хочу спать в десять часов, но восстановление после многочисленных травм не совсем нормально для меня.

— Ты уверен?

Бентли обхватывает мое лицо своими большими ладонями и чмокает меня в лоб.

— Конечно. Ложись спать, а мы сами разберемся.

— Спасибо, Бент.

Я чувствую, что Кингстон ждет моего внимания, но сначала я обращаюсь к Эйнсли.

— Спасибо за идею с вечерним кино.

— Конечно. Ты все еще хочешь потусоваться завтра? — она пристально смотрит на каждого из парней. — Без этих незваных гостей?

— Эй! — говорит Бентли. — Это было немного грубо, тебе не кажется?

Рид, как обычно, молчалив и стоически держится, лишь слегка ухмыляясь в ответ. Кингстон отдает сестре честь средним пальцем.

Эйнсли опирает руку в бедро.

— Невежливо прерывать наш вечер. Этого больше не случится. Нам с Жас нужно поговорить о старом добром, а мы не можем этого сделать в присутствии вас, идиотов.

— Ну и ладно, — надувается Бентли.

Я дергаю головой в сторону холла, сталкиваясь лицом к лицу с Кингстоном.

— Я полагаю, ты ждешь, чтобы поговорить со мной наедине?

Уголок рта Кингстона приподнимается.

— Может быть, я хочу уложить тебя спать.

— Этого не произойдет. Но если тебе есть что сказать, пройди со мной, — я машу Эйнсли, Бентли и Риду одной рукой. — Спокойной ночи, ребята.

— Спокойной ночи, — отвечают они все в унисон.

Кингстон ждет, пока мы не окажемся в моей комнате и дверь за нами не закроется, прежде чем заговорить.

— Пейтон доставляет тебе какие-нибудь неприятности?

Я качаю головой.

— Я не видела ее ни разу с тех пор, как вернулась домой из больницы. А что?

Он проводит рукой по подбородку.

— Она сказала что-то не то, когда я был здесь в последний раз.

— Например что? — я иду к своему шкафу и достаю из ящика кое-какую одежду.

— Она намекнула, что могла иметь какое-то отношение к твоему нападению.

Я бросаю свои пижамные шорты на пол.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Она ни в чем прямо не призналась. Это могла быть необоснованная угроза, но я попросил своего частного детектива присматривать за ней на всякий случай. Ты должна рассказать мне, что произошло, Жас. Если тебе так будет удобнее, я могу договориться, чтобы Джон — это мой частный детектив — был рядом, когда ты это сделаешь.

Кингстон подходит к моему шкафу, берет упавшую пижаму и протягивает ее мне. Он ненадолго заглядывает мне через плечо и, кажется, погружается в раздумья. Я поворачиваю голову и не вижу ничего, кроме белой стены. Той самой стены, где я взобралась на него, как на дерево, и позволила ему потрогать меня пальцем. О, черт. Теперь я думаю об этом.

Он ухмыляется, очевидно, уловив ход моих мыслей.

— Хорошие воспоминания в этом шкафу.

Я протягиваю руку, качая головой.

— Не-а. Не делай этого.

Этот осел смеется.

— Что делать? Я ничего не делал.

Я тычу пальцем в его сторону.

— Тебе не удастся очаровать меня своей сексуальной самодовольной ухмылкой. Ты должен мне ответить, приятель, и я отказываюсь больше ждать. Как только я их получу, я расскажу тебе, что произошло.

— Так ты считаешь меня сексуальным?

Я уверена, что на самом деле рычу.

— Не в этом дело, придурок.

Он задерживается на мгновение, вытягивая шею из стороны в сторону, прежде чем ответить.

— Ладно. Но мы встретимся у меня дома. Мне нужно кое-что тебе показать.

Я подозрительно прищуриваюсь.

— Если это что-то у тебя в штанах, держи это при себе.

Кингстон делает шаг вперед, прижимая меня к встроенному комоду в центре шкафа.

— Мы оба знаем, что на самом деле ты не это имеешь в виду Жас, но не волнуйся; я смогу контролировать себя, если ты сможешь.

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Я определенно могу себя контролировать.

Он отступает назад и смотрит на меня, не делая никаких попыток скрыть свою жажду.

— Отлично, тогда решено. Ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы прийти завтра

после того, как потусуешься с Эйнс?

— Да, — киваю я. — Я могу подвезти ее, когда мы закончим.

Кингстон стучит костяшками пальцев по дверному косяку.

— Просто напиши, когда будешь в пути.

— Хорошо.

— Еще одно. Собери сумку. Это займет некоторое время, так что ты останешься у меня.

И прежде чем ты это скажешь, я могу поспать на диване.

Я качаю головой.

— Я никогда не соглашалась на это.

— А я и не спрашивал, — он сверкнул озорной улыбкой и вышел из комнаты, не сказав больше ни слова.

Наглый осел.

9. Кингстон

— У меня есть оборудование. Когда мы можем встретиться?

Джон считает, что мы должны установить камеру наблюдения в корпоративном офисе моего отца, потому что он не получает ничего полезного от жучков, которые мы установили в домашнем офисе. Поскольку Моник, главный секретарь Davenport Boating, безумно бдительна, установка камеры ложится на мои плечи, так как я один из немногих, кто может пройти мимо ее стола без приглашения или предварительной записи. Мне нужно как-то попасть в кабинет Чарльза Каллахана, но, похоже, такой возможности никогда не представится. Мисс Уильямс живет в доме Каллахана полный рабочий день, и, клянусь, эта женщина никогда не покидает его.

— У меня сегодня вечером кое-что намечается, но я могу сделать это завтра. В том же месте?

— Сойдет, — отвечает Джон. — В час дня, хорошо?

— Ага. Тогда до встречи.

Я кладу трубку и открываю приложение GPS-трекера. Машина Эйнсли находится всего в миле от дома, поэтому я направляюсь в сторону главного дома. Когда моя сестра сказала, что проведет день с Жас, я предположил, что они будут сидеть тихо, поскольку Жас все еще восстанавливается. На что я не рассчитывал, так это на то, что они пойдут в балетную студию Эйнсли. Они уже прямо за углом, поэтому я прячу телефон в карман и жду, когда они подъедут.

Изначально я установил трекер на их телефоны в целях безопасности — окей, возможно, у Жас немного другая причина, — но должен признать, что он пригодился и помимо этого. Даже если они в полной безопасности, мне легче от осознания того, где они находятся, учитывая все это сомнительное дерьмо, витающее в воздухе. Я думал, что Жас будет в ярости, когда узнает, что я установил его, но поскольку маячок оказался полезным, когда Пейтон загнала ее в угол в туалете, она достаточно логична, чтобы понять его ценность. Я редко проверяю его, но поскольку от Жас не было никаких вестей, как ожидалось, моя паранойя взяла верх.

Я слышу рев двигателя Huracan незадолго до того, как они въезжают на подъездную дорожку. Эйнсли замечает меня прежде, чем доезжает до гаража, поэтому она останавливает машину и переключается на паркинг.

Опустив окно, она спрашивает: — Что ты делаешь?

— Жду тебя, — я низко наклоняюсь, чтобы встретиться с Жас взглядом. — Ты должна была написать смс, когда будешь в пути.

— Зачем? — дерзко спрашивает она. — Чтобы ты мог выгнать своих подружек из дома? Я одариваю ее полунасмешливой улыбкой.

— Осторожнее, детка. Твоя ревность дает о себе знать.

Великолепные карие глаза Жас закатываются.

— Меня не беспокоит ревность.

Эйнсли потирает виски.

— Боже мой, вы двое. Вы когда-нибудь остановитесь? Можно подумать, что, наконец, трахнув друг друга, вы выкинете это из головы, — она поворачивает голову к Жас, потом ко мне. — Или, может быть, вам нужно снова трахнуть, потому что только так вы можете терпеть друг друга.

— Я готов проверить эту теорию. Что скажешь, Жас?

Жас насмехается.

— Нет, спасибо.

Я смеюсь.

— Не притворяйся, что тебе не понравилось, когда я...

— Не говори этого! — кричит Эйнсли.

Я смотрю сверху вниз на свою сестру.

— Не так уж весело быть на другом конце провода, не так ли?

Дерзкая маленькая дрянь показывает мне палец.

Я обхожу машину и пытаюсь открыть пассажирскую дверь, но она заперта.

— Открой дверь.

Жас сверкает ухмылкой через окно и говорит одними губами: — Нет.

Эйнсли вскидывает руки и что-то бормочет, прежде чем нажать кнопку на главной панели управления. Как только дверь отпирается, я распахиваю ее.

— Выходи из машины, Жас.

Жас поворачивается к моей сестре и ворчит: — Предательница.

— О, ради всего святого, Жас, вся причина, по которой ты здесь, это поговорить с ним, так что иди и поговори с ним.

— Да, Жас, подойди и поговори со мной.

Она выходит из машины и захлопывает дверцу. Эйнсли не теряя времени переключает передачу и заезжает в гараж, оставляя Жас стоять перед домом со мной.

— Где твоя сумка? — спрашиваю я.

Она кладет руку на бедро.

— Я не взяла ее с собой.

— Как хочешь, — я пожимаю плечами. — Ты не услышишь от меня жалоб, если захочешь спать голой.

Я вижу, как ее бронзовые щеки розовеют в свете уличного освещения.

— Я вообще не буду здесь спать. Эйнсли предложила отвезти меня домой, когда мы закончим.

Я наклоняю голову влево, игнорируя ее замечание. Мы можем оставить этот спор на потом.

— Вдоль дома есть тропинка к моему дому. Ты можешь ходить по неровной земле?

Жас расправляет плечи.

— Я в порядке.

Когда мы начинаем идти, я вижу, что она изо всех сил старается скрыть свой дискомфорт. Эта девушка не позволит ничему удержать ее, и это чертовски сексуально. Я прикрываю рот рукой, чтобы скрыть улыбку, потому что подозреваю, что Жас воспримет это неправильно и еще больше меня заведет. Несмотря на то, что ее дерзость меня заводит, мне нужно разрядить ситуацию, потому что то, что я собираюсь ей сказать, скорее всего, вызовет целую плеяду беспорядочных эмоций.

Жас оглядывается по сторонам, когда мы входим в домик у бассейна, и я понимаю, что она никогда раньше здесь не была. В нем нет ничего особенного — обычный гостевой дом, который можно найти на любом участке в округе, но каждый квадратный дюйм принадлежит мне, и я могу делать все, что захочу, и это важно для меня. Иметь собственную систему безопасности — приятное преимущество, особенно учитывая все те раскопки, которые я веду в отношении деятельности наших отцов. Я переехал сюда прямо перед первым курсом, и ни капли не скучаю по роскоши главного дома.

Жас прогуливается по открытому пространству, составляя каталог маленькой кухни и гостиной. Я не люблю беспорядок, поэтому мебели у меня минимум, но она шикарная и создана для комфорта. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы не фантазировать о грязных вещах, которые я хотел бы сделать с ней, когда она войдет в мою спальню. Я уговариваю свой член успокоиться, потому что на мне треники, которые будут плохо скрывать эрекцию.

Я не идиот, я прекрасно знаю, что в ближайшее время между нами не произойдет ничего физического. Может, я и мудака, но я не собираюсь приставать к женщине, пока она восстанавливается после травмирующего события. Конечно, я несу чушь и разбрасываюсь всякими намеками, но это потому, что я считаю, что Жас сейчас нужна нормальная жизнь. Я не могу представить, какое ужасное дерьмо творится у нее в голове, и я знаю, что то, что я скажу ей сегодня вечером, только усугубит ситуацию.

Именно поэтому я пытался отложить этот разговор как можно дольше, но она не оставила мне другого выбора. Выяснить, кто напал на Жас, — самая насущная задача на данный момент, и если ей нужно, чтобы я ответил на некоторые вопросы, прежде чем она ответит на мои, то так тому и быть. Жас возвращается в гостиную и опускается на диван, а я иду на кухню и открываю холодильник.

Я протягиваю бутылку воды.

— Хочешь?

— Конечно, — когда я протягиваю ей бутылку, она добавляет: — Спасибо.

Я присаживаюсь на подушку рядом с ней. Я снова и снова возвращался к вопросу о том, с чего начать, и наконец остановился на самом начале.

— Что ты знаешь о детстве своей мамы?

Жас хмурится.

— Эм... основные факты, я думаю. Оно у нее было довольно паршивым, поэтому она не часто о нем рассказывала. Она твердо верила в старую поговорку: «Нельзя создать будущее, если ты весь погружен в прошлое».

Я поворачиваюсь к ней всем телом.

— Когда ты говоришь — дерьмовое, это как?

— Я не понимаю, почему это имеет значение.

— Я доберусь до туда, — уверяю я ее. — Просто смиришься с этим.

Жас зажимает нижнюю губу между зубами, размышляя об этом.

— Ну, я знаю, что она была в приемной семье. Женщина, которая родила ее, была очень молода, когда родилась моя мама, ей было четырнадцать, я думаю. Она отказалась от родительских прав еще до того, как выписалась из больницы. Я не уверена, что моя мама когда-либо знала, почему ее бросили или почему ее так и не удочерили, — она делает большой глоток воды. — Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Я ставлю свою воду на край столика.

— Я сейчас вернусь. Мне нужно взять кое-что из шкафа.

Жас хмурит брови.

— Эм... хорошо.

Я беру нужный мне фотоальбом и листаю его, пока не нахожу фотографию, которую искал. Закладывая страницу большим пальцем, я снова сажусь на диван.

Жас указывает на фотоальбом.

— Что это?

— Фотоальбом.

— Очевидно. Судя по всему, старый. Ты не можешь отвлекать меня своими милыми детскими фотографиями, Кингстон.

— Я польщен, что ты считаешь меня милым ребенком — что на сто процентов точно, — но он у меня не для этого.

Она вздыхает.

— Может, перейдешь к делу?

Я делаю глубокий вдох, прежде чем открыть альбом. Я осторожно отклеиваю защитный слой и достаю фотографию наших мам.

Я протягиваю фотографию Жас.

— Посмотри на это.

Жас закрывает рот рукой, чтобы скрыть свой громкий вздох. Ее глаза расширились, а другая рука дрожит, когда она смотрит на фотографию наших мам, стоящих рядом друг с другом с тремя малышами у ног.

Через мгновение она наконец заговорила.

— Что это, черт возьми, такое? Где ты это взял?

Я указываю на красивую блондинку слева.

— Это Дженнифер Уилкс-Дэвенпорт. Также известная как моя мама.

Глаза Жас быстро наполняются слезами.

— Почему твоя мама и моя мама вместе на одной фотографии? — она поднимает фотографию. — Та маленькая девочка справа — это я.

— А двое слева — это Эйнсли и я.

Она качает головой.

— Я не понимаю. Это должно быть подделано или что-то в этом роде.

— Жас, у меня нет никаких сомнений, что это оригинал. Этот альбом был спрятан в моем шкафу последние девять лет.

Ее лицо смягчается, когда она проводит указательным пальцем по изображению своей мамы.

— У тебя есть объяснение получше?

— Есть, — киваю я. — Когда я впервые наткнулся на эту фотографию, мне было девять, может быть, десять лет. Я спросил отца, кто эти женщина и ребенок, и он сказал, что это одна из старых маминых подруг и ее дочь. Он пытался отобрать у меня фотографию — что,

оглядываясь назад, было очень странно — но некоторое время спустя я нашел ее у него на его столе и украл обратно.

— Наши мамы были подругами?

Я жестом показываю на фотографию. Обе женщины обнимают друг друга сбоку.

— Я бы сказала, что да, судя по их улыбкам и языку тела.

— Это бессмысленно. Как наши мамы могли общаться друг с другом, когда мы были детьми, если мой отец до недавнего времени не знал о моем существовании? Мама сама мне об этом говорила — она ушла, когда была беременна, так и не сказав ему, — она снова изучает фотографию. — Святое дерьмо!

— Что?

Она указывает на раздвижную стеклянную дверь на заднем плане.

— Это дверь, ведущая на задний двор Чарльза. Эта фотография была сделана в его доме.

Я уже знал это, поэтому просто кивнул в знак согласия.

Жас ущипнула себя за переносицу.

— Пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть объяснение, потому что теперь у меня еще больше вопросов.

Я хватаю ее за руку.

— Жас, посмотри на меня, — я жду, пока ее глаза встретятся с моими, прежде чем продолжить. — Что ты помнишь из нашего маленького подслушанного приключения?

Если она задумается об этом, то разговор, который мы подслушали между нашими отцами, доказывает, что они оба знали о беременности Махалии.

Ее карие глаза расширяются, когда до нее доходит.

— О, Боже мой. Они лгали — и Чарльз, и моя мама. Он знал обо мне с самого начала не так ли?

Я киваю головой.

— Да, знал. Я уверен, что Мэдлин тоже знала. Джон, мой частный детектив, раскопал налоговые отчеты, доказывающие, что твоя мама работала в особняке горничной незадолго до твоего рождения, пока тебе не исполнилось два или три года. Мэдлин и Пейтон должны были переехать где-то в середине этого периода. Я не могу представить, чтобы она позволила чужому ребенку жить в этом доме без веских причин.

— Но зачем моей маме скрывать это? Она уже сказала мне, что он не был хорошим человеком, так почему бы ей не быть честной о том, когда она ушла?

Я пожимаю плечами.

— Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что она пыталась защитить тебя. Чем меньше ты знала, тем лучше.

— Что я упускаю? В этой истории должно быть что-то еще.

— Должно.

Вот так вот.

10. Кингстон

— Я не знаю, как это выразить, кроме как просто сказать, поэтому... — я наполняю легкие воздухом, прежде чем выдохнуть. — Я абсолютно уверен, что наши отцы управляют чем-то вроде сети секс-торговли и уже очень давно.

Жас быстро моргает.

— Ладно... это... вау, эм... это действительно хреново. Но какое отношение это имеет к

моей маме?

Мои губы сжимаются.

— Потому что я думаю, что твоя мама была непосредственно... затронута этим.

Я вижу, как крутятся колесики в ее голове.

— Ты думаешь, она была их *жертвой*?

Я торжественно киваю.

— Я знаю.

— Святое дерьмо. Разговор, который мы подслушали между ними, теперь имеет столько смысла, — голос Жас едва громче шепота.

Я сглатываю, когда вижу, что ее глаза наполняются слезами.

— Да, имеет.

— Но почему моя мама оставалась там так долго, если с ней жестоко обращались? Почему они простопустили ее? Разве они не беспокоились, что она их сдаст? Или она как-то сбежала? Боже, если это правда, значит, я существую только потому, что мою маму неоднократно насильовал этот больной ублюдок, — Жас положила руку на живот. — Я чувствую, что меня сейчас вырвет.

Я придвигаюсь ближе, рискуя вызвать рвоту, чтобы вытереть ее слезы большими пальцами.

— У меня есть некоторые идеи относительно этого, но ничего не подтверждено.

— Какие идеи? Разве секс-торговцы не держат своих жертв изолированными в мрачных местах или не продают их тому, кто больше заплатит? Если она действительно была их пленницей, почему она жила в многомиллионном особняке? Почему ей позволили подружиться с твоей мамой? Она выглядит счастливой на этой фотографии, — Жас ахает. — О Боже, что если она не была жертвой, а на самом деле работала с ними? Я не могу поверить, что она могла сделать что-то подобное. Я так запуталась.

Я хватаю ее за руку.

— Эй. Она никак не могла работать с ними, Жас, так что выбрось это из головы прямо сейчас.

Она хмурится.

— Но почему ты так уверен?

— Потому что она идеально подходит под профиль жертвы. Молодая, красивая, без денег, без семьи. Джон говорит, что твоя мама была зарегистрирована как беглянка за несколько месяцев до того, как ей исполнилось восемнадцать и она вышла из системы. Судя по тому, когда ты родилась, это примерно то же время, когда она забеременела, что означает, что она уже знала Чарльза.

— Но почему она выглядит такой счастливой на этой фотографии? — Жас размахивает фотографией. — Она выглядит здоровой. Определенно не похожа на ту, кто подвергся насилию.

— Это та часть, над которой я все еще работаю. За последние два года я понял одну вещь: секс-торговля проявляется в разных формах. Если это то, чем они занимаются — а как я уже сказал, я уверен, что это так, — то это довольно сложная операция. Они должны как-то скрывать свою деятельность за законным бизнесом; они слишком чисты. Джон отлично знает свое дело, но он не может найти ни одной улики, связывающей их с преступлением. Он подозревает, что некоторые влиятельные люди скрывают улики, чтобы спасти свои собственные задницы.

Жас отстраняется и вздергивает подбородок, чтобы посмотреть на меня.

— Ты расследуешь это уже два года? Но почему? Что заставило тебя заподозрить их в первую очередь?

— Много мелочей, которые начали складываться, но катализатором стал разговор с моим дедушкой со стороны мамы.

Она откинулась на спинку дивана.

— Как так?

— Мы с Эйнсли полетели в Сан-Франциско навестить нашего дедушку незадолго до его смерти, это было чуть больше двух лет назад. У него был рак толстой кишки, и он хотел увидеть своих единственных наследников перед смертью. Мы не проводили с ним много времени в детстве, поэтому не были близки, но я думаю, что нам с Эйнс нужен был шанс попрощаться, потому что он был единственной ниточкой, которая связывала нас с нашей мамой. — Я сглатываю комок в горле. — У нас никогда не было возможности попрощаться с ней.

Глаза Жас наполняются сочувствием, пока она слушает.

— В общем... однажды он сказал мне, что нам нужно поговорить. Как мужчина с мужчиной. Он рассказал мне о своих чувствах к моему отцу; он никогда ему не нравился, не доверял ему с самого первого дня. Он думал, что моему отцу нужны только ее деньги. Мой отец происходит из богатой семьи, которая насчитывает несколько поколений в роду Дэвенпортов. Но моя мама была единственной наследницей одной из крупнейших в мире сетей роскошных отелей. Из-за денег ее семьи банковские счета моего отца выглядят как мелочь на карманные расходы. По словам моего дедушки, когда мои родители начали встречаться, он пытался положить этому конец. Он знал, что что-то не так. Мой отец был буквально достаточно взрослым, чтобы быть ее отцом, и казалось, что у них нет ничего общего. К сожалению, Престон Дэвенпорт может быть чертовски обаятельным, когда хочет, и она купилась на это. Забеременела в самом начале их отношений. Как только она узнала, что у них будет двойня, она согласилась выйти за него замуж. Однако медовый месяц длился недолго. Мне было восемь лет, когда она умерла, поэтому все не слишком ясно, но даже в самых ранних воспоминаниях я легко могу вспомнить, насколько сильно различались их характеры. Как часто они ссорились. Мой дедушка рассказывал мне, что она планировала уйти от него прямо перед смертью. Она собиралась забрать нас с Эйнсли отсюда и переехать в Сан-Франциско, где она выросла. Однажды она позвонила моему дедушке и сказала, что он с самого начала был прав; ее муж был лжецом. Мама призналась, что узнала кое-что ужасное о деловых отношениях моего отца. Она утверждала, что написала заявление в полицию, подробно описав все, что ей было известно, поэтому ей пришлось забрать детей и уехать как можно быстрее. Когда мой дедушка попросил ее объяснить, она пообещала, что расскажет ему все, как только приедет в Район Залива, — я потираю напряжение на затылке. — У нее не было шанса, потому что она умерла в тот же день.

Жас уже даже не пытается сдерживать слезы, и это меня убивает.

— Как она умерла?

Я разжимаю челюсть.

— Официальная причина смерти — утопление, но токсикологический анализ показал, что в ее организме было большое количество героина. Полиция пришла к выводу, что она немного перебрала, пошла поплавать и потеряла сознание.

Жас смотрит через окна на подсвеченный бассейн прямо за дверью.

— Ты же не думаешь, что так все и было на самом деле?

— После разговора с дедушкой — нет, — мои глаза затуманиваются, когда я смотрю в окно. — Время слишком подозрительное. И она была полностью одета, что является странным выбором для плавания, тебе не кажется?

— Ты думаешь, твой отец... убил ее?

— Он был где-то на Карибах, когда она умерла, — я резко выдыхаю. — Но я думаю, что он нанял кого-то. Или, может быть, он попросил твоего отца сделать это, поскольку он был в городе в тот день. Зная то, что знаю сейчас, у них обоих был бы один и тот же мотив. Насколько я понимаю, они одинаково виновны, независимо от того, кто на самом деле выполнил грязную работу.

— Вы с Эйнсли были дома, когда это случилось?

— Нет. В тот день мы были на детском празднике через несколько домов от нас. Оглядываясь назад, я думаю, что моя мама хотела вывести нас из дома, чтобы она могла собрать наши вещи, не привлекая внимания. Думаю, отец каким-то образом узнал, что она собиралась бежать, и остановил ее прежде, чем она успела это сделать. Я никогда не забуду тот день. Было уже поздно, а мама не забрала нас, когда должна была. Она не брала трубку, когда позвонила миссис Уоллес — это соседка. В конце концов миссис Уоллес сама отвезла нас домой, подумав, что, может быть, у мамы сел телефон или она заснула. Когда мы позвонили в звонок, никто не ответил, и мы обошли дом, чтобы проверить заднюю дверь. По дороге Эйнсли споткнулась и поцарапала колено, поэтому миссис Уоллес остановилась, чтобы позаботиться о ней. Но я продолжил идти. Я не мог отделаться от ощущения, что случилось что-то плохое. Когда я завернул за угол дома, я увидел, что она плавает в воде лицом вниз. Я прыгнул в бассейн, пытаюсь спасти ее, но как только мне удалось перевернуть ее, я понял, что уже слишком поздно. Она была сильно раздута... ее кожа была почти... серой. Ее вид в таком состоянии будет преследовать меня до конца жизни.

— Боже, Кингстон. Неудивительно, что ты их так ненавидишь.

— Да.

Жас поворачивает голову в мою сторону.

— Вы тогда жили в этом доме? Это тот самый бассейн?

— Да, в этом доме. Но не совсем в этом бассейне.

Ее тонкие брови сошлись вместе.

— Что это значит?

— Вторая жена моего отца — та, на которой он женился меньше, чем через год после смерти моей мамы — переделала его. Мы с Эйнсли и близко к нему не подходили, поэтому папа рассказал ей о несчастном случае с моей мамой. Она была вне себя от всего этого, поэтому она наняла кого-то, чтобы расширить и переделать ландшафт, — я скрежещу зубами. — Как раз в это время она потребовала, чтобы мы убрали все следы нашей мамы из дома, как будто это сотрет тот факт, что она умерла или что-то в этом роде.

— Вот сука.

— Да, — соглашаюсь я.

— А Эйнсли знает? Я имею в виду, о наших отцах?

— Она знает, что они замешаны в чем-то сомнительном, но она понятия не имеет, что все настолько плохо, — я качаю головой. — И я не хочу, чтобы это менялось, пока я не получу доказательства, которые их уничтожат. У меня есть меры, чтобы максимально обезопасить ее, но я не хочу, чтобы она знала подробности, Жас. Бесстрастное лицо Эйнсли

— дерьмо, так что, если она узнает что-то конкретное, это поставит ее под удар.

— Согласна, — Жас кивает головой в знак понимания. — Но Бентли и Рид знают?

— Да, они знают все. После возвращения из Сан-Франциско я на некоторое время слетел с катушек. Я был чертовски зол все это время. Я не мог понять, как направить это на что-то продуктивное. Я становился безрассудным. Мне нужно было дать выход чувствам, прежде чем я сделаю что-то, чего уже нельзя будет исправить. Они мои братья — я доверяю им свою жизнь.

Жас берет паузу, чтобы собраться с мыслями. Смахнув последние слезы, она спрашивает: — А что насчет полицейского отчета? Разве твой отец не был подозреваемым?

— Джон не нашел никаких записей о подаче заявления.

Жас подтягивает ноги под себя.

— Я не понимаю. Как это возможно?

У меня подрагивает челюсть.

— Я думаю, у наших отцов в кармане много влиятельных людей.

— Ты думаешь, они их подкупают?

— Я думаю, они их шантажируют. Я видел некоторых из этих людей на званых ужинах и тому подобном. Что-то... не так. У них практически текут слюнки всякий раз, когда моя сестра или Пейтон находятся рядом, даже когда они были еще подростками. И чем старше я становлюсь, тем развязнее становятся их языки с течением ночи. Они считают, что отец с сыном похожи. Черт, а почему бы и нет? Наши отцы считают меня таким же женоненавистником и извращенцем, как и они.

— Почему они так думают?

— Потому что это то, во что я хочу, чтобы они верили. Так я завоевываю их доверие. Поверь, я ненавижу каждую минуту, которую мне приходится проводить в их присутствии, но это роль, которую я должен играть. И я собираюсь продолжать играть ее, пока не получу то, что мне нужно, чтобы надрать их задницы.

Жас зажала нижнюю губу между зубами.

— Так вот почему ты так ужасно вел себя со мной поначалу? Потому что ты притворялся таким же, как они? Или ты проецировал на меня свои чувства к моему донору спермы на меня?

Я на мгновение задумываюсь над ее вопросом.

— Полная откровенность?

Она бросает на меня язвительный взгляд.

— Думаю, сейчас это и подразумевается, но если тебе нужно, чтобы я объяснила это по буквам, то да. Полная честность.

— До того, как мы встретились, я был более чем равнодушен. Я знал, что твоя мама только что умерла, и что ты выросла в системе, так что я предполагал, что ты будешь кроткой, скорбящей девочкой, которая не хочет поднимать шумиху. Что ты будешь благодарна за то, что у тебя вдруг появился богатый папа, который спас тебя от системы. После периода скорби я думал, что в конце концов ты присоединишься к группе Пейтон и станешь еще одной несущественной богатой сучкой.

— А после того, как мы встретились?

Я усмехаюсь.

— Я понял, что был чертовски неправ и чертовски облажался. В ту секунду, когда ты вышла из машины в Виндзоре, с высоко поднятой головой и свирепым взглядом, я понял, что

ты — проблема с большой буквы П. Потом, когда ты поцеловала меня в губы, Боже мой, это сделало меня таким твердым, что я хотел нагнуть тебя прямо там, перед всеми, показать им, что ты моя. Мой самоконтроль быстро ослабевал, и, честно говоря, это бесило и пугало меня до смерти. Я не гребаный пещерный человек, но ты заставила меня почувствовать себя таковым. Никто и никогда не оказывал на меня такого эффекта.

Жас делает руками знак, что пора брать тайм-аут.

— Не соглашусь насчет пещерного человека и еще, давай не будем вмешивать в этот разговор твои стояки.

Я улыбаюсь, на что получаю ответный взгляд.

— Почему? Боишься, что не сможешь перестать думать о моем члене?

— В любом случае, — продолжает она, полностью игнорируя мою колкость. — Я до сих пор не понимаю, почему мой приезд заставил тебя почувствовать себя так хреново.

Я пожимаю плечами.

— Я заключил ту сделку о наследстве с Пейтон, чтобы стать ближе к Чарльзу. Я долго над этим работал, и наконец-то все встало на свои места. Чарльз и мой отец делали небольшие замечания то тут, то там, намекая на будущие деловые возможности, к которым они хотели бы привлечь меня. Но твое появление внесло в мой план изменения размером со слона. Я почувствовал себя загнанным в угол, и мне это ни капельки не понравилось.

— Почему бы просто не игнорировать меня?

Я невесело смеюсь.

— Потому что это невозможно. Господи, Жас, ты понятия не имеешь, да?

— Понятия не имею о чем?

— Я не думаю, что кто-то может игнорировать тебя, — объясняю я. — Я не знаю... как будто у тебя есть этот X-фактор, который притягивает людей. Это заставляет их хотеть знать тебя, хотеть быть тобой или трахнуть тебя. Как ты думаешь, почему Пейтон и ее приспешники были так агрессивны с тобой с самого начала?

— Потому что они заносчивые сучки?

Я качаю головой.

— Это потому, что они безумно ревнуют. Они считают тебя угрозой — возможно, большей, чем любой человек, которого они встречали ранее. Ты умная, красивая, добрая, уверенная в себе, и тебе абсолютно наплевать, что о тебе думают. Ты настоящая — то, что ты видишь, то и получаешь. Это чертовски сексуально, Жас, и, более того, освежает наш мир. Они никогда не смогут быть такими же настоящими, как ты, как бы они ни старались.

— Это просто смешно.

— Нет, это правда, — я прочищаю горло. — В интересах ясности есть... еще одна вещь, которую ты должна знать.

Глаза Жас сужаются в подозрении.

— Что?

Черт. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Насчет роли... и у Чарльза, и у моего отца может сложиться впечатление, что я провожу с тобой время, чтобы помочь тебе попасть под контроль твоего отца.

— Что?! — кричит она. Если бы Жас все еще не поправлялась, я не сомневаюсь, что она бросилась бы на меня прямо сейчас. — Почему они так думают?

Я вытягиваю шею из стороны в сторону.

— Это было до того, как я узнал тебя ближе. Не могу сказать, что я не заключил бы

такую же сделку, если бы знал тебя лучше, но на то есть веская причина.

— Объясни, — требует она сквозь стиснутые зубы.

— Это было в первый день нашего знакомства — прямо перед ужином в твоём доме. Я был в сигарной комнате твоего отца и слушал, как они болтают о чём попало. Потом, в какой-то момент, мой отец спросил, как у тебя дела, и твой отец стал говорить о том, какая ты грубиянка. — Я поднимаю руки вверх, когда в её глазах вспыхивает ярость. — Это его слова, не мои. В любом случае... мой отец предложил мне научить тебя, как все устроено в нашем мире, поставить тебя на место, так сказать. Научить тебя вести себя как подобает женщине, — Жас смотрит на лампу рядом с собой, словно раздумывая, не стукнуть ли меня ею по голове. Когда она не делает никакого движения, я продолжаю: — Итак... я сказал им, что буду рад помочь. Пейтон постоянно испытывала мои последние нервы. Я увидел возможность получить то, что мне нужно, без неё, и я ухватился за неё. Чарльз и мой отец сказали, что, если я добьюсь успеха с тобой, они примут меня в свои ряды. Реформировав тебя, я докажу, что готов взяться за другие проекты.

Жас какое-то время сидит неподвижно, метая в меня кинжалы своими глазами. Наконец, она делает глубокий вдох и говорит.

— Позволь мне прояснить ситуацию. Ты обещал нашим отцам, что сможешь превратить меня в одну из их маленьких Степфордских жен?

— По сути, да.

Она вскидывает бровь.

— И как именно ты планировал это сделать?

— Я ещё не совсем разобрался в этой части.

— Значит, после ужина, когда ты появился в моей комнате — то, что произошло в моём шкафу — это было потому, что ты играл роль?

— *Блядь, нет.*

Теперь я киплю вместе с ней. Единственное, в чём Жас никогда не должен сомневаться, так это в том, как сильно я её хочу.

— Тогда *какова* была цель?

Я вскакиваю с дивана и развожу руки в стороны.

— Я ничего этого не планировал! После ужина я должен был быть с нашими отцами, курить кубинские сигареты. Теперь, когда я думаю об этом, я даже не помню, как поднимался по лестнице. Но когда ты вышла из ванной в одном полотенце, последняя ниточка самоконтроля, которая была у меня внутри, оборвалась. Я был зол, что не смог сдержать себя рядом с тобой. Я собирался сказать, что к черту весь этот план, потому что если я не могу контролировать себя, то как, черт возьми, я смогу контролировать тебя? Я пытался предупредить тебя держаться подальше, но ты ни хрена не слушала. Тебе просто нужно было продолжать нажимать на мои кнопки, как ты всегда делаешь, и я реагировал.

— Положив на меня свои руки? Трахая меня пальцами об стену? Ты серьёзно пытаешься обвинить меня в этом дерьме?!

Я смотрю ей прямо в глаза.

— Не притворяйся, что тебе не нравилось каждое гребаное мгновение той ночи или любого другого раза, когда я прикасался к тебе после этого.

Она встает, сжимая кулаки.

— Трахни меня!

— С радостью. Назови время и место, милая.

Жас поднимает руку, но она транслирует свое намерение за милую.

Я хватаю руку в середине замаха.

— Хорошая попытка.

— Отпусти. Отпусти. Меня, — она вырывается из моей хватки, широко раскрыв глаза.

Какого хрена я делаю?

Сдерживание Жас, вероятно, вызывает у нее какие-то воспоминания. Я тут же ослабляю хватку и делаю шаг назад. Черт возьми.

— Прости меня. Я не хотел...

— Заткнись, — она сжимает кулак вокруг моей футболки. — Просто заткнись. Заткнись. Блядь. Заткнись.

Прежде чем я успеваю сказать: «Или что?», Жас дергает за хлопок, притягивая меня к себе. Она прижимается своими полными губами к моим, и мысль о том, чтобы бросить ей вызов, рассеивается в воздухе. После этого уже ничто не имеет значения.

Наши рты встречаются в неистовом отчаянии, прижимаясь друг к другу в поисках большего. Тихие стоны Жас отдаются прямо в мой член, заставляя меня за две секунды перейти от спущенной мачты к полным парусам. Она трется животом о мой стояк, но трения недостаточно. Я опускаюсь на диван и тяну ее за собой, пока она не оказывается на моих коленях, не разрывая поцелуя. Я чувствую жар ее киски сквозь одежду, когда она прижимается ко мне. Ее спина выгибается, когда мои губы путешествуют по ее шее. Она раскачивается на мне, когда мой большой палец проводит по ее соску через топ.

— Блядь!

— Я знаю, — пробормотал я, прижимаясь поцелуем к ее ключице. — Блядь, тебе хорошо.

— Нет. — Жас надавливает мне на грудь одной рукой, а другую кладет на свой живот. — Ай! Блядь, как ой!

— Черт, — мои глаза пробегают по всей длине ее верхней части тела, пытаюсь определить источник проблемы. — Что болит?

Жас поднимает уголок своей рубашки. Моя челюсть сжимается, когда материал сдвигается еще немного вверх, обнажая сердитую, неровную красную линию.

— Господи Иисусе. Это от ножа?

Она кивает, закатывая рубашку и заправляя ее под бретельку лифчика.

— Все еще болит?

Жас пожимает плечами.

— Большую часть боли сейчас вызывают мышцы живота, которые все еще довольно болезненны из-за того, что их разрезали во время операции. В основном это тупая боль, как после очень тяжелой тренировки, но, когда я двигаюсь определенным образом, это вызывает очень острую боль, что сейчас и произошло. Больно до жути, но всего на несколько секунд. По сравнению с тем, что я чувствовала вначале, это ночь и день.

Я легонько провожу по свежему шраму, отчего по ее телу пробегают мурашки.

— Это единственный шрам?

Жас качает головой.

— Нет. Есть еще один, примерно в два раза длиннее, от хирургической операции, которую им пришлось делать.

Мои брови сошлись в замешательстве. Мне хорошо виден весь ее живот, но я ничего не вижу.

— Где?

Жас начинает стягивать пояс своих леггинсов, а затем и черные хлопковые трусики. Прежде чем я успеваю спросить, зачем, появляется еще одна линия, шириной пять или шесть дюймов, примерно на шесть дюймов ниже пупка. Кожа здесь также красная и слегка приподнятая, создавая что-то вроде гребня, но это явно результат более точного разреза. Я настолько сосредоточен на доказательствах ее нападения, что тот факт, что Жас сидит у меня на коленях с частично обнаженной киской, меня даже не беспокоит. Похоже, я все-таки сдерживаю себя.

Мои глаза путешествуют вверх, по ее подтянутому животу. По большей части это гладкая, загорелая кожа. Но есть одно большое пятно, нарушающее совершенство, слегка окрашенное в желтовато-коричневый цвет.

Моя рука скользит по самому темному участку.

— Почему здесь до сих пор синяки?

— Это место, где я получила удар ботинком в живот. Он выглядит гораздо лучше, чем было на самом деле. Ты ведь видел мое лицо, когда это случилось сначала? Половина моего тела была того же прекрасного красновато-фиолетового оттенка.

На улице было темно, и все произошло так быстро в ту ночь, что я так и не нашел времени внимательно осмотреть ее. Возможно, это и хорошо, потому что от одного только повреждения ее лица мне захотелось убить ублюдков, которые сделали это с ней. Я так чертовски зол, но изо всех сил стараюсь сдерживать свое выражение лица. Мои зубы скрежещут, когда я обхватываю ее бедра руками и усаживаю на подушку рядом с собой. Я сейчас слишком возбужден, чтобы она сидела на мне.

Жас возвращает рубашку на место.

— И что теперь?

— Теперь ты расскажешь мне, что случилось в том лесу. После этого мы будем работать вместе, чтобы уничтожить всех этих ублюдков.

11. Жас

Мне было гораздо легче открыться Кингстону о моем нападении после всего, что он рассказал о наших родителях. Мои прежние опасения по поводу возможного участия Кингстона полностью исчезли после того, как я увидела, как страстно он желает расправиться с нашими отцами за их роль в причинении вреда нашим мамам. Даже самый лучший актер в мире не смог бы подделать такую убежденность. Вспомнив все, что эти мужчины сказали и сделали со мной, а также все, что я узнала до этого, я была истощена как физически, так и морально. Мы решили закончить вечер и договорились обсудить возможных подозреваемых утром. Я согласилась остаться у него, потому что было уже поздно, но я ясно дала понять, что мы с Кингстоном не будем спать в одной комнате.

Боже, что же мне с ним делать? Лежать в кровати Кингстона, окруженная его сексуальным фирменным ароматом всю ночь, было абсолютной пыткой. Боль между ног, которая разгорелась ранее вечером, усилилась до почти невыносимого уровня. Моя рука несколько раз проскальзывала под одеяло, стремясь получить разрядку, пока не включился мозг. Если бы я не была такой уставшей, я бы, наверное, сбросила с себя одеяла, прошла в другую комнату и умоляла Кингстона прикоснуться ко мне. Опять.

Черт возьми, я не должна была целовать его, но мы спорили, что всегда меня заводит по

какой-то больной причине, и он выглядел очень сексуально, когда половину времени сжимал свою квадратную челюсть. К тому же, на нем были серые треники, черт возьми! Надо быть слепой, чтобы не заметить довольно большой отпечаток члена под тонким хлопком. Я тряхнула головой, напоминая себе, что сейчас не время думать о членах, особенно о члене Кингстона.

Чертовы серые треники. Полная ловушка для жажды, каждый раз, черт возьми.

Я проснулась незадолго до рассвета и не могла снова заснуть, поэтому решила принять долгий горячий душ. Стоя под струей душа, я прокручивала в голове вчерашний разговор с Кингстоном. Он выглядел так, словно собирался кого-то убить, когда я рассказала ему, что эти ублюдки сделали и сказали мне. Его кулаки были сжаты так сильно, что костяшки пальцев побледнели, а нога не переставала подпрыгивать. Все это время вокруг него бурлила безумная энергия, но он почти не произнес ни слова — только задавал уточняющие вопросы то тут, то там. Когда я спросила его, все ли с ним в порядке, он отмахнулся, как будто я все это выдумала.

Клянусь, этот парень так крепко держит свои эмоции на привязи, что в конце концов он обязательно сорвется. Я думала, он вот-вот взорвется прошлой ночью. Странно, но, когда — а не если — это случится, я не верю, что его ярость будет направлена на меня, поэтому это не так страшно, как должно быть. Я не могу сказать то же самое о моих обидчиках. Теперь они должны быть в ужасе. Я бы хотела сказать, что мне было бы их жаль, если бы Кингстон когда-нибудь попал к ним в руки, но я не могу. Я хочу, чтобы они страдали, и не сомневаюсь, что он справится с этой задачей. Что это говорит обо мне, я не знаю. Я никогда не была сторонником насилия, но полагаю, последние события заставили меня посмотреть на вещи другими глазами.

Высушившись и одевшись, я на цыпочках выхожу в главную комнату, чтобы взять немного воды. Я улыбаюсь, когда вижу Кингстона, растянувшегося на раскладном диване, с рукой, закинутой на глаза, чтобы заслонить солнце. Оно поднялось настолько, что пробивается сквозь окна на его лицо.

Какого черта?

Я придвигаюсь ближе, стараясь не разбудить его. Мои глаза меня обманывают? Нет. У Кингстона определенно толстая губа. Мне приходится подавить вздох, когда я вижу отвратительную рану, с небольшим количеством запекшейся крови, как будто порез открылся, пока он спал. Что, черт возьми, произошло? Он был в полном порядке, когда я ложилась спать прошлой ночью.

Инстинктивно я протягиваю руку, чтобы коснуться его губ, но замираю, когда рука Кингстона смыкается вокруг моего запястья. Его глаза распахиваются и слегка расслабляются, когда он видит меня.

Он отпускает мою руку и протирает глаза.

— Что ты делаешь? Ты в порядке?

— А ты? — отвечаю я, проводя большим пальцем справа от его рта. — Что случилось с твоим лицом? — Господи, у него и костяшки пальцев распухли. — А с руками?

Кингстон вытягивает руки, рассматривая потрескавшуюся кожу на костяшках пальцев.

— Я в порядке.

— В самом деле? Кингстон, я девушка. Я знаю, что — «в порядке» никогда не означает — «в порядке».

Он переворачивается на другой бок, подальше от света.

— Мы можем сделать это позже? Я чертовски устал.

Я сажусь на край матраса и тянусь к его плечу.

— Поговори со мной. Когда я ложилась спать, ты собирался сделать то же самое. Ты решил перед этим несколько раз ударить себя по лицу?

Он берет с подушки свой телефон и стонет, увидев время.

— Жас, пожалуйста. Я проспал всего час. Мне нужно еще хотя бы несколько, чтобы функционировать, — он поворачивается ко мне и тянет меня за руку. — Давай, просто полежи со мной немного. Я слишком вымотан, чтобы попробовать что-нибудь грязное, клянусь

Почему его сонный голос такой сексуальный? Он весь покрыт гравием и очень глубокий. Вопреки здравому смыслу, я забираюсь на диван рядом с ним и ложусь. Кингстон придвигается ближе, пока его тело не прижимается к моему. Я бы хотела сказать, что я не виляю задницей и не прижимаюсь к нему, но я всего лишь человек, так что... неважно.

Кингстон утыкается носом в мой затылок.

— Ты пахнешь, как я.

— Я воспользовалась твоим гелем для душа, — объясняю я.

— Ммм. Мне это нравится.

Я напрягаюсь, когда он трется своей массивной эрекцией о мою задницу.

— Кингстон...

Он стонет.

— Это утренний стояк; рано или поздно он исчезнет. Просто не обращай на это внимания.

— Тебе легко говорить, — бормочу я. — Это не у тебя в задницу упирается член.

— Шшш... — шепчет Кингстон. — Меньше разговоров, больше сна.

Я вздыхаю.

— Ты невозможен.

— Спи, Жас.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Несмотря на мои прежние колебания, трудно не расслабиться в объятиях Кингстона. Это слишком удобно и безопаснее того, что я чувствовала долгое время. Не успеваю я опомниться, как уплываю в страну грез.

Легкие как перышко прикосновения касаются моей щеки.

— Жас, пора просыпаться.

Я открываю глаза, медленно моргая, чтобы сфокусировать взгляд на лице Кингстона.

— Который час?

— Чуть позже десяти.

Черт. Я проспала три часа.

Я осторожно сажусь и перекидываю ноги через край матраса.

— Ты только что встал?

— Около двадцати минут назад. Я дал тебе поспать столько, сколько мог, но нам нужно поговорить. У меня дела в час дня, так что мне нужно будет уехать вскоре после полудня.

Я оглядываюсь через плечо, наливая себе воду из холодильника.

— Какое дело?

Я замечаю, что его волосы влажные, и на нем другая одежда. Его губа все еще опухшая, но запекшаяся кровь исчезла. Очевидно, Кингстон принял душ за то короткое время, что не

спал.

Кингстон занимает место за барной стойкой прямо напротив меня.

— Я встречаюсь со своим частным детективом. У него есть для меня новое оборудование для наблюдения.

— Зачем вам новое оборудование для наблюдения?

— Мы собираемся следить за корпоративным офисом моего отца. Его домашний офис прослушивается уже несколько месяцев, но нам не с чем работать. Мне нужно следить и за офисом твоего отца, но я не нашел способа проникнуть туда незамеченным.

Кингстон садится прямее.

— Подожди секунду... я только что кое-что придумал.

— Что?

— Скоро большой праздник в честь дня рождения Пейтон, верно?

Я чувствую, как между моими бровями образуется глубокая складка.

— Да... и что?

— Мне нужно, чтобы ты выяснила, уедет ли мисс Уильямс — если она действительно хоть раз уходит из дома. Зная Пейтон, эта вечеринка будет бурной. Я сомневаюсь, что эта душная женщина сможет это вынести, но мне нужно знать наверняка.

— Так ты сможешь попасть в кабинет моего отца, — предположила я.

— Именно. Это была бы идеальная возможность. Там должно быть более чем достаточно тел, где я мог бы пробраться незамеченным. На самом деле, наверное, будет лучше, если я сделаю это до того, как появлюсь. Я появлюсь после того, как вечеринка закончится, может быть, около десяти или около того, установлю камеру, а потом покажу свое лицо. Но чтобы все это сработало, мне нужно знать, что старая летучая мышь ушла из дома.

— А как насчет Чарльза и Мэдлин?

— Я уже знаю, что их не будет. Пейтон планировала эту чертову затею больше года, и я имел неудовольствие слушать ее бредни об этом больше нескольких раз.

— Хорошо. Но я хочу кое-что взамен.

— Назови это.

Я приподнимаю бровь.

— Расскажи мне, что случилось с тобой прошлой ночью.

Челюсть Кингстона сжимается.

— Я иногда дерусь.

Я уверена, что выгляжу так же растерянно, как и чувствую себя.

— Мне нужно, чтобы ты рассказал об этом подробнее.

Он выдыхает.

— Иногда, когда я действительно зол... мне нужно направить агрессию на что-то другое. Единственные две вещи, которые, кажется, работают, это трах и драка. Поскольку я не думаю, что первое произойдет в ближайшее время, я выбрал второе.

— Ты можешь трахать кого хочешь, Кингстон. Не позволяй мне останавливать тебя.

Горячий взгляд Кингстона путешествует по всему моему телу, и я никогда не чувствовала себя как сейчас, зеброй в логове льва.

— Я хорошо знаю свои возможности, Жас. Просто потому, что я могу трахнуть кого-то другого, не означает, что я хочу этого, — он поднимает левую руку. — Если тебя нет на столе, то придется обойтись этим, пока я представляю, что это твой рот.

Неа. Не собираюсь думать о том, что Кингстон прикасается к себе. Или, знаешь, чтобы отсосать у него

Черт побери.

Он улыбается, когда тепло приливает к моему лицу.

— Ты в порядке, Жас? Ты вдруг выглядишь немного покрасневшейся.

Я отстраняюсь от него.

— Укуси меня.

— Назови время и место.

Я отмахиваюсь от него.

— Придерживайся темы. Итак, как это работает? Ты просто выходишь на улицу и затеваешь драку?

Он жестом просит мою бутылку с водой, и я протягиваю ее ему. Сделав большой глоток, он говорит: — В Лос-Анджелесе есть подпольный ринг. Несколько, вообще-то. Я провел кое-какие исследования и получил свое имя на карточке.

— Подпольный ринг, — повторяю я. — В смысле, нелегальный?

Кингстон пожимает плечами.

— Конечно, он не санкционирован UFC.

Я прислоняюсь к стойке и скрещиваю руки на груди.

— Как часто ты это делаешь?

Он допивает остатки моей воды.

— Вообще-то, я не делал этого почти два года.

Ну, этого я не ожидала.

— Так почему сейчас?

— Я не мог успокоиться, услышав твою версию событий той ночи, — Кингстон проводит руками по своим густым волосам. — Я не мог перестать думать об этом, не мог выбросить из головы образы того, как ты оказалась в таком состоянии. Я не мог перестать чувствовать себя самым большим в мире куском дерьма за то, что ты попала в такую ситуацию. Когда я дерусь, весь этот хаос в моей голове затихает, — он пожимает плечами. — По крайней мере, на некоторое время.

Я делаю шаг вперед и переплетаю его пальцы со своими.

— Кингстон, я не виню тебя за то, что случилось той ночью.

Я не понимала этого до сих пор, но это не так. Больше нет.

Он усмехается.

— Ну, ты должна...

Я качаю головой.

— Если те парни говорили правду о том, что их наняли, — а на данный момент я уверена, что так оно и было — они бы в конце концов добрались до меня. Может быть, не в ту ночь, но вскоре после этого.

Хватка Кингстона крепнет.

— Я собираюсь убить этих ублюдков, когда узнаю, кто они такие.

— Кстати говоря... с чего мы вообще начнем?

— Если мы сможем выяснить, кто их нанял, будет гораздо легче определить приспешников. Процесс исключения — хорошее начало для этого. За этим должен был стоять человек с активами, чтобы заплатить за это.

— Это не совсем сужает круг подозреваемых, не так ли?

Он задумался на мгновение.

— Да... и нет. Пейтон находится в верхней части моего списка подозреваемых — особенно после того, как она почти взяла на себя ответственность — но у нее нет денег, чтобы это имело смысл.

— Что ты имеешь в виду? Разве она не мегамиллиардерша?

— Технически, нет, пока она не получит свое наследство. Ни один цент не может быть выведен, пока не будут выполнены все условия. Единственные деньги, которые у нее сейчас есть, это кредитная карта папы Каллахана. Не похоже, что она может заплатить за что-то подобное кредиткой.

— Вот черт.

— Да, — соглашается он. — Но... Пейтон изобретательна, когда ей что-то нужно. Она использует все, что есть в ее распоряжении, чтобы получить это.

— Если у нее нет реальных денег, то что же остается?

— С Пейтон... выбирай. Она может шантажировать кого-то, обещать услуги. Предложить свое тело. Если она хочет чего-то или кого-то достаточно сильно, ничто не может быть исключено.

Мои брови приподнимаются.

— Ты говоришь так, словно опираешься на собственный опыт.

Кингстон пожимает плечами.

— Так и есть. Просто я не настолько глуп, чтобы купиться на это. Итак, следующий вопрос: если не Пейтон, то кто еще может желать тебе зла? Это должен быть кто-то, кто знает тебя. Знает нас. И они знали, что мы будем на озере.

— Разве это не весь выпускной класс?

— В значительной степени, — Кингстон потирает подбородок, морщась, когда доходит до обесцвеченного пятна.

Я протягиваю руку и провожу пальцами по небольшому синяку.

— Ты в порядке?

Его фирменная, нахальная улыбка становится на место.

— Видела бы ты другого парня.

Я закатываю глаза.

— Это так по-дурацки.

Кингстон кладет свою руку поверх моей, а затем нежно целует костяшки пальцев.

— Ты голодна? Мы можем перекусить перед встречей с Джоном.

Я улыбаюсь.

— Да, я хотела бы поесть.

Он кивает.

— Тогда, чего мы ждем?

12. Жас

— Джон Петерсон, познакомься с Жас Риверой.

Джон встает и пожимает мне руку.

— Жас, рад наконец-то познакомиться с тобой.

— Я тоже.

Мы с Кингстоном садимся на скамейку напротив частного детектива. Я думала, что встреча в парке Лейк Голливуд — довольно странный выбор для такого частного дела, но

теперь, когда я здесь, это имеет смысл. Конечно, вокруг полно людей, но все они слишком заняты тем, что делают селфи перед знаковой вывеской или играют со своими собаками, чтобы обращать на нас внимание.

Все, что связано с Джоном, не поддается описанию. Начиная с его имени — если это вообще его настоящее имя — заканчивая его грязно-каштановыми волосами, худощавым телосложением или сочетанием поло и джинсов, которые он носит. Он не плохо выглядит — просто в нем нет ничего такого, что выделялось бы. Он совершенно незаметен, что, я полагаю, очень удобно, когда ты зарабатываешь деньги, шпионя за людьми.

Джон ставит на стол для пикника небольшую многоразовую сумку для продуктов.

— Все, о чем мы говорили, здесь.

Кингстон берет сумку и заглядывает внутрь.

— Включая дополнительный предмет для офиса Каллахана?

— Да, — подтверждает Джон.

— Те же инструкции по установке?

Джон кивает.

— Главное, о чем вам нужно беспокоиться, это о выборе правильного устройства. В доме Каллаханов и в офисе твоего отца стоят немного разные модели. Согласно информации, которую вы мне прислали, оборудование в этой сумке должно быть идентично текущим моделям в каждом здании.

— Звучит достаточно просто, — говорит Кингстон.

— Простите, но о чем именно идет речь? — спрашиваю я. — У меня такое ощущение, что вы говорите на кодовом языке.

Кингстон улыбается и открывает сумку, чтобы я могла заглянуть внутрь.

— Детекторы дыма. Они полностью функционируют — просто в них установлены крошечные камеры.

— Чувак, это даже пугает, что так легко можно за кем-то шпионить, — размышляю я.

Джон кивает.

— Так и есть. Вот почему я никогда не путешествую без устройства обнаружения. Вы удивитесь, сколько раз я находил скрытые камеры в гостиничных номерах.

У меня отпадает челюсть.

— Серьезно? Какой в этом смысл?

— Обычно это обычный извращенец, который надеется немного заняться цифровым вуайеризмом, — он пожимает плечами.

— Мерзость, — гримасничаю я, внезапно радуясь, что у меня никогда раньше не было причин заселяться в гостиничном номере.

Джон проверяет свои часы.

— Мне нужно идти. У кого-нибудь из вас есть вопросы?

— Нет, — я качаю головой.

— Все в порядке, — говорит Кингстон в то же время.

Кингстон ждет, пока Джон уйдет, а затем наклоняет голову к большой площадке, покрытой травой.

— Не хочешь немного прогуляться?

— Конечно, — я беру небольшую сумку и взваливаю ее на плечо.

Кингстон встает и предлагает свою руку, чтобы помочь мне подняться. Я начинаю отстраняться, как только встаю, но он крепко усиливает хватку и начинает идти, увлекая

меня за собой. Я бы никогда не назвала Кингстона Дэвенпорта держателем рук, но ему это очень нравится. Я решаю не спорить с ним по этому поводу, пока мы идем по территории. Мы не уходим слишком далеко, и уж точно не слишком быстро, но солнце на моей коже и свежий воздух приятны после долгого пребывания в закрытом помещении.

Кингстон останавливает меня и достает из кармана свой телефон.

— Подожди секунду.

Мои брови сходятся.

— Что не так?

Он обхватывает меня одной рукой за плечо, а другой протягивает свой телефон. Наши лица появляются на экране с вывеской HOLLYWOOD на заднем плане.

— В самом деле? Ты хочешь притвориться, что мы туристы?

Зеленовато-золотистые глаза Кингстона искрятся весельем.

— Можешь ли ты вообще сказать, что ты из Лос-Анджелеса, не сделав селфи на фоне вывески HOLLYWOOD?

— Я бы не подумала, что великому Кингстону Дэвенпорту есть дело до какой-то старой вывески.

— Мне нет, — соглашается он. — Но я все равно хочу сфотографироваться, так что заткнись и улыбайся в камеру.

Камера щелкает быстрыми щелчками, пока я смеюсь.

Кингстон прокручивает свою катушку с фотографиями и протягивает одну мне.

— Видишь? Идеально.

На снимке я стою лицом к нему с открытым от смеха ртом. Глаза Кингстона смотрят прямо на меня, в них светится веселье, но и... что-то еще. Если бы я не знала лучше, я бы сказала — уважение, но это не может быть правдой

— Мы даже не смотрим в камеру, — замечаю я.

— Меня это не волнует, — Кингстон убирает телефон в карман, его взгляд ни разу не дрогнул.

Я ищу его глаза.

— Кингстон... — он наклоняется ко мне, его дыхание касается моего лица. — Это не очень хорошая идея.

— Меня это так же не волнует, — его рот прижимается к моему легким прикосновением, давая мне шанс отстраниться.

Я задыхаюсь от нерешительности. Мои глаза закрываются, когда Кингстон облизывает уголок моих губ.

— Внимание! — кричит кто-то.

Кингстон оттаскивает меня в сторону, как раз перед тем, как фрисби проносится над моей головой.

Я быстро моргаю, когда чары рассеиваются.

— Вот дерьмо, это было близко.

— Да, — Кингстон хмурится. — Немного слишком близко.

К нам подходит мужчина с застенчивым выражением лица.

— Извините за это, — к нему подбегает черный лабрадор, гордо бросая к его ногам грязную фрисби. Он гладит собаку по голове и говорит: — Хорошая девочка, Гретта.

Гретта высовывает язык из пасти, а хозяин чешет ее за ухом.

— Можно? — я делаю жест в сторону его очаровательной спутницы.

— Конечно, — отвечает он. — Она очень дружелюбная.

Я следую примеру мужчины и чешу ее за висячими ушами, которые ей так нравятся. Кингстон опускается на колени и присоединяется к нам, смеясь, когда огромный язык Гретты окрашивает его щеку собачьей слюной. Этот момент такой обычный — просто несколько человек играют с милой собачкой в парке — но в то же время он сюрреалистичен. Два месяца назад, если бы вы спросили меня, считаю ли я Кингстона Дэвенпорта любителем животных или любителем делать дурацкие селфи, я бы закричала: «Нет, черт возьми!». Этот человек — загадка. Чем больше я его узнаю, тем сложнее он становится.

Мы с Кингстоном отходим назад и наблюдаем, как собака и ее хозяин возобновляют свою игру в мяч. Кингстон молча берет меня за руку, и мы идем по дороге к тому месту, где он припарковал Range Rover. Я забираюсь в машину и пристегиваю ремень, пока Кингстон садится за руль и включает зажигание.

Он тяжело вздыхает, когда мы выезжаем на дорогу.

— Я действительно не хочу везти тебя обратно в тот дом, Жас. Есть ли что-нибудь, что я могу сказать, чтобы убедить тебя остаться со мной?

Я качаю головой.

— Нет.

— Упрямая женская задница.

Я откидываю голову назад и стону.

— Кингстон, пожалуйста, не порть наше прекрасное утро. Я буду в порядке. Я вернусь в школу во вторник, если завтра врач даст мне добро, так что я все равно не буду там часто появляться. Кроме того, если Пейтон под подозрением, не лучше ли притвориться, что все в порядке, чтобы выманить ее? Я не могу этого сделать, если буду жить с тобой.

— Я чертовски ненавижу, когда ты права, — ворчит он.

— Да, ну, привыкай, приятель.

Он смотрит на меня краем глаза.

— Умница.

Я высовываю язык, потому что я такая взрослая. По крайней мере, это вызывает у него улыбку.

— Ты никогда не перестанешь нажимать на мои кнопки, да?

Я пожимаю плечами.

— Зачем мне это делать, если ты делаешь это так весело?

Кингстон качает головой.

— Как я уже сказал, гребаные проблемы.

13. Кингстон

— Тебе не кажется, что у тебя паранойя?

Я закрываю дверь в спальню Жас и щелкаю замок.

— Нет, я стараюсь. Если ты настаиваешь на том, чтобы остаться здесь, я настаиваю на том, чтобы сделать это.

Жас садится на край своей кровати, закатив на меня глаза. Мне не нравится тот факт, что она сейчас здесь. Мы можем не знать, кто сделал это с ней, но я согласен с Жас; я думаю, что кто-то нанял их, и я верю, что этот человек знает нас. Все остальное не имеет смысла, и Джон тоже так думает. Дом у озера находится в небольшом горном поселке; это не то место, где можно случайно оказаться или отправиться на поиски неприятностей. Все

местные жители знают друг друга. Там есть только одна квартира, которую заняли люди, приехавшие на вечеринку по случаю выпускного вечера.

Вполне возможно, что Пейтон или любой из людей, живущих в этом доме, невиновны. По крайней мере, в случае с нападением на Жас. Но я не хочу рисковать безопасностью Жас, отлынивая от работы или не используя все возможные ресурсы, имеющиеся в моем распоряжении. Я знаю, что она все еще сомневается во мне, хотя у меня больше нет от нее секретов. Конечно, в прошлом я давал ей повод не доверять мне, но я думал, что мы уже прошли через это. Черт, я думал, что мы прошли через это в ту ночь, когда мы переспали.

Я знаю, что жестокое нападение заставило бы любого насторожиться, но я также знаю, что Жас чувствует эту нашу связь. Она не из тех девушек, которые трахаются с кем-то без хотя бы небольшой эмоциональной привязанности. Неважно, насколько безумна наша химия, она слишком разумна, чтобы позволить физическому влечению управлять ее действиями. Быть с ней той ночью было... по-другому, чем когда-либо прежде. В моей жизни было много отличного секса, но это было... нечто большее. Я не пускал дым в задницу Жас, когда говорил, что не заинтересован в том, чтобы трахаться с кем-то, кроме нее. С того момента, как мы встретились, я вижу только эту женщину, и мне надоело притворяться, что это не так.

Я был абсолютно серьезен, когда сказал, что убью любого ублюдка, который попытается забрать ее у меня. Я знаю, что все это началось, потому что у меня были скрытые мотивы, но теперь это не так. Жасмин Ривьера будет рядом со мной, когда я уничтожу наших отцов и тех мудаков, которые причинили ей боль.

Я достаю из кармана маленький прибор, который дал мне Джон, и тайком сканирую ее спальню на наличие жучков. Что-то сразу же срабатывает, поэтому я немного хожу вокруг, пока сигнал не усиливается. Когда я подхожу к гардеробной, глаза Жас расширяются, и зеленый огонек быстро сменяется красным, указывая на то, что поблизости есть устройство наблюдения.

— Параноик, блин, — шепчу я, бросая на нее взгляд — я же тебе говорил.

Моя челюсть сжимается, когда я понимаю, что кто-то шпионил за Жас. Одно я знаю точно: теперь люди, живущие в этом доме, определенно занимает первое место в моем списке подозреваемых. Я осторожно провожу рукой по отделке над дверью, пока кончик пальца не наткнется на небольшое углубление в дереве. Действительно, прямо в верхнем углу дверной коробки находится камера с отверстием, которую легко можно принять за отделочный гвоздь.

Блядь.

Я оглядываю комнату, пока стою под камерой. В зависимости от того, насколько широкий угол обзора, тот, кто находится на другом конце этой штуки, может увидеть всю комнату. Ее кровать находится прямо напротив двери шкафа, так что, по крайней мере, камера имеет прекрасный обзор. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить ярость, бурлящую внутри меня. Если кто-то наблюдал за Жас все это время, пока она жила здесь, кто знает, что они видели, когда она была в иллюзии уединения.

Я вспоминаю тот день, когда мы подслушали разговор наших отцов. Слава богу, у меня хватило ума заглушить наши голоса громкой музыкой, когда мы говорили об этом, но после этого прямо на кровати произошло несколько прикосновений. Мои кулаки сжимаются, а ноздри раздуваются, пока я продумываю свой следующий шаг. Я не хочу никого пугать, убрав камеру, пока не поговорю с Джоном и не выясню, сможем ли мы отследить ее, но я

определенно не хочу, чтобы этот ублюдок наблюдал за моей девочкой.

К сожалению, если бы я закрыл камеру, человек на другом конце знал бы, что было сделано. Я заканчиваю сканирование комнаты и перехожу в смежную с ней ванную комнату, осторожно прикрывая рукой свое устройство обнаружения, чтобы его не было видно. Я выхожу из ванной комнаты, где, к счастью, не было никаких дополнительных устройств, и подхожу к кровати Жас.

Она внимательно смотрит на меня, когда я опускаюсь на колени на кровать California King, придвигаясь ближе, пока я не оказываюсь прямо над ней. Я стараюсь не наваливаться на нее всем весом — последнее, что я хочу сделать, это причинить ей еще больший дискомфорт. Не остается незамеченным, что она не произносит ни единого слова протеста. Как и тот факт, что ее соски сейчас, наверное, могли бы разрезать стекло. Христос.

Ее дыхание сбивается, когда я наклоняюсь к ее уху и шепчу: — В правом верхнем углу дверной коробки твоего шкафа встроен объектив микрокамеры. Я полагаю, что она также имеет аудио. Все, что ты делаешь или говоришь, вероятно, записывается или просматривается в прямом эфире. Это единственное записывающее устройство, которое обнаружил мой сканер, так что твоя ванная — безопасное место для разговоров. Моргни дважды, если ты меня услышала.

Я отстраняюсь настолько, чтобы увидеть, как Жас дважды моргнула. Она ахает, когда мой рот прижимается к ее шее, слегка посасывая нежную кожу. Я делаю это для видимости, но как только мои губы оказываются на ее губах, я не могу ничего с собой поделать.

Ее спина слегка выгибается, когда я высовываю язык.

— Кингстон, что ты делаешь?

Я стону при звуке ее хриплого голоса. В последний раз я слышал его, когда был глубоко внутри нее.

— Вернись ко мне. Я чертовски скучаю по тебе, когда ты не со мной, — это правда, но слова предназначены для того, чтобы их услышали все, кто наблюдает. Я покусываю мочку ее уха, прежде чем снова понизить голос. — Мне нужен предлог, чтобы мы оба могли отлучиться в ванную, чтобы поговорить. Просто сделай это, хорошо?

Она кладет руки по обе стороны от моей челюсти и слегка кивает. Жас вздрагивает, когда моя рука скользит вверх по ее боку, слегка касаясь ее груди.

— Разве ты не говорила, что хочешь принять душ? Я могу помыть тебе спину.

Она небрежно смотрит в сторону своего шкафа, затем на дверь ванной.

— О, теперь можешь?

Я улыбаюсь.

— Я такой бескорыстный.

Черт, я действительно жалею, что заселил этот образ у себя в мозгу. Теперь я не могу перестать представлять себе Жас в душе, ее обнаженное тело, мокрое и намыленное. Она застенчиво улыбается, когда я беру ее за руку и веду в ванную.

Жас присаживается на туалетный столик, пока я включаю воду. Поблизости больше негде присесть, поэтому я опускаю свое тело на пол прямо напротив нее, прислонившись к стеклянной двери душевой кабины.

— Ты уверен, что это камера? Кто-то точно следит за мной?

— Я уверен, Жас, но кто, черт возьми, знает, как долго она там стоит? Может, это даже не запись, а кто-то следит за тобой все время, пока ты здесь живешь. Мне нужно поговорить с Джоном и посмотреть, сможем ли мы как-то отследить сигнал.

— Если это было там все это время... это значит, что кто-то видел меня голой много раз. Они видели меня... — Жас ненадолго закрывает глаза. — Боже, я чувствую себя такой оскорбленной.

Я молчу, давая ей время все обдумать.

— Меня сейчас стошнит, — внезапно она бросается через всю комнату, как раз вовремя, чтобы успеть добежать до туалета.

Я собираю ее длинные волосы в свои ладони, пока она проигрывает свой завтрак фарфоровым богам. Черт, после всего, через что Жас прошла в последнее время, я удивлен, что ей понадобилось столько времени, чтобы сломаться. Это просто показывает, насколько она сильная.

Когда у нее ничего не остается, я смачиваю уголок полотенца для рук и передаю ей. Жас вытирает лицо и идет к раковине, чтобы прополоскать рот и почистить зубы.

Жас делает несколько глубоких вдохов, прежде чем снова сесть перед умывальником. Она больше не выглядит зеленой, но она суетится как сумасшедшая.

Ее шоколадные глаза расширяются.

— Как ты думаешь, мой донор спермы установил это? Думаешь, он следил за мной, чтобы узнать, знаю ли я что-нибудь?

— Мы уже знаем, что у него отсутствует моральный кодекс. Чарльз Каллахан без колебаний вторгся бы в твою личную жизнь, если бы у него были основания полагать, что ты знаешь что-то, что может его уличить.

Жас упирается локтями на колени и опускает голову на руки.

— Что я должна делать? Мне сейчас чертовски жутко.

— Ты можешь остаться со мной, — предлагаю я.

Она поднимает голову.

— Но если я так сделаю, я не смогу следить за ними, чтобы увидеть, если они сделают или скажут что-нибудь подозрительное.

— Жас, тебе не нужно быть мученицей. Ты не должна рисковать своей безопасностью или ставить себя в ситуацию, которая доставляет тебе дискомфорт. Есть другие способы получить информацию.

Она качает головой.

— Мне нужно знать, что случилось с моей мамой, Кингстон. Мне нужно знать, кто несет ответственность за то, что произошло в том лесу. Если это означает, что мне придется на некоторое время поставить себя в опасное положение, то так и должно быть.

— Я не согласен.

Жас выпрямляет спину и поднимает подбородок.

— Ну, это не тебе решать, не так ли?

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

— Жас, не говори глупостей. Если Чарльз подозревает, что ты можешь представлять угрозу, значит, он опаснее, чем я думал вначале. Оставайся со мной, а там разберемся.

Она стреляет в меня лазерными лучами из своих глаз.

— Не указывай мне, что делать.

Черт побери, она невыносима.

— Если ты беспокоишься о моем отце, тебе не стоит беспокоиться. Система безопасности в доме у бассейна полностью независима от главного дома. В редких случаях, когда он будет дома, ты все равно будешь в безопасности, пока ты со мной.

Она поднимает руку.

— Хватит болтать. Я приняла решение, и я остаюсь. Очевидно, что с этого момента мне нужно будет обязательно одеваться в ванной или в шкафу, но в остальном, если кто-то хочет посмотреть, как я сплю или делаю домашнее задание, пусть смотрит. Теперь, когда я знаю, что там есть камера, я буду осторожна.

— Это может быть не единственная камера, — замечаю я. — В доме могут быть и другие.

Черт, почему я не подумал об этом раньше? Если кто-то видел, что мы слоняемся возле офиса Чарльза, нам крышка.

Жас встает и поправляет подол рубашки.

— Тогда давай прогуляемся и отсканируем остальную часть дома.

Я встаю и выключаю воду.

— Ничто из того, что я скажу, не заставит тебя передумать, не так ли?

— Нет, — она произносит букву Т в конце, чистое нахальство в этом слове.

Черт, эта женщина станет моей смертью.

— Такая чертовски упрямая, — я провожу руками по волосам и дергаю за кончики. — Иногда ты сводишь меня с ума.

— Чувства взаимны, детка, — она снисходительно похлопывает меня по щеке. — Так мы собираемся прогуляться или как?

Я прищуриваю глаза.

— Отлично. Веди.

14. Жас

Кингстон неохотно ушел, закончив сканирование большей части дома и заднего двора. Хорошая новость — мы не нашли никаких дополнительных устройств наблюдения. Плохая новость в том, что я не могу отрицать, что кто-то следит за мной и только за мной. Вопрос в том, кто и зачем? Несмотря на мои прежние заявления, я действительно напугана всем этим. Остаток дня я провела, лежа на шезлонге у бассейна, а вечером смотрела фильм в игровой комнате. К счастью, этот дом такой огромный, что я ни с кем не столкнулась, кроме мисс Уильямс, когда она спросила, не хочу ли я поужинать. Я вернулась в свою спальню только тогда, когда это было необходимо, а когда я забралась в кровать, заснуть было нелегко.

— Все ли прошло хорошо с доктором, мисс Жасмин? — Фрэнк открывает передо мной дверь машины, его огромные бицепсы напряжены под рукавами.

Боже, этот мужчина — просто зверь. Обычно он одет в рубашку на пуговицах, поэтому я никогда не видела его мускулы на виду, но сегодня на нем черное поло. Фрэнку, вероятно, около тридцати, но он хорошо выглядит и очень мил. Я втягиваю воздух, когда до меня доходит, как сильно он понравился бы моей маме. Черт, я бы посоветовала ей пригласить его на свидание, если бы я каким-то образом знала его, когда она была еще жива.

Фрэнк вскидывает бровь.

— Мисс Жасмин? Вы в порядке?

— О да, в полном порядке, — я машу воображаемыми помпонами, пытаюсь стряхнуть с себя мрачные мысли. — Прием прошел хорошо. Я получила зеленый свет, чтобы завтра вернуться в школу. Ура!

Фрэнк смеется, прежде чем закрыть дверцу и скользнуть на переднее сиденье.

— Я рад это слышать.

По правде говоря, как бы ни раздражала меня эта душная академия, это еще одна причина избегать моей спальни, так что я с нетерпением жду возвращения. К тому же, домашнее обучение — это отстой. Серьезно. Я считаю себя достаточно умной — мой средний балл 4,0 подтверждает это, — но статистика не является моей сильной стороной, и мне определенно пошло бы на пользу обучение в классе. Я могу только надеяться, что теперь, когда на моей стороне есть Эйнсли и предполагаемые короли Виндзора, другие ученики перестанут меня донимать.

— Жасмин, приятно видеть, что ты так хорошо выглядишь.

Я спускаюсь по лестнице и делаю глубокий вдох. Это первый раз, когда я вижу донора спермы после того, как вернулась домой. Кингстон сказал мне, что Чарльз заходил в больницу в ночь, когда меня госпитализировали, но потом он уехал из города. Мне и раньше было достаточно трудно держать язык за зубами при виде этого человека. Теперь, когда я знаю, что он, вполне возможно, продает людей с целью получения прибыли, это будет еще сложнее.

— Спасибо, — я заправляю прядь волос за ухо, напоминая себе, что нужно сосредоточиться и свести свои слова к минимуму.

— Жасмин, ты прекрасно выглядишь, дорогая, — Маделин, моя мачеха, наклоняется вперед и целует меня в обе щеки, прежде чем занять место рядом с моим отцом, взяв его под руку. — Я вижу, ты надела свою Виндзорскую форму. Могу предположить, что сегодня ты возвращаешься в школу?

Нормальные родители не стали бы задавать этот вопрос. Но, опять же, нормальные родители также не стали бы уезжать из страны на трехнедельный отпуск после того, как их дочь подверглась жестокому нападению и была оставлена умирать.

Я приподнимаю брови.

— Я бы носила это в любой день недели, это так модно! Тот факт, что я возвращаюсь в школу, — просто совпадение.

Мэдлин делает вид, что не уловила моего сарказма, но ее поджатые губы говорят об обратном.

— Что ж, я рада слышать, что все идет хорошо с твоим выздоровлением. Ты выглядишь прекрасно, как всегда.

Мой взгляд перемещается от ее идеально уложенных светлых волос до жемчужно-розового лака на ногтях ее ног.

— А ты выглядишь особенно загорелой.

Мэдлин прихорашивается, как будто это комплимент. Это не так — женщина практически оранжевая. Я уверена, что она загорает не только обычным, но и аэрозольным загаром.

— Спасибо. Мы с твоим отцом прекрасно провели время в Кабо, — она поворачивает голову и улыбается ему. — Правда, дорогой?

Чарльз смотрит на свою жену так, словно она муха, ползающая по куче дерьма.

— Мы всегда так делаем.

Я показываю большим пальцем через плечо в сторону входной двери.

— Ну, мне пора идти. Кингстон должен быть здесь с минуты на минуту, чтобы забрать меня.

Черты лица Мэдлин сжимаются, прежде чем маска Степфорд возвращается на место.

— Ты все еще встречаешься с мальчиком Дэвенпорта?

— Я не уверена, что встречаться — это подходящее слово, но мы общаемся, — вроде того.

Она разглаживает воображаемые складки на своем белом платье.

— Понятно.

Кажется, она собиралась сказать что-то еще, но Чарльз поднял руку, чтобы остановить ее.

— Хватит, Мэдлин. Пусть девочка идет в школу. Теперь, когда она чувствует себя лучше, мы можем оставить все это позади и двигаться дальше.

Э... нет, мы *не можем*, придурок.

— Я не думаю, что это возможно, пока виновные не предстанут перед судом. Любой, кто готов совершить такое отвратительное преступление, заслуживает того, чтобы на него завели уголовное дело.

Черт. Наверное, не стоило этого говорить.

Ледяные голубые глаза Чарльза подозрительно сужаются.

— Да, конечно. После того, как преступники предстанут перед судом, мы сможем оставить все это позади.

Мы смотрим друг на друга, читая язык тела друг друга. Его взгляд говорит о том, что он король этих джунглей и никто не посмеет бросить ему вызов. Мой говорит: *испытай меня, старик.*

Лицо моего отца краснеет, когда он поправляет галстук.

— Хорошего дня в школе, Жасмин. У меня есть дела, которыми нужно заняться.

С этими словами он разворачивается на каблуках и идет в сторону коридора, ведущего в его кабинет. Мэдлин все еще стоит прямо передо мной, очевидно, ожидая, пока ее муж уйдет за пределы слышимости.

Я кладу руку на бедро.

— Ты хочешь что-то сказать?

Впервые с тех пор, как мы встретились, настоящая Маделин выходит на сцену. Ее перистые глаза горят яростью, когда она делает шаг вперед, так что ее огромные сиськи практически упираются мне в грудь. В хороший день мой рост составляет пять футов четыре дюйма, а Мэдлин — пять и десять, когда она носит каблуки, так что она возвышается надо мной.

— Слушай сюда, девочка. Кингстон Дэвенпорт принадлежит Пейтон. Ты. Не можешь. Обладать. Им. Лучше разорвать эту интрижку, или что бы это ни было, прежде чем это пойдет дальше. Они поженятся после окончания школы, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить это. Поверь мне, когда я говорю, что ты пожалеешь, если попытаешься.

— Неужели весь тот яд, который тебе вкололи в лицо, попал в твой мозг? — насмехаюсь я. — Ты и твоя дочь ненормальные. Независимо от того, будем мы с Кингстоном вместе или нет, он никогда не женится на Пейтон.

Черт. *Определенно* не стоило этого говорить.

Оранжевое лицо Маделин становится вишнево-красным.

— Ты маленькая...

— Мэдлин!

Обе наши головы поворачиваются в направлении рокочущего голоса. Лицо донора

спермы розовее, чем у его жены, только его гнев явно направлен на нее, а не на меня. Что ж, это приятная перемена.

Как только она оправляется от шока, маска Мэдлин прочно возвращается на место.

— Дорогой, это не то, чем кажется.

У Чарльза подрагивает челюсть, а его мясистые кулаки сжимаются по бокам.

— Мне нужно поговорить с тобой в моем кабинете.

— Но, — бормочет она.

— Сейчас же! Делай, что тебе говорят, или столкнешься с последствиями!

Мэдлин бросает взгляд на меня, а затем переводит взгляд на мраморный пол и пронесится мимо моего отца, словно ее задница горит. Черт, не могу сказать, что я ее виню. Этот чувак сейчас довольно пугающий.

— Ты! — он указывает на меня пальцем. — Иди в школу!

— Считаю, что я ушла, — я легкомысленно машу рукой, прежде чем выбежать за дверь.

Я на мгновение прислоняюсь к одной из колонн, чтобы перевести дух. Черт возьми, что это было? Кингстона все еще нет, но у меня нет желания ждать и рисковать столкнуться с Чарльзом или Мэдлин. Я отправляю сообщение Кингстону, пока иду по длинной подъездной дорожке.

Я: Время прибытия? Мне нужно убраться из Доджа.

Кингстон: Я веду машину с включенной функцией «Не беспокоить за рулем». Я увижу твое сообщение, когда доберусь до места.

Черт. Ну, по крайней мере, я знаю, что он уже в пути. Дэвенпорты живут в том же закрытом поселке, что и я, так что я знаю, что это ненадолго. Мой телефон звонит, когда я дохожу до конца подъездной дорожки, и на экране появляется лицо Кингстона. Я улыбаюсь, когда вижу фотографию, которую он сделал в парке. Должно быть, он обновил свою контактную информацию, пока я не видела.

— Привет. Ты далеко?

Я слышу гул его двигателя на заднем плане.

— Подними голову

Широкая черная Agera RS Кингстона летит по дороге и останавливается прямо передо мной. Думаю, звук двигателя доносился с соседней улицы и через телефон. Я кладу трубку и убираю сотовый во внутренний карман пиджака. Я огибаю машину, когда он открывает странную дверь на петлях. Однажды я назвал ее странной дверью, а Кингстон повел себя как большой ребенок, сказав, что это двугранные синхро-бла-бла-бла-что-то-там-двери. Мальчик очень трепетно относится к своей машине. Хотя, полагаю, если бы я потратила неприличную сумму денег на машину, я бы тоже была чувствительна к ней.

Он хмурится, когда я сажусь в машину и пристегиваю ремень безопасности.

— Что случилось?

— Почему ты думаешь, что что-то случилось?

Кингстон бросает на меня взгляд: «Ты шутишь?».

— Ожидание в конце подъездной дорожки было довольно большой уликой, но ты также выглядишь потрясенной.

Я указываю в сторону дороги.

— Начни вести машину, и я тебе расскажу.

Он переключает передачу и выезжает на дорогу. Во время короткой поездки в школу я вспоминаю весь этот безумный разговор с Чарльзом и Мэдлин. Часть меня действительно

беспокоится за Мэдлин после того, как увидела, как разозлился мой отец, но другой части на это наплевать. Для ясности, я не думаю, что у мужчины есть веская причина бить женщину, но после того, как эта сука угрожала мне, я определенно думаю, что она заслуживает хорошей взбучки. Может, у нее отберут кредитки. Это, вероятно, опустошит ее.

Кингстон заезжает на парковку и глушит двигатель.

— Блядь.

— Да, в общем-то. Было немного страшно видеть его таким злым, хотя в кои-то веки это было направлено не на меня. Даже когда я вывожу его из себя, он никогда не выглядел таким разъяренным, как тогда. Его голос был громким. Как будто эхо разносилось по всему дому. И что за чушь про — столкнуться с последствиями? Кто так разговаривает со своим супругом?

Его красивые карие глаза сверлят меня.

— Тебе нужно убираться из этого дома, Жас.

— Нет, Кингстон. Я больше не собираюсь с тобой спорить.

— Если он так бушует, значит, он теряет контроль, что, я уверена, еще больше выводит его из себя. Чарльз Дэвенпорт страстно желает предстать перед миром спокойным и расчетливым. Судя по всему, он все больше и больше перестает притворяться с тех пор, как ты появилась рядом. Думаю, твое присутствие выводит его из себя.

— Тот факт, что я выгляжу почти в точности как женщина, которую он неоднократно насиловал и оплодотворил, вероятно, имеет к этому большое отношение, — пробормотала я.

— Тем больше причин для того, чтобы ты убралась оттуда.

— Опять же, *этого не произойдет*.

Он проводит рукой по лицу.

— Господи, блядь, Иисусе, женщина.

Я вызывающе вскидываю подбородок и устремляю на него острый, как бритва, взгляд.

— Не смей меня обманывать! В самом худшем случае, если он выкинет свое дерьмо, я смогу за себя постоять.

Кингстон одаривает меня жестокой ухмылкой.

— Правда? Как на озере?

Я разинула рот.

— Ты не просто так туда пошел! — Я распахиваю дверь и отстегиваю ремень безопасности. — К черту это дерьмо. И пошел ты, — я вылезая из машины и ухожу так быстро, как только могу.

— Жас, подожди! — я успеваю пройти всего несколько футов, прежде чем Кингстон догоняет меня и тянет за руку.

Я резко оборачиваюсь.

— Отпусти меня!

— Просто подожди секунду, ладно? — кричит он. Понизив голос, он добавляет: — Мне жаль. Я беспокоюсь о тебе и направляю это в неправильное русло.

Вокруг нас собралась толпа, несколько человек держат свои телефоны поднятыми вверх.

— Не лезьте не в свое дело, придурки! — кричу я.

Хихиканье проходит сквозь толпу, и, конечно, ни один человек не делает попытки пройти дальше. Я подбрасываю им птичку и говорю себе не обращать внимания на их любопытные задницы.

— Мы можем просто пойти куда-нибудь и поговорить, пожалуйста? — спрашивает

Кингстон.

— У меня нет на это времени, — я вырываюсь из его объятий и начинаю идти в сторону Линкольн-холла. — Все, что тебе нужно сказать, может быть сказано после того, как у меня будет время остыть. Мне нужно поговорить с учителем математики до начала занятия.

— Жас...

— С возвращением, малышка, — Бентли появился из ниоткуда. — Я смотрю, вы с пещерным человеком уже начали драму.

— Хватит, Бентли.

— Не лезь в это, Бент, — говорит Кингстон одновременно.

Бентли поднимает руки вверх в умиротворяющем жесте.

— Ладно, дети, я думаю, вам двоим нужен тайм-аут, — он обнимает меня за плечи. — Позволь мне проводить тебя в класс, красавица.

Я знаю, что это по-детски, но я показываю Кингстону язык и говорю: — С радостью. Забери меня подальше от этого придурка.

Эйнсли и Рид присоединяются к нам, зажав Кингстона между собой.

— С возвращением, Жас, — говорит Эйнсли.

Я коротко киваю ей.

— Спасибо.

Эйнсли берет под руку своего близнеца.

— Давай, брат. Давай прогуляемся и перестанем подкармливать этих придурков еще больше.

Кингстон с неохотой позволяет сестре вести его в противоположном направлении. В то же время мы с Бентли направляемся к моему классу статистики. Прямо перед тем, как мы с Бентли расстаемся, я замечаю Пейтон, Уитни и Имоджен, стоящих у стены, их полные ненависти взгляды устремлены на меня.

— Неприятности в раю? — насмешливо спрашивает Пейтон. — Похоже, все вернется на круги своя раньше, чем я думала.

Прежде чем у меня появляется шанс отчитать эту сучку, Бентли делает это за меня.

— Иди к черту, Пейтон, — усмехается он. — И перестань задерживать дыхание из-за Дэвенпорта. Если ты не получила записку, тебя отымели. Ты — конченная киска, и ничего больше, — Бентли окидывает всех трех девушек таким свирепым взглядом, что мне захотелось съежиться. — Это относится ко всем троим.

Проклятье, я так привыкла к счастливому Бентли, что почти забыла, что он может быть таким черствым. Это немного раздражает. И, возможно, немного возбуждает.

Очевидно, у меня проблема.

Пейтон и ее подружки, как будто они заранее поставили хореографию, драматически вздыхают, откидывают волосы за плечи и с раздражением топают прочь. Блин, они удивительно синхронны.

— Спасибо, Бентли.

Он заключает меня в объятия.

— В любое время, детка.

Я хихикаю.

— Люди теперь вообще говорят детка?

Я чувствую, как он пожимает плечами, прежде чем поцеловать меня в макушку.

— Мне все равно, — он отстраняется и шлепает меня по заднице. — А теперь тащи

свою сексуальную задницу в класс.

Я шутливо отдаю ему честь.

— Сэр, да, сэр!

— Умница, — Бентли дергает головой в сторону класса, в котором я должна быть. —

Если ты не хочешь все бросить и пойти целоваться со мной, иди туда и научись чему-нибудь.

Это заводит мою задницу.

— Учиться!

Смех Бентли эхом разносится по коридору, когда он уходит. Перед самым поворотом за угол он оглядывается, как будто чувствует, что я смотрю, и подмигивает. Я качаю головой, входя в класс и садясь за свой стол.

Что мне делать с этим мальчиком?

15. Жас

Все утро люди пялились и перешептывались за моей спиной. Я ожидала, что слухи о моем нападении распространятся, но что-то не так. Возможно, я параноик, но это похоже на скоординированные усилия. Как будто они это спланировали.

И парни, и девушки вполголоса осыпали меня оскорблениями. По крайней мере, дюжину раз мне делали предложения мясоголовые придурки или пресыщенные придурки.

— Привет, Жасмин. У меня к тебе вопрос, — шепчет Джарод, мой партнер по физике.

О, это должно быть хорошо. Джарод — спортсмен, я думаю, любитель футбола, и он также колоссальный мудака. Он один из тех парней, которые считают себя божьим даром для женщин, поэтому он не очень хорошо переносит удары по самолюбию. Когда я впервые приехала в Виндзор, Джарод пригласил меня на свидание. Когда я сказала ему, что мне это неинтересно, он сделал вид, что пошутил, и с тех пор он относится ко мне как к дерьму.

— Что, Джарод?

Я смотрю на часы и вижу, что у нас осталось меньше двух минут до звонка. Слава богу.

— Я слышал о тебе кое-что интересное и хотел узнать, правда ли это.

Я вскидываю бровь.

— О, да? И что же?

Он похотливо улыбается.

— Я слышал, что на самом деле на тебя не *напали*, — этот засранец действительно использует воздушные кавычки на последнем слове. — Что на самом деле произошел грубый секс, который пошел наперекосяк. Говорят, что в постели ты полный псих, и тебе нравятся кровавые игры.

Я так потрясена, что даже не могу подобрать слов. Я просто смотрю на него как идиотка, пока он продолжает.

— Знаешь... — Джарод проводит пальцем по моему предплечью, и, к счастью, у меня каким-то образом хватает сил отпрянуть. — Если это причина, по которой ты отказала мне, то тебе стоит пересмотреть свои взгляды. Я готов к некоторым извращениям, если тебе это нравится.

Мое сердце учащенно бьется, когда в голове проносятся образы той ночи. Черт, у меня болит в груди. Черные пятна пляшут у меня перед глазами. Я слишком занята, пытаюсь предотвратить приступ паники, чтобы реагировать на нелепые обвинения Джарода. Когда звенит звонок, другие студенты не могут достаточно быстро выйти из класса, но я застываю на месте.

Джарод встает и наклоняется к моему уху, совершенно не обращая внимания на мой надвигающийся срыв.

— Тебе не обязательно отвечать мне прямо сейчас. Просто подумай об этом.

Я делаю глубокий вдох, наблюдая, как нахальная задница Джарода выметается из класса, не делая никаких усилий, чтобы покинуть мой стол.

Блядь.

Мне нужно взять себя в руки. Я не позволю им вот так владеть мной. Я контролирую свои эмоции — не эти Виндзорские засранцы или мои потенциальные насильники. Я продолжаю свои дыхательные упражнения.

Вдох... выдох. Вдох... выдох. Вдох... выдох.

— Мисс Каллахан, все в порядке? — спрашивает наша учительница, миссис Нгуен. — *Мисс Каллахан?*

Я моргаю, глядя в сторону передней части класса, где стоит ее стол.

— Что?

Она обходит свой стол и садится на край.

— Я спросила, все ли с вами в порядке. Вы выглядите... бледной. Вам нужен пропуск в медицинский кабинет?

Я ни разу в жизни не была бледной, но я понимаю в чем дело.

Я делаю еще несколько глубоких вдохов для пущей убедительности и качаю головой.

— Нет, я в порядке. Просто, наверное, отвлеклась.

Она смотрит скептически.

— Если вы уверены...

— Я уверена. Я пропустила завтрак, так что мне немного не по себе. Хорошо, что обед на следующем уроке, а? — я встаю и перекидываю сумку с учебниками через плечо. — Я буду как новенькая, как только в моем желудке будет немного еды.

Ее глаза следят за каждым моим движением, пока я приближаюсь к передней части класса. Я улыбаюсь ей, проходя мимо ее стола, пытаюсь избежать допроса. Не успеваю я дойти до двери, как она зовет меня по имени.

Проклятье.

Я оборачиваюсь.

— Да?

Миссис Нгуен поджимает губы.

— Жасмин, я слышала, что случилось с вами после выпускного бала. Если вам когда-нибудь понадобится с кем-то поговорить, я буду рада выслушать.

Я сглатываю комок в горле, укрепляя свою решимость.

— Спасибо, но... со мной все будет в порядке.

— Если вы передумаете, это бессрочное предложение. Приятного обеда, мисс Каллахан. Когда я выхожу в коридор, Рид ждет меня. Я пыталась сказать им, что мне не нужна няня, но Эйнсли или один из парней провожали меня сегодня до каждого из моих занятий. Безопасность в количестве, или что-то в этом роде.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я вздыхаю.

— Я была бы в порядке, если бы люди перестали спрашивать меня об этом.

Брови Рида приподнимаются в замешательстве.

— Что это значит?

— Ничего. Забудь, что я что-то говорила, — отмахиваюсь я от него. — Итак, как идут дела с Эйнсли? Я слышала, вы проводите много времени вместе. Ты уже готов закрутить гайки и сделать все официально?

Его светло-зеленые глаза сужаются.

— Отличная смена темы.

— Что? — я пожимаю плечами. — Я искренне хочу знать.

— Это... сложно.

— Из-за Кингстона?

Он засовывает руки в карманы.

— Помимо всего прочего.

— О, да ладно, — я качаю головой. — Ты прекрасно знаешь, что ее счастье для него важнее всего. Если ты сделаешь Эйнсли счастливой, что тут такого?

Рид нервно почесывает затылок. Хм. Это что-то новенькое. Этот мальчик обычно излучает стопроцентную уверенность или отстраненность. Кажется, что у него нет ничего промежуточного.

Когда он не отвечает, я продолжаю.

— Какими бы ни были твои проблемы... тебе лучше разобраться с ними побыстрее, Рид. Ты ей нравишься. Очень. Но Эйнсли не собирается ждать вечно.

Его глаза расширяются в панике.

— Она так сказала?

— Да, вообще-то сказала. Но дело в том, что она не должна этого делать. Это нечестно — заставлять ее ждать. Либо ты в деле, либо нет. Какой бы путь ты ни выбрал, не морочь ей голову. Она хороший человек. Она не заслуживает того, чтобы ее держали на волоске только потому, что ты не хочешь, чтобы она была с кем-то другим.

Рид проводит рукой по лицу.

— Черт.

Он явно взволнован, поэтому я сжалилась над ним.

— Хочешь мой совет?

Он коротко кивает.

Я упираюсь плечом в его руку.

— Поговори с ней. Каковы бы ни были ваши сомнения, поговорите с ней и посмотрите, сможете ли вы преодолеть их вместе.

Рид обдумывает это, пока мы делаем остановку у моего шкафчика, чтобы я могла бросить свою сумку, прежде чем отправиться в столовую. Перед тем, как мы заходим внутрь, он берет меня за локоть и отводит в сторону.

— Спасибо, Жас

Я ухмыляюсь.

— В любое время, здоровяк. А теперь давай поедим. Я чертовски голодна.

Он смеется и проваживает меня через дверной проем.

Мы стоим в очереди за едой, прежде чем встретиться с остальными за тем же столом, за которым мы сидели до моего незапланированного перерыва.

— Почему вы так долго? — подозрительно спрашивает Кингстон. — Я как раз собирался отправить поисковую группу.

— Хаха, забавный парень, — я занимаю свободное место рядом с ним, в то время как Рид выдвигает стул рядом с Эйнсли. — Мы с Ридом немного поболтали, вот и все.

— О чем? — Эйнсли и Кингстон спросили в унисон.

Я щелкаю пальцем между ними.

— Это было мило. Это была ваша странная близнецовая телепатия?

Эйнсли смеется, в то время как Кингстон рычит. Типа, буквально рычит.

Я тыкаю его в грудь.

— Ты не можешь злиться на меня. Я все еще злюсь на тебя.

Кингстон ловит мой палец, обхватывает ногой ножку моего стула и притягивает меня ближе. Наклонившись к моему уху, он шепчет: — Мне нравится, когда ты злишься на меня. Этот огненный взгляд в твоих глазах заставляет меня стать твердым, как скала.

Я говорю себе не смотреть вниз, но мой взгляд все равно падает на его колени. Да, у Кингстона определенно есть полустояк, который, кажется, растет, чем дольше я смотрю.

Я борюсь с дрожью, откидывая стул назад.

— Придурок.

Громкий смех раздается из другого конца комнаты, привлекая мое внимание. Он доносится со стола самопровозглашенных королей — с того самого места, где каждый день сидели мои соседи по столу. Пейтон, Имоджен и Уитни все еще там, но теперь четверо новых парней и одна новая девушка. Они выглядят знакомыми, но я не знаю их имен.

— Что там происходит? — спрашиваю я. — Я думала, этот столик зарезервирован исключительно для суперэлиты?

Все трое парней хмурятся, а Эйнсли закатывает глаза.

— Ну? — спрашиваю я. — Кто-нибудь собирается объяснить?

Эйнсли первая заговорила.

— За время твоего отсутствия Пейтон создала новую фракцию. Похоже, она считает, что может назначать королей и королев Виндзора, несмотря на то, что все знают, что так не бывает. Она даже решила расширить двор.

Я поворачиваюсь к Кингстону.

— Что это значит для вас, ребята?

— Ничего. Пейтон может нести любую чушь, какую захочет, но это не значит, что вся школа будет ее слушать. Есть порядок, который нужно соблюдать. Так было с тех пор, как была основана эта школа, — челюсть Кингстона сжимается, когда он смотрит туда.

— Если бы мы пошли туда и сказали им убираться с наших мест, им бы пришлось подчиниться.

Я оглядываю комнату и вижу, что другие студенты обходят стол королевских особ стороной и отводят глаза, как они делали, когда там сидели мои ребята. С того места, где я сижу, кажется, что вся школа слушает.

Погодите-ка... когда это я начала считать их своими ребятами?

— Кто эти новые люди?

— В основном придурки из футбольной команды, — кисло отвечает Бентли. — Парень, сидящий рядом с Пей-Пей, — Лукас Гейл, он был ее трахальщиком с тех пор, как Дэвенпорт дал ей отпор. Он также звездный КБ Виндзора. Затем есть Аспен Эванс — она чирлидершк — за ней следуют Кристиан Тейлор, Дэвид Райт и Барклай Бейкер.

— Почему бы вам не сказать им покинуть стол? — спрашиваю я.

На этот раз отвечает Рид.

— Потому что это означало бы, что нам не все равно, а последнее, чего хочет любой из нас, это чтобы Пейтон думала, что она до нас добралась.

Чего надеется добиться Пейтон, делая это?

— Это еще одна уловка, чтобы заставить тебя ревновать? — спрашиваю я Кингстона. —

Чтобы заставить тебя снова захотеть быть с ней?

Он заканчивает жевать огромный кусок пиццы, который он только что откусил.

— Возможно, и именно поэтому мы не ведемся на это. Просто брось это, Жас. Ничего особенного.

Я ни на секунды в это не поверю. Она их достала. Хотят они признать это или нет, но я вижу, как напряглись их спины и как они незаметно наблюдают за другим столом. Эти трое — альфа-самцы до мозга костей, и действия Пейтон — это прямой вызов.

Перед самым окончанием обеда какая-то девушка робко подходит к нашему столу и опускает передо мной конверт кремового цвета. Она моложе — должно быть, не старше второго курса — и бедняжка выглядит так, будто вот-вот обделается.

— Что это? — спрашиваю я.

— Это от Пейтон Деверо.

Я усмехаюсь.

— Она не могла отдать мне это сама? Она живет в конце коридора от меня. Буквально, прямо по коридору. Она могла легко подсунуть его мне под дверь.

— Я просто делаю то, что мне говорят, — говорит девушка и убирается в восwoяси, как таракан.

Кингстон хватает конверт и ломает печать, прежде чем у меня появляется шанс. Он достает квадрат из толстого картона и рассматривает его. Его ноздри раздуваются, когда он сердито запикивает его обратно.

— Что это? — я выхватываю его у него и вытаскиваю карточку. Это приглашение на восемнадцатый день рождения Пейтон, только над ним большой красный круг с символом обратной кривой посередине. — Что, черт возьми, это вообще значит? Она пытается сказать мне, что я не приглашена на ее вечеринку? Как будто я все равно пойду?

— Не реагируй, Жас, — приказывает Кингстон. — Это то, чего она хочет; вот почему она делает это публично. Она пытается унижить тебя.

К черту. Половина школы сегодня пыталась унижить меня, и у меня есть подозрение, что за этим стоит она. Мне не нравится играть в игры моей злой сводной сестры, но я не буду прогибаться ни перед кем, особенно перед ней. Я поворачиваюсь на стуле и вижу, что Пейтон и ее подружки смотрят в мою сторону, весело смеясь за мой счет. Или они так думают. Не отрывая взгляда, я беру конверт и подхожу к ее столику.

Пейтон задирает нос, надменность сочится из каждой ее поры.

— Чего ты хочешь, шлюха? Если ты ищешь крэк, то тебе нужно вернуться в гетто.

— Молодец, детка, — смеется парень рядом с ней.

Я полностью игнорирую жалкую насмешку Пейтон и идиота, которого она трахает, и улыбаюсь, что заставляет ее нахмуриться.

— Я просто хотела сообщить тебе, что я думаю о твоей глупой маленькой вечеринке по случаю дня рождения или о праздновании твоего существования в целом.

Я чувствую, как вся столовая смотрит на нас, когда я беру в руки причудливое приглашение и разрываю его прямо посередине. Я поднимаю бровь с вызовом, разрывая его пополам во второй раз. Я продолжаю, до тех пор, пока Пейтон не начинает выходить из себя, а последний листок бумаги не падает крошечными кусочками вниз к ее ногам в туфлях от Лабутен. Когда я заканчиваю, я отряхиваю руки и наклоняюсь к ней.

— Видишь ли, Пейтон, разница между тобой и мной в том, что у меня хватает смелости сражаться в своих битвах. В следующий раз, когда тебе будет что сказать мне, просто скажи это. Повзрослей, черт возьми.

Припев «Прокляни или сожги» или какая-то его вариация эхом разносится по всей столовой. Пока у Пейтон все еще отвисает челюсть, а этот Лукас прожигает меня взглядом насквозь, я возвращаюсь к своему столику, сажусь и откусываю пенне, как будто ничего этого и не было.

— Ни хрена себе, Жас, — шепчет Эйнсли. — Это было эпично!

Я победно улыбаюсь, зная, что план Пейтон провалился. Черт, эта сучка действительно свихнулась, если думает, что меня будет беспокоить это приглашение. Я знала о вечеринке все это время — не то чтобы она держала ее в тайне — но у меня никогда не было намерения идти туда. Поскольку вечеринка проходит в особняке, мы с Эйнсли планировали провести вечер у нее.

Хотя, зная Пейтон, она, скорее всего, будет вести себя так, будто этого противостояния никогда не было, поэтому мне придется принять меры, чтобы подкрепить свое послание. Я хихикаю себе под нос, думая об идеальном решении.

Бентли притягивает меня к себе и целует в висок.

— Жасси Жас, хорошо, что ты вернулась.

16. Жас

— Подруга, ты выглядишь потрясающе, — Эйнсли наносит на губы свежий слой блеска. — Но ты уверена, что можно снять шину?

Я поднимаю руку и экспериментально сгибаю запястье.

— Я устала от этой штуки; она тяжелая и чешется. Кроме того, она не совсем подходит к этому наряду. Носить его две трети рекомендованного времени — вполне достаточно, не находишь?

Эйнсли качает головой.

— Эм... я не врач, но я думаю, что они не просто так говорят о шести неделях. Но ты знаешь свое тело лучше меня. Если ты говоришь, что твое запястье чувствует себя нормально без него, кто я такая, чтобы спорить? Просто пообещай мне, что будешь осторожна.

— Так и сделаю.

— Пейтон будет в бешенстве, когда увидит тебя, — Эйнсли ухмыляется улыбкой Чеширского кота

Я смеюсь.

— Тебя тоже.

Мы обе разглядываем себя в зеркале, довольные своими отражениями. Когда я решила сорвать вечеринку в честь дня рождения Пейтон, я смирилась с тем фактом, что мне придется выглядеть гламурно, потому что именно это будет раздражать Пейтон больше всего. Она, кажется, получает удовольствие от того, что придирается к моим предпочтениям в одежде, а так у нее не будет выбора. Когда я высунула голову и увидела, что Пейтон готовится к игре в гостиной со своими девочками, я поняла, что это было правильное решение.

Пейтон сегодня действительно работает над образом живой Барби в обтягивающем корсете и мини-юбке горячего розового цвета, на каблуках до небес и с настоящей гребаной тиарой. Имоджен и Уитни одеты почти в одинаковые наряды, без тиары, но разных цветов.

Поскольку я совершенно не разбираюсь в моде и макияже, Эйнсли пришла пораньше, чтобы помочь мне подготовиться.

Хорошо, что у нас с Эйнсли одинаковый размер, поэтому я могу одолжить у нее одежду. В моей гардеробной полно дизайнерских вещей, но мне нужно было что-то менее скромное и более — лисье, чтобы произвести наибольший эффект. У моей прекрасной подруги здесь безумно большой выбор клубных нарядов, которые идеально подойдут для этого вечера.

— Мой брат обделается, когда увидит тебя, — Эйнсли смеется. — Я бы не стала отрицать, что он снимет рубашку со своего тела, чтобы прикрыть тебя от блуждающих глаз.

— Да, но это потому, что собственничество твоего брата неуместно.

Она бросает на меня язвительный взгляд.

— Ты все еще лжешь себе, я вижу.

Я освежаю свой вишнево-красный цвет губ.

— И что это значит?

Эйнсли закатывает свои большие ореховые глаза.

— Да ладно, Жас. Ты знаешь, что между тобой и Кингстоном происходит что-то особенное. Он готов на все ради тебя. Я знаю, что у тебя есть чувства к нему, так почему ты сопротивляешься этому?

Я вздыхаю.

— Потому что я не доверяю своим чувствам к нему.

Ее изящные брови сходятся вместе.

— Что ты имеешь в виду?

Я запрыгиваю на стойку, стараясь не сверкнуть своими трусиками в процессе. Легче сказать, чем сделать в этом платье.

— Я не понимаю, как у меня могут быть к нему чувства после всего, через что он меня заставил пройти.

Она смотрит на меня с сочувствием.

— Но ты сказала, что он объяснил это, верно?

Я рассказала Эйнсли сокращенную версию моего разговора с Кингстоном о том, почему он был так жесток со мной, когда мы впервые встретились. Я сосредоточилась исключительно на том, что он типичный парень, боящийся своих чувств, но она, похоже, купилась на это. Я ненавижу скрывать от нее информацию, но я знаю, что Кингстон прав в этом отношении.

— Да... и я хочу ему верить — честно хочу, но что-то в глубине моего мозга говорит мне, что нужно быть начеку.

Эйнсли присаживается на туалетный столик.

— Ты знаешь, что это за *что-то*?

Я сжимаю руки в кулаки.

— Все возвращается к той ночи на вечеринке Донована. Бентли клянется, что они не накачивали меня наркотиками, но все остальное не имеет смысла, Эйнс. Я выпила два бокала. Два. Ты знаешь, что этого недостаточно, чтобы опьянеть, но я почти ничего не помню с той ночи. Только вспышки то тут, то там.

В основном это вспышки поцелуев с Кингстоном и Бентли, но эту часть я держу при себе.

Она улыбается мне закрытым ртом.

— Что именно сказал Бентли?

— Он сказал, что они никогда так со мной не поступили бы. Потом он сказал, чтобы я как-нибудь спросила его о девушке по имени Карисса, тогда у меня не будет сомнений.

У Эйнсли сбилось дыхание.

— И ты это сделала? Спросила его о Кариссе?

— Нет, — качаю я головой. — Честно говоря, до сих пор это как-то вылетало у меня из головы. Кто она вообще такая?

— Она была моей лучшей подругой, — шепчет Эйнсли.

— Была? Вы что, поссорились или что-то в этом роде?

— Нет, Жас, — она качает головой. — Она умерла. Вообще-то, покончила жизнь самоубийством.

Я резко втягиваю воздух.

— О. Мне так жаль, Эйнс. Я знаю, что это дерьмовая банальность, но это правда. Я знаю, как тяжело терять того, кого любишь.

Она шмыгает носом, вытирая уголки глаз.

— Я знаю, что знаешь, и сейчас я в порядке. Я имею в виду, прошло почти два года. Я все еще скучаю по ней каждый день, но становится легче не думать об этом так часто. Бентли воспринял это тяжелее всех нас, я думаю. Он может много шутить, но этот мальчик хранит в себе много горя и сожаления.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не моя история, Жас. Я думаю, тебе стоит поговорить с ним. Я действительно думаю, что это облегчит твои опасения, — Эйнсли грустно улыбается. — Я знаю, что то, что они сделали той ночью, было ужасно — с фотографиями, я имею в виду — но, если это чего-то стоит, я уверена, что они не стали бы накачивать тебя наркотиками. На тысячу процентов. И поверь мне, они получили от меня нагоняй за распространение того видео и тех фотографий. Я действительно ударила своего брата по лицу и ударила его по яйцам.

Мои губы дергаются.

— Ты серьезно?

— Да, — она гордо кивает. — И я бы сделала то же самое с двумя другими, но Рид удержал меня. Я решила, что месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным. Однако, учитывая то, как Рид ведет себя в последнее время, его возмездие, скорее всего, наступит раньше, чем позже.

— Он все еще не говорит тебе, что происходит?

Она качает головой.

— Нет. И, честно говоря, мне надоело ждать.

Я поднимаю брови.

— Ты сдаешься?

— Я не знаю, — Эйнсли пожимает плечами. — Я не хочу, но я точно не позволю ему испортить мне вечер. Я собираюсь пойти туда, выпить немного, может быть, потанцевать с несколькими горячими парнями, и забыть на одну ночь обо всей этой драме с Ридом.

— Ну, чего мы ждем? Давай спустимся туда.

Эйнсли улыбается.

— К тому времени, как эта ночь закончится, именинница будет чертовски уверена, что ты не будешь принимать ее дерьмо в штыки.

Мы обе ухмыляемся как дуры, когда выходим из моей спальни и спускаемся по лестнице. Через динамики звучит песня Эминема — «Годзилла», задавая прекрасный ритм

этому сумасшедшему дому. Я до сих пор не могу поверить, что Чарльз и Мэдлин уехали на выходные только для того, чтобы Пейтон могла устроить домашнюю вечеринку. Seriously, что за родители так поступают, зная, на какой разврат способны эти люди? Спойлер: дерьмовые.

Когда мы попадаем на главный уровень, кажется, что вечеринка в самом разгаре. Организатор вечеринки Пейтон определенно постаралась на славу. Вся имеющаяся здесь мебель была заменена на большой танцпол, диджейскую зону и несколько вариантов раскладки. В задней части есть бар с персоналом рядом с возвышающимся фонтаном шампанского. Задний дворик забит людьми, а тонкое освещение, которое было там, заменили на такие яркие лампы, что вся территория освещена как футбольное поле. Черт возьми, я даже не хочу знать, сколько все это стоило.

У меня отвисает челюсть, когда мой взгляд натывается на установку в дальнем углу гостиной.

— *Что за черт?!*

Там установлены настоящие шесты для стриптиза, на всех трех из которых раскачиваются полуголые пьяные девушки в окружении двух дюжин парней.

— Ого, она действительно хочет сделать это незабываемым, да? — спрашивает Эйнсли. — Как раз то, чего хочет каждая девушка на свой день рождения: жокеи у шеста.

Я качаю головой от нелепости всего этого, когда мы проходим через комнату. Эйнсли и я подвергаемся нападкам более чем нескольких людей, которые пытаются либо убить нас своим взглядом, либо заставить нашу одежду волшебным образом превратиться в пуф под их косыми взглядами. Забавно, но эти платья такие короткие, что мало что остается незамеченным. Мне приходится постоянно одергивать платье, чтобы не выставить задницу напоказ.

— Давай проверим заднюю часть, — предлагает Эйнсли.

Как только мы выходим на улицу, нас обдаёт теплом от наружных обогревателей. Черт, мне кажется, что на улице больше людей, чем внутри. Хотя сейчас конец октября, в бассейне даже много народу, потому что Мэдлин держит водонагреватель на температуре 82°. Благодаря улучшенному освещению, голые сиськи приветствуют меня отовсюду, и я замечаю несколько пар в бассейне, которые определенно трахаются у кафельной стены. Я даже не хочу знать, что происходит в маленьком гроте.

— Напомните мне не пользоваться бассейном, пока его полностью не продезинфицируют, — бормочу я.

Здесь есть динамики, но громкость не такая высокая, как внутри. Несомненно, так было сделано, чтобы избежать жалоб на шум. Однако огромная, явно нетрезвая толпа, конечно, не способствует этому.

— Черт возьми, это Пейтон? — Эйнсли указывает на группу людей, играющих в игру цыпленок в бассейне.

Когда блондинка спускается и всплывает, мы видим, что это действительно Пейтон. Она снова забирается на плечи Лукаса Гейла в своем горячем розовом бикини со стрингами. Уитни находится в той же позе на плечах того парня Кристиана, только она, похоже, где-то потеряла свой топ.

— Ты проиграла, Именинница! — кричит Кристиан. — Сними это!

Я поворачиваюсь к Эйнсли.

— Это не может быть... о, да, именно это он и имел в виду.

Пейтон демонстративно расстегивает свой бикини, вертит его в воздухе и отбрасывает в сторону.

Эйнсли качает головой, когда обе девушки начинают целоваться, лапать друг друга за грудь, все больше увлекаясь этим, когда крики становятся громче.

Я вскидываю руки.

— Это действительно происходит прямо сейчас?

Бентли обнимает меня за плечи.

— Что тут такого? Я не думаю, что в нашем выпускном классе есть хоть один человек, который не видел сисек в какой-то момент.

Откуда он взялся?

Я вздергиваю подбородок.

— Ну, я не видела их сисек, и была совершенно счастлива, что бы все так и осталось!

Бентли наблюдает за двумя девушками, пока они целуются.

— Как бы я ни презирал этих шлюх, должен признать, что они устроили хорошее шоу.

Эйнсли гримасничает и выражает мою мысль.

— Фу, Бент. Они ведут себя как порнозвезды.

— Именно это я и имел в виду, — Бентли смеется.

— Боже, похоже, они действительно наслаждаются друг другом, — замечаю я. — Я не знала, что Пейтон увлекается девушками.

— Это не так, — говорит Бентли. — Я думаю, что они делают это наполовину ради внимания, а наполовину потому, что им это нравится.

Мои брови приподнимаются.

— Молли?

Он кивает.

— Одно и то же.

— Ха, — я бы никогда не назвала Пейтон наркоманкой.

Бентли, кажется, читает мои мысли.

— Пейтон — любительница наркотиков из белых воротничков. Она думает, что трава — это для бездельников, — он закатывает глаза. — Но кокаин, таблетки или Молли полностью соответствуют ее изысканным стандартам.

— Думаю, мне нужно выпить, — я пытаюсь вырваться из руки Бентли, но он снова притягивает меня к себе.

— Черт возьми, малышка. Что на тебе надето? — он осматривает мое тело с ног до головы, задерживаясь на моих обнаженных бедрах и выпирающем декольте. — И почему я так долго не замечал? Ты в полной заднице, когда твой парень приедет сюда, и я имею в виду это в буквальном смысле. Он не сможет держать свои руки подальше от тебя.

Неа. Я не собираюсь это представлять. Может быть, если я повторю это в голове достаточное количество раз, это сработает. Да, мне определенно нужно выпить.

— Где он вообще? — спрашивает Эйнсли. — Рид сказал, что они будут здесь к десяти.

Бент пожимает плечами.

— Не знаю. Почему у тебя руки пустые? Давайте выпьем, дамы.

Мы втроем заходим внутрь и заказываем напитки у бармена. Мне — водку с клюквой, Эйнс — отвертку, а Бентли — бутылку пива. К тому времени, как мы выпиваем третью порцию, мы все уже на краю временного танцпола, покачиваемся под музыку.

Когда через динамики начинает звучать «Dark Side» Бишопа Бригса, Бентли хватает

мой красный стакан и ставит его на ближайшую поверхность.

— Иди сюда, крошка.

Когда он тащит меня в центр извивающихся тел, я встречаюсь глазами с Эйнс. Она поднимает свой бокал и понимающе улыбается. Последние два раза, когда мы с Бентли танцевали вместе, я оказалась запертой в комнате голышом с ее братом. Я вздрагиваю, пытаюсь подавить воспоминания.

Бент притягивает меня спиной к себе, обхватывая рукой мою талию. Мы двигаем бедрами в такт чувственному ритму, теряясь в нем. Моя жизнь не вращается вокруг танцев, как это происходит с Эйнсли, но это все равно одно из моих любимых занятий. Закрыв глаза, сосредоточившись на ритме, я позволяю музыке управлять моим телом. Это один из редких моментов, когда я не думаю, а просто делаю.

Танцы с Бентли — это совсем другая история. Этот парень умеет двигаться, что я не могу не связывать с сексом. С ним я скорее настраиваюсь, чем отключаюсь. Я замечаю каждое прикосновение. Каждую лирику. Каждый вздох. Больше всего я осознаю дихотомию между моим телом и мозгом.

Мой мозг знает, что я веду его за собой. Я знаю, что Бент испытывает ко мне чувства, которые переходят территорию дружбы, в то время как мои заканчиваются дружбой. И еще, есть часть, в которой я раздражаю Кингстона каждый раз, когда меня соблазняет его лучший друг. Я не хочу вбивать клин между ними, но с каждым днем все больше и больше кажется, что так оно и есть.

Дело в том, что Бентли стал мне небезразличен. Я искренне чувствую, что он может стать одним из самых важных людей в моей жизни, но не в том случае, если мы все испортим. Мы находимся на перепутье, и нам нужно решить, в какую сторону идти. Проблема в том, что мы испытываем сильное влечение друг к другу; оно ощутимо, почти так же сильно, как и мое влечение к Кингстону. Я не знаю, как достичь равновесия, а когда я танцую с Бентли, как сейчас, мне этого и не хочется.

У меня возникает момент дежа вю, когда эрекция Бента прижимается к моей спине. Мне так хочется протянуть руку назад и коснуться его, и я уверена, что он не будет возражать.

— Ты выглядишь чертовски сексуально в этом, Жас, — прошептал его глубокий голос мне в ухо, пока его пальцы заигрывают с коротким подолом моего красного мини-платья. — Я знаю, что напрашиваюсь на неприятности, но сейчас мне на это наплевать.

Мои веки трепещут, когда он вжимается в меня сильнее. Более целенаправленно. Черт, мальчик благословлен.

— Бентли... — это все, что у меня есть. Мой мозг, кажется, отключился.

— Ты даже не представляешь, как сильно я хочу содрать это платье, — его кончик пальца проводит по моей внутренней стороне бедра под растянутой тканью. — Прикоснись к тебе. *Провести языком по твоей киске.*

Он так близко к моим трусикам — в этом платье это не такая уж сложная задача, учитывая, что материала совсем немного. Я такая мокрая, что атлас промок насквозь. Если бы его палец продвинулся еще на дюйм, он бы обнаружил это.

— Мы не должны, — мой голос хриплый, не очень убедительный. Я сомневаюсь, что он вообще слышит меня из-за музыки.

Бентли стонет, убирая руку и кладя ее на более приличное место. Мы зажаты в центре такого количества людей, что вряд ли кто-то видел его руку под моей юбкой. А если бы и

увидел, то на этом танцполе пары занимаются гораздо худшим, так что я сомневаюсь, что им есть до этого дело.

— Ты не знаешь, чего теряешь, если не попробуешь.

— Он твой лучший друг, — возражаю я.

Бентли проводит кончиком носа по моей шее.

— Да, и именно поэтому он знает, насколько это важно.

Я поворачиваюсь к нему лицом, но остаюсь рядом.

— *А что* в этом такого особенного? То, что ты хочешь трахнуть меня? Ты не совсем монах, Бент.

Он мягко улыбается мне.

— Даже близко не то, что я имел в виду, но это история для другого раза. Кроме того, я думаю, что для него будет хорошо, если мы устроим ему настоящую конкуренцию.

Я без особого энтузиазма ухмыляюсь.

— Не думаю, что Кингстон согласится.

Бентли наклоняется и прижимается губами к моему уху.

— Я знаю, что ты хочешь меня, Жас. Я готов поставить свой гребаный Порше на то, что твои трусики сейчас насквозь промокли. Твой клитор пульсирует, умоляя о внимании. Я едва успею прикоснуться к тебе, как ты уже кончишь на мой язык, — я задыхаюсь, когда его пальцы загибаются под подол моего платья, и он лижет раковину моего уха. — Дэвенпорт может думать, что у него есть на тебя права, но ты ни разу не подтвердила это. Разве это не так? Ты никому не принадлежишь?

— Я принадлежу себе.

— Именно. Так почему мы не можем...

Я впилась ногтями в его предплечья, когда почувствовала покалывание в задней части шеи. Инстинктивно, мои глаза сканируют комнату, ища причину. Когда я нахожу его, он идет к нам, как одержимый. Толпа расступается, отчаянно пытаясь избежать гнева Кингстона. Бентли напрягается, когда я поворачиваюсь и вырываюсь из его объятий.

— Черт, — бормочу я.

Когда Кингстон наконец доходит до нас, его глаза медленно путешествуют по моему телу, рассматривая мое маленькое платье и босоножки на каблуках. Его глаза такие горячие, что пламя лижет мою кожу везде, где касается его взгляд. После танцев и того, как Кингстон смотрит на меня сейчас, я понимаю, что Бентли прав. Если кто-то сейчас коснется моих бедер, я взорвусь в считанные секунды.

Кингстон еще раз осматривает меня, прежде чем впиться взглядом в парня позади меня.

— Что, блядь, происходит, Бент?

Я поднял руку, пытаюсь разрядить обстановку.

— А теперь, держитесь, вы двое. Почему бы нам не...

— Рид! Что ты делаешь? *Прекрати это!*

Мы все трое немедленно поворачиваем головы, услышав страдальческий крик Эйнсли.

Кингстон первым настигает ее и начинает действовать. Эйнсли продолжает кричать, чтобы Рид остановился, и когда мы подходим ближе, я понимаю, почему. Сейчас он избивает того парня Лоусона. Музыка затихает, позволяя каждому ворчанию и стуку эхом разноситься по огромному залу.

Кингстон и Бентли оценивают ситуацию, прежде чем создать защитный барьер вокруг Эйнсли и меня. Минуту назад они выглядели так, будто готовы были убить друг друга.

Теперь они работают в полной гармонии, и я не думаю, что они даже осознают это.

— Что, черт возьми, происходит? — спрашивает Кингстон свою сестру.

— Я не знаю! — кричит Эйнсли, слезы текут по ее лицу. — Я разговаривала с Лоусоном, и вдруг Рид бьет его по лицу.

Рид и Лоусон довольно равны по размерам и навыкам, но у Рида такой дикий взгляд в глазах, который дает ему преимущество. Я вздрогнула, когда Рид получил апперкот в челюсть, но это почти не повлияло на него. Когда рука Рида касается лица Лоусона, Лоусон вскрикивает, хватаясь за скулу.

Я вскидываю руки в сторону толпы.

— Почему вы, ребята, не остановите это?

— Рид не стал бы этого делать, если бы у него не было чертовски веской причины, — объясняет Бентли.

— Что, блядь, с тобой не так, мужик? — кричит Лоусон, пошатываясь в сторону и сплевывая кровь на пол. — Я ни хрена тебе не сделал!

— Ты подсыпал что-то в ее напиток! — воскликнул Рид, ткнув пальцем в сторону Эйнсли. Проклятье. Спокойный и собранный Рид Прескотт определенно покинул здание. — Я, блядь, видел, как ты это сделал, когда она отвернулась!

И у меня, и у Эйнсли отвисает челюсть от этой информации. Кингстон и Бентли похоже, понимают то же самое, что и я, потому что выглядят так, будто собираются вступить в драку.

Кингстон показывает на меня пальцем.

— Так вот что ты с ней сделал? Ты, блядь, *накачал ее наркотиками*? — его тон тихий. Смертельный.

В этот момент, похоже, вся компания образовала круг вокруг нас шестерых.

Лоусон протягивает руки.

— Так, подождите, блядь, минутку. Я сделал вам одолжение, придурки!

— Что?! — Бентли бросается на него, но Кингстон оттаскивает его назад.

— У тебя есть две секунды, чтобы объяснить. — Челюсть и кулаки Кингстона сжимаются.

Лоусон взмахивает рукой в сторону Бентли.

— Он сказал мне привести ее к вам хорошенькой и неряшливой. Она едва потягивала свои напитки, и это заняло бы целую вечность, поэтому я ускорил процесс. Это была небольшая доза, она не причинила бы никакого вреда. Вы должны благодарить меня, засранцы. Вы ведь смогли с ней побаловаться, не так ли? — Лоусон поворачивает голову и смотрит на меня. — Мне только жаль, что я не успел первым.

Громкий вздох проносится по толпе прямо перед тем, как начинается ад. Кингстон издает что-то вроде боевого клича прямо в тот момент, когда он начинает бить Лоусона. Бентли и Рид присоединяются к схватке, и все трое набрасываются на него, нанося удары, пинки, в общем, все, что они могут сделать, пока Лоусон не оказывается на земле, почти без сознания.

Бентли и Рид отступают, когда Лоусон теряет сознание, но Кингстон продолжает наносить удары по его лицу, снова и снова. Голова Лоусона с гулким треском ударяется о мраморный пол, его лицо практически неузнаваемо, но Кингстон не сдаётся. Бентли и Рид пытаются оттащить его, но Кингстон слишком разъярен. Он приседает, наваливается на этого парня, и я серьезно думаю, что он может убить его, если тот не остановится.

— Кингстон! — кричу я. — Прекрати! Ты убьешь его!

Эйнсли повторяет те же слова, отчаянно пытаюсь достучаться до своего близнеца.

— Хорошо! — кричит он, снова нанося удар.

Я знаю, что это глупо, учитывая, насколько Кингстон сейчас страшен и возбужден, но я все равно бросаюсь на него. Бентли и Рид пытаются удержать меня, но мне удается протиснуться между ними, пока я не кладу руку на плечо Кингстона. Он тут же замирает и откидывает голову назад, чтобы встретиться с моим взглядом.

— Он того не стоит, Кингстон, — я сажусь рядом с ним на корточки, наверное, освещая, наверное, половину комнаты, но мне на самом деле наплевать. Я прижимаюсь лбом к его лбу и провожу ладонями по его щекам. — Он, блядь, того не стоит. Я в порядке. Он не добрался до меня. Он не добрался до Эйнсли. *Мы в порядке.* Я здесь, — я целую уголок его рта, ощущая вкус крови на губах. — Я здесь.

Кингстон испускает прерывистый вздох, прежде чем схватить меня за руки и оторвать от твердого пола. Он прижимает меня к своей груди, держась изо всех сил, пока восстанавливается дыхание. Я поворачиваю голову в сторону и вижу, как Эйнсли всхлипывая, обхватывает Рида. Он гладит ее рукой по спине и что-то шепчет ей на ухо. Лоусон начинает просыпаться, стонет, но не предпринимает никаких усилий, чтобы подняться с пола. У меня возникает искушение пнуть этого ублюдка, но я уверена, что это только усугубит ситуацию.

Через несколько мгновений Кингстон слегка отстраняется и находит Бентли.

— Ты позаботишься об этом? — Кингстон обводит взглядом толпу и добавляет: — Вечеринка окончена! Убирайтесь отсюда!

Бентли кивает.

— Я понял, мужик. Иди, приведи себя в порядок.

Кингстон смотрит вниз, видя всю кровь. Он выглядит смущенным, как будто не знает, как она туда попала. Его хватка на моей руке крепкая, когда он уводит меня прочь.

— Вы не можете этого сделать! — кричит Пейтон, когда ее гости бросаются к двери. — Вернитесь! вы не должны уходить. Это моя вечеринка!

Я оборачиваюсь и вижу, что она все еще топлесс, и с нее капает на пол.

Я поднимаю руку.

— Боже мой, Пейтон, убери свои сиськи! Никому не нужно видеть это дерьмо.

— Правда? — насмехается она. — Потому что я точно знаю, что Кингстону нравятся мои сиськи. Он говорил мне об этом много-много раз, когда трахал их. А в самом конце он засовывал свой член мне в рот, и я глотала каждую унцию его спермы. Он сказал, что я была его лучшим трахом сиськами. — она игриво прижимает к себе грудь. — Разве это не так, детка?

Среди оставшихся зрителей раздаются смешки и охи.

— Отвали, Пейтон, — Кингстон крепче сжимает мою руку. — Пойдем, Жас. Она того не стоит.

Пейтон смотрит на нас обоих, пока Кингстон повторяет мои слова, сказанные ранее.

— Ты никогда не удержишь его, Жасмин. Просто помни, что все это дерьмо будет напрасным. Все, через что ты пройдешь, будет напрасно.

Кингстон идет к лестнице, увлекая меня за собой. Пока я пытаюсь расшифровать ее загадочные слова, Пейтон выкрикивает имя Кингстона, но он просто поднимает в воздух средний палец. Когда мы поднимаемся по лестнице, он обходит мою спальню и затаскивает

меня в комнату для гостей, закрывая за нами дверь.

Когда я вопросительно смотрю на него, он говорит: — Никакой камеры.

Точно. Ну, по крайней мере, у него хватило ума об этом не забыть.

— Пойдем, — я наклоняю голову в сторону ванной комнаты. — У меня под шкафом в ванной есть аптечка. Давай посмотрим, есть ли она здесь тоже.

Кингстон кивает, молча следуя за мной в ванную.

Господи, как все так быстро пошло прахом? Похоже, это развивающаяся тенденция, и мне очень не нравится возможность того, что может произойти дальше.

17. Кингстон

Я шиплю, когда Жас проводит ватным шариком по разорванной коже на костяшках пальцев.

Она закатывает свои красивые карие глаза.

— Перестань быть таким ребенком.

— Чертовски больно, — бормочу я.

— Действительно? — она поднимает свои скульптурные брови. — Ты можешь получить удар в лицо, без проблем, но не можешь справиться с небольшим количеством антисептика на руке?

Мои глаза сужаются.

— Тогда на меня подействовал адреналин.

Она бросает ватный шарик в мусорное ведро и отступает назад, чтобы оценить свою работу.

— Я рада видеть, что большая часть этой крови была не твоей. Все не так плохо, как казалось.

Я протягиваю руку за спину и стягиваю рубашку. Я не упускаю из виду, как взгляд Жас прикован к верхней части моего тела.

— Мне бы не помешал душ, — я жестом показываю на размазанную кровь на ее коже от того, что она была прижата ко мне. — Тебе тоже.

Жас кивает.

— Ты прав, — она берет банное полотенце с полки рядом с собой. — Ты можешь взять этот душ, а я быстренько запрыгну в свой.

Я засовываю палец под бретельку ее крошечного платья. Господи, когда я впервые увидел ее сегодня вечером, все, что я хотел сделать, это перекинуть ее через плечо и отнести на ближайшую доступную поверхность. То есть, после того, как я отлуплю Бентли за то, что он прикоснулся к ней.

— Мы могли бы сэкономить воду и занять одну вместе.

— Ха-ха, забавный парень.

— Я не шучу.

Мне приходится подавить стон, когда Жас облизывает губы.

— Кингстон...

— Что? Это нормально, если Бентли прикасается к тебе, но не я? Почему?

Ее глаза наполняются огнем.

— Я не просила Бентли прикасаться ко мне.

— Но ты и не остановила. Знаешь, мне любопытно, что бы случилось, если бы я не

появился в тот самый момент? Бентли выглядел готовым затащить тебя в темный угол. Ты бы позволила ему? Черт, позволила бы ты ему засунуть руку под платье еще дальше, ласкать пальцами твою киску прямо там, посреди переполненной комнаты?

— Я не знаю, — Жас отводит взгляд в сторону. — Я уверена, что не стала бы с ним спать.

Мои зубы скрежещут.

— Это не тот ответ, который я искал, Жас

Она вскидывает руки вверх.

— Ты хочешь, чтобы я солгала? Я думала, мы больше не будем скрывать друг от друга всякое дерьмо.

— Ладно, раз уж мы такие честные, почему бы тебе тогда не рассказать мне, что это такое? — я щелкаю пальцами между нами двумя. — Ты. Хочешь. Меня? Ты хочешь *быть со мной*?

— Ты серьезно хочешь поговорить об *определении наших отношений* прямо сейчас?

Я скрещиваю руки на груди.

— Почему *не сейчас*? Это кажется необходимым после того, что я увидел там внизу.

Она подражает моей позе.

— Во-первых, ты только что вырубил парня без сознания. Возможно, даже госпитализировал его. Разве полиция не должна появиться с минуты на минуту, чтобы арестовать тебя?

Я усмехаюсь.

— Бентли позаботится об этом. Ты видела все эти телефоны, нацеленные на драку? У нас есть признание Лоусона. Если кому-то и стоит обратиться к адвокату, так это ему.

Жас потирает виски.

— Я не могу сделать это прямо сейчас.

— Это простой вопрос — «да» или — «нет», Жас, — я отвожу ее руки от лица и приподнимаю подбородок. — Думаю, я уже ясно выразил свою позицию, но на всякий случай позволь мне объяснить ее тебе. Я не трахался ни с кем другим с тех пор, как мы познакомились. Кроме нескольких поцелуев с той цыпочкой в джакузи, которые были только для показухи, я больше ни к кому *не прикасался*. Я и не хочу. Ты — единственная женщина, которую я хочу. В моей постели, рядом со мной — *только ты*.

— Кингстон...

— Я еще не закончил, — я беру ее лицо в свои руки и прижимаю наши лбы друг к другу. — Когда я нашел тебя той ночью, когда я думал, что *потеряю тебя навсегда*, это было как гигантское пробуждение. Я больше не хочу отталкивать тебя, Жас. Я не хочу притворяться, что ты не мой чертов мир — не тогда, когда есть только мы, Эйнсли или ребята. Меня тошнит, что я окружен всеми этими секретами и ложью. Я сыт по горло неопределенностью. Я знаю, что мы должны продолжать играть в игру ради общего блага, но мне также нужно что-то настоящее, а ты — самое настоящее, что я когда-либо знал. Ты хочешь того же, Жас. Ты не можешь этого отрицать. Только не мне.

— Это безумие, — шепчет она. — Мы познакомились всего пару месяцев назад.

— Технически говоря, мы познакомились, когда были младенцами, — губы Жас так близко, что я не могу удержаться. Я прижимаюсь губами к ее губам, оттягивая зубами ее полную нижнюю губу.

— Кингстон.

— Жасмин.

Ее теплое дыхание щекошет мое лицо, когда она вздыхает.

— Я тоже не хочу продолжать отталкивать тебя. Это утомительно. Но...

Я немного отстраняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

— *Но что?*

Жас отводит глаза и пожевывает уголок губы.

— Но... я не могу притворяться, что этого с Бентли не существует. Он мне *нравится* — просто как друг, но... не как платонический друг. У нас такая сумасшедшая химия. Я не знаю, как сделать так, чтобы это прошло, и я не думаю, что будет честно с моей стороны говорить тебе, что я полностью согласна, когда есть эта большая, нерешенная проблема.

Ее влечение к моему лучшему другу — не новость, но мне все равно требуется некоторое время, чтобы сформулировать ответ. Что я действительно хочу сделать, так это снова съездить кому-нибудь по физиономии, но вместо этого я говорю: — Я не могу делиться, Жас. Не тобой.

— Я и не прошу тебя об этом. Я не такая..., — она качает головой. — Ты и я... мы и так достаточно сложные. У меня нет желания усугублять, — она сардонически смеется. — Кроме того, мысль о том, что ты состоишь в поли-отношениях, да еще с другим парнем, это просто шутка. Это не вяжется с твоим пещерным образом жизни.

Нет, блядь, не сочетается.

— Позволь мне спросить тебя вот о чем. Тебе *нравится* быть со мной?

Она наклоняет голову набок.

— Как... как ты... что ты...?

Я бросаю на нее язвительный взгляд.

— Сколько нам? Двенадцать? *Есть ли у тебя ко мне чувства*, которые выходят за рамки дружбы или физического влечения? Можешь ли ты представить себя в отношениях исключительно со мной?

Господи, кто бы мог подумать, что я окажусь на этом конце такого разговора?

— Да, но...

Я прижимаю указательный палец к ее губам.

— Тогда мы разберемся с остальным.

Ее брови хмурятся.

— Как?

— Я не знаю, — признаюсь я. — Но, если отсутствие тебя — это альтернатива, я что-нибудь придумаю.

Жас слегка проводит пальцами по моим волосам, и, клянусь, я почти мурлычу, как чертов котенок.

Я осторожно беру ее только обнаженное запястье и целую в точку пульса.

— Где твоя шина?

— Сняла, — Жас пожимает плечами. — Спасибо за то, что ты там сделал.

Я приподнимаю бровь.

— Ты благодаришь меня за то, что я выбил из кого-то дерьмо?

Она мягко улыбается.

— Не совсем так... но я благодарю тебя за то, что ты защитил меня. За то, что исправил ошибку.

Я спускаю бретельку платья Жас с ее плеча и оставляю поцелуй на ее обнаженной коже.

— Я продолжу это делать, если ты позволишь.

Дыхание Жас прерывается, когда я притягиваю ее к себе и опускаю вторую бретельку.

— Как ты думаешь, его арестуют? И если да, то будут ли предъявлены обвинения? Я не хочу, чтобы кто-то еще пострадал.

— Не знаю, — бормочу я, касаясь кожи под ее ключицей. — Но если нет, то я, блядь, уверен, что он знает, что мы за ним наблюдаем.

Жас стонет, когда я опускаю платье еще ниже и скольжу языком по ее едва заметному декольте.

— Кингстон, что ты делаешь?

— На что это похоже? Я помогаю тебе вылезти из этой одежды, чтобы мы могли привести себя в порядок. Не волнуйся, ты не единственная, кто разденется, — я снимаю туфли и выхожу из брюк, чтобы продемонстрировать это.

Она ничуть не протестует, пока я спускаю хлипкий красный материал до конца. На самом деле, когда она выходит из платья, которое валяется на полу, она сразу же расстегивает лифчик без бретелек, который был на ней, и отбрасывает его в сторону.

— Черт, — я кусаю костяшки пальцев, которые ужасно болят, поскольку они изранены.

Эта женщина — воплощение искушения. Мое спасение и гибель, завернутые в большой красный бант. У нее самое подтянутое тело, которое я когда-либо видел. Длинные, худые мышцы. Тонкая талия, которая сужается к идеальным бедрам. У нее упругие сиськи со светло-коричневыми сосками чуть темнее ее кожи, а ее задница в виде сердечка безупречна. И я действительно имею в виду гребаное совершенство. Я мог бы провести дни, поклоняясь ей, и так и не насытиться.

Я опускаюсь на колени, осыпая поцелуями подтянутый пресс Жас и спускаясь к ее черным атласным стрингам. Когда я отодвигаю ее трусики в сторону, я обнаруживаю, что она уже мокрая и блестит от желания.

Я долго облизываю ее, прежде чем отстраниться. Господи. Я почти забыл, какая она потрясающая на вкус.

— Это для меня? Или это осталось после того, что было ранее с Бентли?

Руки Жас сжимают мраморную столешницу, пока я продолжаю пировать на ее восхитительной киске.

— Наверное, и то, и другое.

Я рычу на ее разгоряченную плоть и наказываю ее за это замечание своим языком. Несколько раз я довожу ее до края, прежде чем отступить и сменить схему. Жас хнычет, умоляя о разрядке. Она пытается взять дело в свои руки, но я отталкиваю ее и сжимаю ее запястья пальцами. Другой рукой я ввожу в нее два пальца, изгибаю их, заставляя ее издать целый ряд проклятий. Она плотно сидит, еще больше, когда я добавляю третий палец, но она так возбуждена, что я без труда ввожу и вывожу их.

— Черт, Кингстон, — стонет она, когда я провожу большим пальцем по ее клитору. — Вот здесь. Боже, не останавливайся.

— Я и не собирался.

Когда я наклоняюсь вперед, добавляя свой язык, она бесстыдно прижимается своей киской к моему лицу, крича о большем. Говорит мне, как это хорошо. Стонет мое имя снова и снова, умоляя меня никогда не останавливаться. После того, как я заставил ее кончить в третий раз, я встаю и включаю душ. Мы действительно в гребаном беспорядке и должны привести себя в порядок.

Мы с Жас встаем под струю, позволяя теплой воде смыть все следы красноты. Намылившись и ополоснувшись, и, ладно, немного пошалив между этим, я уже собираюсь выключить воду и перенести эту вечеринку на кровать, но она умоляет меня остаться своими большими карими глазами. Кто я такой, чтобы отказать ей?

Жас ведет меня, чтобы я сел на встроенную скамейку в углу душевой. Затем она опускается на кафельный пол и заползает между моих бедер. Моя голова откидывается назад, когда она проводит языком по нижней стороне моего ствола, от корня до кончика. Она втягивает щеки и берет меня в рот, проникая в меня дюйм за дюймом, пока я не касаюсь задней стенки ее горла.

Я хватаю в кулак ее волосы и издаю придушенный стон.

— Блядь, Жас. Если ты будешь продолжать в том же духе, я опозорюсь.

Мой член становится невероятно твердым, когда она улыбается, обхватывая его, работая рукой в тандеме со своим ртом. Сначала я позволяю ей вести шоу, но уже через несколько мгновений я не могу больше сдерживаться. Я собираю ее длинные волосы в сторону, чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как мои бедра входят и выходят из настоящего рая, которым является ее рот.

Жас принимает это как чемпион, когда я трахаю ее рот, стонет и гудит вокруг меня, как будто она наслаждается этим почти так же, как и я. Гораздо быстрее, чем хотелось бы, я подаю обязательное предупреждение, что скоро кончу. Жас усиленно всасывает по мере того, как я погружаюсь в ее рот, и отпускает меня только после того, как стихает последний толчок. Я смотрю сквозь прикрытые глаза, как она с улыбкой откидывается назад, вытирая указательным пальцем капли спермы с уголка рта. Когда она берет тот же палец и всасывает его в рот, стонет, пробуя меня на вкус, я клянусь, что никогда в жизни не видел ничего более горячего.

— Господи, женщина. Что ты со мной делаешь?

Жас забирается ко мне на колени, и обхватывает меня руками за шею.

— Я могла бы спросить тебя о том же.

Я беру ее лицо в свои руки.

— Значит ли это, что ты подумаешь о том, что я сказал ранее? Действительно подумаешь?

Она смотрит мне в глаза.

— Да. Я подумаю об этом.

— Тогда пока этого достаточно.

Так и должно быть, потому что потерять эту девушку — это не тот выбор, с которым я готов жить.

Мы вытираемся и быстро понимаем, что у нас нет чистой одежды. У меня нет выбора, поэтому я снова натягиваю испачканные штаны и рубашку. Я почти уверен, что сломал этому ублюдку нос, и, к несчастью для моих любимых джинсов, сломанные носы обычно сильно кровоточат. Спальня Жас находится рядом, так что мы составляем план, как можно быстрее добежать туда, чтобы она могла добраться до своего шкафа. Я замираю, когда выхожу из ванной и вижу Бентли, сидящего на краю кровати для гостей.

Я останавливаюсь так внезапно, что Жас врзается в меня сзади.

— Ой! Мой нос. Какого черта ты остановился?

Зная, что Жас одета только в полотенце, я пытаюсь прикрыть ее тело, но она такая крошечная, что ерзает вокруг меня и вздрагивает, когда видит Бентли.

— Бентли! — Жас прижимает полотенце к груди. — Что ты здесь делаешь? Разве ты не должен был решить проблему с Лоусоном?

Глаза Бентли темнеют, когда он внимательно смотрит на нее, прежде чем поднять бумажное полотенце, которое прижимает к голове. Жас морщится, когда он показывает неприятную рану над бровью.

— Рид и Эйнсли взяли это на себя. Сначала я не думал, что все так плохо, но кровотечение не останавливается. Ублюдок ударил меня бутылкой, прежде чем мы его завалили. Я надеялся, что у тебя есть лейкопластырь или что-то в этом роде. Пейтон исчезла после своего маленького припадка, так что я проверил твою комнату, но она была пуста, — он закатывает глаза. — Очевидно. В любом случае, когда я возвращался вниз, мне показалось, что я услышал чей-то разговор. Я постучал, но никто не ответил, тогда я дернул ручку, и дверь распахнулась

Мои глаза сузились.

— Дверь была заперта.

Брови Бентли сходятся вместе.

— Нет, не была, чувак.

— Да, была. Я сам ее запер.

— Видимо, не так хорошо, как ты думал, — защищается он.

Жас смотрит на меня в замешательстве — потому что мы оба прекрасно знаем, что дверь была заперта — прежде чем обратиться к Бентли.

— Кажется, я видела одну в аптечке в ванной. Позволь мне, эээ, надеть чистую одежду, и я тебе помогу.

— Спасибо, Жасси.

Я жду, пока она выйдет из комнаты, прежде чем наброситься на него.

— Какого черта, чувак? Ты, блядь, наблюдал за нами?

Дверь в ванную не была открыта настежь, но и не была закрыта, потому что я запер дверь в спальню, несмотря на отрицание Бентли.

Бент пожимает плечами.

— А что, если так?

— Это пиздец, чувак, — мои кулаки сжимаются по бокам.

Он усмехается.

— Да пошел ты, Дэвенпорт. Что случилось с «Мне плевать, с кем она трахается, Бент. Она всего лишь средство для достижения цели?». Кроме того, я уже видел, как ты трахаешь какую-то цыпочку, и наоборот. Если ты забыл, мы трахали *одну и ту же девушку в одно и то же время, и не один раз.*

Я качаю головой.

— Сейчас все по-другому.

— Почему это? — его челюсть сжимается.

— *Потому что она чуть не умерла!* — я делаю глубокий вдох и понижаю голос. — Если бы я не подоспел вовремя, она бы, блядь, умерла, чувак.

Бентли делает глубокий вдох.

— Я не наблюдал за тобой. Я буквально только что пришел, когда душ уже отключился. Я слышал, как ты говорил о том, чтобы одеться или что-то в этом роде, поэтому решил подождать.

Я сглатываю комок в горле, пока мы смотрим друг на друга.

— Она моя, Бент, так что тебе нужно отвалить.

— Кажется, сегодня вечером она так не думала, — он бросает вызов. — Если кто-то и имеет право злиться, так это я, потому что я совершенно уверен, что ты только что наслаждался плодами моего труда, и это уже не первый раз.

Я делаю шаг к нему.

— Не делай этого, Бентли. Я пытаюсь быть терпеливым с тобой и дать тебе некоторую свободу действий, потому что я знаю, что все, что произошло в последнее время, напоминает тебе о Кариссе, но...

Бентли вскакивает с кровати и отпихивает меня на шаг назад.

— Пошел ты! Не впутывай ее в это. Она не имеет к этому *никакого* отношения!

Я потираю подбородок, пытаюсь успокоиться.

— Как скажешь, чувак.

— Не надо, блядь, опекать меня, придурок.

— Ты бы предпочел, чтобы я ударил тебя по лицу? — предлагаю я, загибая пальцы. — Потому что это можно легко устроить.

— Эй! — кричит Жас, входя в комнату. — Что здесь происходит? Что с вами двумя?

— Ничего, — бормочем мы с Бентли одновременно.

— Ага, — скептически произносит она. — Бентли, в ванную, сейчас же. Я буду там через минуту, — она тычет пальцем в мою сторону. — Ты... я поговорю с тобой завтра.

Бентли, как хороший мальчик, направляется в ванную и закрывает за собой дверь.

Я машу рукой в сторону ванной комнаты.

— Я не оставлю тебя с ним наедине.

Жас смотрит на меня с силой тысячи солнц.

— Не разрушай то, что только что произошло между нами, ведя себя как ревнивый мудака.

О Господи, если бы она сказала что-нибудь еще, я бы продолжил бороться. Например, *буквально все остальное*.

— Ладно, — я делаю шаг вперед и притягиваю губы Жас к своим. Я вкладываю в поцелуй все то разочарование, которое испытываю, пока она не прижимается ко мне, отчаянно желая большего. — Но, если ты захочешь еще раз кончить сегодня вечером, позвони мне. Я вернусь в мгновение ока.

Жас ухмыляется.

— Если я захочу еще раз кончить сегодня вечером, моя насадка для душа прекрасно справится с этим за меня. Он не такой угрюмый, как ты.

Я качаю головой.

— Ты — заноза в моей заднице.

— Взаимно, кексик, — Жас гладит меня по щеке, а затем целует в то же место. — Иди домой, Кингстон. Тебе не о чем беспокоиться. Я поговорю с тобой утром. Может быть, мы сможем позавтракать где-нибудь.

— Ладно, ладно, я уйду, — я еще раз быстро целую ее и шлепаю по заднице. — Веди себя хорошо.

Она показывает мне язык.

— Да, хозяин.

Искренняя улыбка растягивается по моему лицу.

— Мне это нравится. Ты должна использовать это чаще.

Она толкает меня в грудь, пока я не оказываюсь в коридоре. Я смеюсь, когда она отпихивает меня, прежде чем захлопнуть дверь перед моим носом.

Черт. Что мне делать с этой женщиной?

18. Кингстон

— Ты хотел меня видеть?

Как бы сильно я ни ненавидел, когда меня вот так вызывают в офис корпорации моего отца, я ухватился за этот шанс. Это идеальная возможность для меня, чтобы вернуться после его ухода и установить камеру наблюдения. Я успешно установил другое устройство в офисе Каллахана в прошлые выходные, но я не мог придумать, как попасть сюда, когда отца нет дома, пока он не написал мне сообщение, попросив зайти.

— Да, сынок. Присаживайся, — он указывает на мое лицо. — Что с тобой случилось?

Я пожимаю плечами.

— Пришлось поставить на место одного засранца.

— Ах, да, я слышал о драке, которую затеял твой друг.

— Да? Как ты об этом узнал?

Он отмахивается от меня.

— Неважно.

Я хмурюсь, мне не нравится такой ответ, но я знаю, когда нужно с этим человеком покончить.

— Ну, а ты слышал, почему мы выбили из него все дерьмо?

— Почему меня должна волновать какая-то драка с участием кучки подростков?

О, нет причин. Просто тот факт, что кто-то пытался накачать наркотиками вашу дочь, намереваясь изнасиловать ее.

— Верно. — киваю я.

Мой отец направляется к барной стойке в углу своего кабинета.

— Выпьешь?

Я качаю головой.

— Нет, спасибо. Мне нужно кое-куда после этого.

Мой отец улыбается, наливая себе виски с содовой.

— Эти дела связаны с Жасмин Каллахан?

— Да. А что?

Он снова занимает свое место в кресле с электроприводом за большим письменным столом из красного дерева. Покручивая янтарную жидкость в хрустальном бокале, он говорит: — Жаль, что с ней такое случилось, но Чарльз сказал мне, что она хорошо восстановилась. Ты согласен?

Я прекрасно знаю, что на самом деле ему все равно, но мне достаточно любопытно, чтобы продолжить.

— Хорошо, как и следовало ожидать, я полагаю.

Этот урод делает глоток своего напитка.

— Какая прекрасная возможность для тебя сблизиться с ней.

На моих губах появляется ухмылка, когда я представляю, как бью его по лицу, стирая эту самодовольную ухмылку.

— Я не могу не согласиться, папа. Хотя, признаюсь, это было непросто, потому что она немного боится оружия, ведь нападавшие все еще где-то там и все такое. Но не волнуйся; я

показал ей, как я готов поддержать ее в это трудное время. Я был в приемном покое больницы все время, пока она там находилась, и был идеальным любящим парнем. Мой план по-прежнему складывается удачно.

Он разражается бурным смехом.

— Приятно слышать, сынок, — мой отец делает еще один глоток из своего бокала, размышляя о чем-то. — Знаешь... я не могу не задаваться этим вопросом.

Мои брови приподнимаются.

— Не можешь не задаваться вопросом о чем?

Верхний свет отражается на циферблате его часов Patek Phillipe, когда он потирает подбородок.

— Ты ли организовал нападение, чтобы сбить ее с толку?

Я прикусываю язык так сильно, что кровь покрывает мои вкусовые рецепторы. Тот факт, что он даже упомянул об этом, заставляет меня задуматься, не он ли это организовал. Может быть, он меня сейчас проверяет?

Я качаю головой.

— Не совсем в моем стиле. Если бы я хотел «сбить ее с толку», я вполне способен сделать это сам.

Широкая улыбка растягивается на его лице, его белые виниры практически ослепляют меня.

— Пожалуйста, поделись. Ты так и не сказал мне, что у тебя на уме в отношении этой девушки.

Я небрежно откидываюсь на спинку стула, закидывая лодыжку на противоположное колено.

— У меня нет плана. Я больше похож на парня, *который застегивает ширинку штанов*, что лучше всего работает с ней. Жасмин своего рода дикая карта.

— Ах, но ведь сумасшедшие всегда безумные в постели, верно? — мне приходится бороться с усмешкой, когда он подмигивает.

— Ага, — киваю я.

Мой отец складывает руки за голову и откидывается назад.

— Значит, Жасмин довольно хороша в постели?

Господи, меня тошнит от этого разговора. Мне кажется неправильным говорить о Жас в таком тоне, но я должен оставаться в образе.

— Лучшая из всех, что у меня были. Сосет член как профессионал, — это даже не ложь.

Его карие глаза загораются интересом. Блядь. Определенно не стоило идти в этом направлении.

— Молодец, мой мальчик. Я бы с удовольствием испытал это сам. Она такая крошечная штучка — могу поспорить, что ее киска будет крепко обхватывать мой член. А ее задница тем более. Возможно, когда-нибудь мы сможем поиграть с ней в команде. Или, может быть, старое доброе жаркое на вертеле, — смеется он. — Думай об этом как о моменте единения отца и сына.

Только через мой труп, гребаный извращенец.

Клянусь всем святым, я хочу пробить ему голову битой. Я делаю глубокий вдох, напоминая себе, что это он должен быть заперт, а не я.

— Да, может быть, — бормочу я.

Он смеется.

— О, Кингстон, ты же не собираешься стать территориальным из-за какой-то киски? Я знаю, что она исключительно красивая девушка, но это не повод терять здравый смысл.

На этот раз я действительно усмехаюсь.

— Нет, блядь. Пока Жасмин продолжает надрачивать мой член, когда я захочу, мне плевать, с кем еще она трахается.

— Кстати говоря... полагаю, я должен поблагодарить тебя за флешку, которую я нашел на своем столе, когда вернулся из Майами?

На этот раз моя улыбка искренняя. Избавление от Ванессы было абсолютным удовольствием и давно назревало.

— Конечно. Я не мог позволить, чтобы ей сошло с рук такое предательство.

— Ты хороший сын. Я ценю твою заботу обо мне. Эта шлюха-изменница не заслуживает чести быть моей женой. И курьер, черт возьми. Разве она могла опуститься еще ниже? — мой отец выходит из-за стола и похлопывает меня по плечу. — Думаю, пришло время поменять ее на более новую модель, а?

Твоей последней невесте только что исполнилось двадцать два года. У тебя не так уж много возможностей для более молодой модели, ублюдок.

— Да, — смеюсь я. — Определенно.

— Может, в следующий раз я попробую выбрать брюнетку, — размышляет он. — Кого-нибудь... с некоторым... напором. Я не могу позволить тебе получить все удовольствие, не так ли? — мой отец протягивает руки, загибая пальцы, как будто обхватывает сиськи. — Я давно не видел доктора Келлера. Уверен, он будет рад новому клиенту.

Доктор Келлер — это пластический хирург, которого мой отец использует для надувания груди все своих кукол-блядей, хотя я уверен, что ни одна из них ему не нужна. Я не понимаю, почему мой отец вдруг так заинтересовался Жас. Может, это искреннее любопытство, а может, очередная проверка. Он внимательно изучает меня, ожидая реакции. Как-будто он хочет, чтобы я разозлился на него, дав ему повод не доверять мне.

Я не клюну на эту наживку, придурок.

Я встаю и крепко похлопываю его по спине, возможно, немного сильнее, чем следовало бы.

— Что ж, удачи тебе на охоте, старик. Если мы закончили, мне пора идти. Все эти разговоры о кисках вызывают у меня желание погрузить свой член в одну из них.

— Дай ей хорошенько, сынок, — он двигает бедрами, чтобы подкрепить свое грубое замечание, и смеется.

— Всегда так делаю.

Я пренебрежительно машу ему рукой, выходя из офиса и покидая — Дэвенпорт Ботинг так быстро, как только возможно человеку, чтобы не показаться подозрительным. Если я не уберусь отсюда к чертям собачьим, я все потеряю.

— Кингстон, — приветствует меня Моник, секретарша моего отца. — Что ты опять здесь делаешь? Боюсь, ваш отец ушел пораньше, чтобы успеть на свой рейс.

— Черт, — я хмурюсь в насмешливом разочаровании. — Кажется, я оставил свой мобильный телефон в его офисе. Я нигде не могу его найти, а это последнее место, где, насколько я помню, я его видел.

— О, это очень плохо. Я знаю, как вы, дети, относитесь к этим смартфонам. Если вы не можете его найти, это все равно что потерять конечность, — хихикает она.

Я подыгрываю ей.

— Да, это проклятие моего поколения. Эй, ты же не против, если я быстро заскочу туда и осмотрюсь? Я бы подождал папу, но остаться без него на неделю было бы сущим адом.

— Конечно, милый, — Моник открывает верхний ящик своего стола и достает кольцо для ключей. — Не торопись; я побуду здесь некоторое время, — она снимает с кольца один ключ и протягивает его мне.

Я наклоняюсь и целую ее в щеку.

— Спасибо, Моник. Ты моя спасительница.

Она отмахивается от меня.

— О, ты очаровашка.

Мне неловко использовать такую милую старушку, но иногда приходится использовать все имеющиеся в твоём распоряжении ресурсы во имя общего блага.

Я обязательно закрываю за собой дверь, когда вхожу в кабинет отца. Как и в случае с домашним офисом Каллахана, я включаю устройство обнаружения и быстро сканирую комнату, делая вид, что ищу свой телефон. Меньше всего мне нужно, чтобы у отца было видеодоказательство того, что я подслушиваю это место — отговориться не получится. Престон Дэвенпорт, может, и эпический придурок и преступник, но глупцом он не является.

Когда все чисто, я приступаю за работу. Я беру стул, чтобы встать на него, и отключаю дымовую сигнализацию. К счастью, в это время года по ночам достаточно холодно, чтобы оправдать ношение куртки, поэтому я могу незаметно спрятать ее замену. Самое приятное в этом устройстве то, что оно подключено к электросети здания, точно так же, как и оригинальное. С ним мне не нужно беспокоиться о времени автономной работы. В нем есть аккумулятор на случай отключения электричества, но питаться он будет в основном от сети, к которой подключен.

Щелкнув выключателем, чтобы активировать камеру, я закручиваю крышку до упора, и ставлю стул на свое законное место. Прежде чем уйти, я открываю приложение для мониторинга на своем телефоне и проверяю запись. Я улыбаюсь, когда на экране появляется кристально чистое изображение всей комнаты в формате 1080 HD. Мы выбрали этот тип устройства не только из-за простоты установки, но и из-за его расположения. Находясь на потолке, в переднем углу комнаты он не закрывает ни одного свободного места, за исключением ванной комнаты. До тех пор, пока мой отец не делает ничего гнусного, пока срет, я должен быть в порядке.

Я закрываю кабинет отца и иду обратно в приемную.

— Ты нашел его, милый? — спрашивает Моник.

Я бросаю ключ на ее стол и беру в руки свой сотовый.

— Да. Еще раз спасибо, Моник. Ты лучшая.

Она улыбается.

— Мне очень приятно. Спокойной ночи и передавай привет своей прекрасной сестре.

Я нажимаю кнопку вызова лифта, который тут же открывается.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Я вздыхаю с облегчением, как только двери закрываются. Не думаю, что все могло пройти более гладко. Я надеялся, что тот факт, что она знает меня всю жизнь, сработает в мою пользу. У нее не было ни малейшего сомнения в том, стоит ли меня впускать. Теперь мне остается только ждать и смотреть, даст ли этот убудок мне что-нибудь полезное.

19. Жас

— Итак... я тут кое о чем подумала.

Эйнсли потягивает свой клубничный молочный коктейль.

— О чем?

— Вообще-то, о нескольких вещах. Прежде всего, мне нужно найти работу на неполный рабочий день.

— Зачем? — Эйнсли макает картошку фри в свой коктейль, а затем отправляет жареную вкуснятину в рот. Звучит мерзко, но на самом деле это чертовски вкусно.

— Потому что мне нужны деньги — то небольшое, что я скопила, когда переехала сюда, быстро исчезает. Я точно не собираюсь пользоваться кредитной картой, которую дал мне мой донор спермы. По крайней мере, я хотела бы иметь возможность время от времени покупать обед, — я жестом показываю на еду на столе из керамики в закуской. — Или платить за что-то, когда я беру Белль куда-либо. Я видела объявление — «Требуется помощник» в одном из кафе на Калабасас Роуд.

— Твой отец согласился бы на это? Для его репутации будет не очень хорошо, если одна из его дочерей будет работать на такой низкой должности. Не то чтобы я считала работу бариста ниже своего достоинства, но он бы согласился. У меня никогда не было бы на это времени с балетом, но, если я когда-нибудь устроюсь на работу в кофейне, я знаю, что мой отец будет вне себя.

— Чарльз не имеет права голоса в том, что я делаю. Мне восемнадцать.

— Да, но ты живешь под его крышей.

Я пожимаю плечами.

— Если он действительно хочет поспорить со мной по этому поводу, я разберусь с этим. Но спорить не о чем, пока я действительно не получу работу.

— Хорошая мысль. Мы можем заскочить по дороге домой и взять заявление.

Я улыбаюсь.

— Спасибо, Эйнс.

— Что еще за две вещи? Ты сказала их несколько.

— Во-вторых... завтра воскресенье, мой день с Белль. Я хотела спросить, не хочешь ли ты пойти с нами?

— С удовольствием, — ее лицо загорелось. — Что мы будем делать?

— В прошлые выходные мы водили ее в аквариум в Лонг-Бич, поэтому мы подумали, что в эти выходные мы пойдем в зоопарк.

На лице Эйнсли появилась забавная ухмылка.

— Звучит забавно.

Я бросаю на нее сомнительный взгляд.

— Почему ты делаешь такое лицо?

— Какое лицо?

Я тычу пальцем в ее сторону.

— Похоже, тебя позабавило что-то, что я сказала, но я не могу придумать ничего, что могло бы оправдать твое нынешнее выражение лица.

Она хихикает.

— О, ничего. Я просто представила, как вы с моим братом ведете маленькую девочку в аквариум. И в зоопарк. И в парк аттракционов. Кингстон всегда опекал меня, но я никогда не думала, что так скоро увижу его в роли папочки. Я думаю, это восхитительно, что вы создали

свою маленькую смешанную семью.

Я усмехаюсь.

— Это неправда. Он просто возит нас повсюду.

И платит за все. И очень мил с Белль, постоянно катая ее на спине. И делает все возможное, чтобы каждое воскресенье было моим любимым днем недели.

Черт бы побрал этого подлого ублюдка.

— Ладно, что дальше? — спрашивает Эйнсли.

Я улыбаюсь, радуясь, что переключилась на менее запутанную тему.

— Ну, у меня не было возможности сделать что-то в честь восемнадцатилетия, потому что... ну, ты знаешь. Я давно хотела сделать татуировку и всегда говорила, что сделаю это сразу после своего дня рождения. Я знаю одного замечательного художника, который предложил сделать это бесплатно. Я буду рада, если ты пойдешь со мной.

Эйнсли потирает руки.

— О, вот это я могу поддержать. Когда и где?

— Эм... тебе подходит сегодняшней день?

Она смеется.

— В самом деле? Ты можешь просто зайти для чего-то подобного?

Я качаю головой.

— Технически, да, но действительно хорошие художники заняты, насколько я понимаю, особенно по выходным. Но на днях я написала Каю, татуировщику, чтобы узнать, в силе ли его предложение. Он сказал, что у него сегодня отмена, если я хочу заскочить к нему в пять часов.

— Я полностью согласна, — она смотрит на время на своем телефоне. — Где это? Как думаешь, долго ехать?

Теперь, вот часть, с которой я не уверена, что она будет так спокойна.

— Это в моей старой лесной глуши, что займет около часа или около того, в зависимости от пробок. Магазин находится прямо между Уоттсом и Комптоном.

— Хорошо. Значит, если мы выедем в половине четвертого, то точно доберемся туда вовремя?

Я несколько раз моргаю, честно говоря, удивленная, что она так быстро согласилась.

— Эээ... да. Это должно быть хорошо.

Эйнсли отправляет в рот очередную порцию жареной картошки.

— Это свидание.

— А вот и мы, Атлас Инк, — Эйнсли ставит машину на стоянку и выключает зажигание. Она оглядывает парковку торгового центра, осматривая окрестности. — Ого. Желтый Lamborghini как-будто бы бросается в глаза, да?

Я чувствую себя идиоткой, не подумав о культурном шоке, который, должно быть, переживает Эйнсли. Я представляю, что это похоже на то, что я чувствовала, переезжая в страну Кардашьян, только наоборот. Мне нравится, что она даже не колебалась, когда я попросила ее поехать со мной. Кто-то вроде Пейтон, наверное, рассмеялся бы и неудачно пошутил, что не хочет, чтобы его подстрелили. Да, в этом районе много преступности, но большинство людей, которые здесь живут, трудолюбивые и честные. У них сильно развито чувство общности, и они заботятся о себе сами. Детство в Уоттсе сделало меня такой, какая я есть, и независимо от почтового индекса я всегда буду гордой девушкой из Южного

Центра.

— Все будет хорошо. Магазин достаточно маленький, чтобы мы могли видеть его все время. Если кто-то начнет подкрадываться, Кай о нем позаботится.

Эйнсли улыбается, по-видимому, удовлетворенная.

— Откуда ты узнала об этом месте?

Я киваю в сторону чертовски горячего мужчины, прислонившегося к зданию и наблюдающего за нами.

— Малакай — старший брат моего бывшего.

Эйнсли поглощает его взглядом.

— Черт, подруга. Его брат хоть немного похож на него? Если да, то какого черта вы расстались?

— У них три года разницы, но их постоянно принимают за близнецов.

Ее брови приподнимаются.

— Я спрошу еще раз. *Какого черта* вы расстались? Он выглядит как молодая, крутая версия Идриса Эльбы, черт возьми!

Я смеюсь.

— Верно? Я все время им это говорила.

— А если серьезно, что случилось? Почему вы расстались?

Я кусаю кончик ногтя большого пальца.

— Когда моя мама умерла, я просто не могла с этим смириться, понимаешь? Я попала в систему, от меня оторвали сестру, и я понятия не имела, что будет дальше. Я сказала ему, что мне нужно пространство, чтобы собраться с мыслями, и он не стал спорить. Даже не написал. Я слышала, что через неделю он уже встречался с другой девушкой.

Эйнсли одаривает меня сочувственной улыбкой.

— Мне жаль.

— Ничего страшного, честно говоря. Я не была влюблена в него или что-то в этом роде. То есть, он был мне очень дорог, но он всегда был больше другом, чем парнем. Он старше меня на несколько лет, но в детстве мы были соседями, так что знали друг друга всегда. Он хорошо ко мне относился, он так выглядел, и он был рядом, так что...

— Значит... вы двое сношались, как кролики, когда было настроение?

Я пожимаю плечами.

— В значительной степени. Когда моя мама умерла, Шон — так его звали — не предпринял никаких усилий, чтобы утешить меня. Может быть, он просто не знал, что сказать, но тот факт, что он даже не попытался, стал для меня большим открытием. Это одна из причин, по которой я так и не решилась связаться с ним после переезда в Хидден-Хиллз. Он неплохой парень — на самом деле он очень милый и с ним весело проводить время — просто он эмоционально заторможен в отношениях, я думаю.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, нам стоит перестать говорить о глупых мальчишках и сделать тебе татуировку.

Эйнсли — надежное плечо, на котором можно поплакаться, когда тебе это нужно, но она также надежна в том, что фокусируется на более светлой стороне. Это одна из моих любимых черт в ней. Мне сейчас нужна вся легкость, которую я могу получить в своей жизни прямо сейчас.

Я усмехаюсь.

— По-моему, звучит неплохо.

Малакай широко улыбается мне, когда мы подходим к магазину, и жестом предлагает подойти и обняться.

— Ты выглядишь охуенно без кепки.

Я крепко сжимаю его, прежде чем отстраниться.

— Ты тоже, Кай.

Кай окидывает Эйнсли оценивающим взглядом.

— А кто эта очаровательная леди?

Я жестом показываю на Малакаю.

— Эйнсли, это Кай Купер, — я киваю головой в сторону Эйнс. — Кай, это Эйнсли Дэвенпорт. У нее есть мужчина, так что не надо никаких идей.

Он поднимает руки вверх в знак капитуляции.

— Хорошо, больше ничего не говори. Приятно познакомиться, Эйнсли Дэвенпорт. У тебя классная тачка.

Щеки Эйнсли розовеют под его взглядом. Я полностью ее понимаю; он не раз заставлял меня краснеть. Этот человек может очаровать практически любую, не снимая с нее трусики.

— Мне тоже приятно с вами познакомиться, — застенчиво говорит она. — И спасибо.

— Дамы, проходите в мою скромную обитель, — Кай отходит в сторону, чтобы мы могли войти в тату-салон.

Я киваю головой в такт песне Нипси Хассл — «The Life», которая звучит из верхних динамиков. Боже, это место навевает воспоминания. Мы с Шоном проводили здесь много времени, просто отдыхая, когда Белль была на детском празднике или у моей мамы был выходной. Я вижу, что ничего не изменилось, и это успокаивает, учитывая, сколько перемен произошло в моей жизни за последнее время. В углу по-прежнему стоит небольшая стойка администратора, а стены покрыты фотографиями в рамках, на которых изображены различные дизайны. В центре этажа оборудовано рабочее место, где Кай принимает большинство своих клиентов, но я знаю из предыдущих посещений, что в задней части есть комната для тех, кто делает татуировки в местах, которые не должны быть видны широкой публике.

Малакай всегда держит это место в первозданном состоянии — я, наверное, могла бы есть с этих полов. Как по мне, это огромный плюс при выборе тату-салона. Кай — настоящий художник, и он гордится этим, но он также проницательный бизнесмен. Он купил салон, когда тот переживал трудности, и с тех пор, как он внес небольшие изменения в его работу, дела идут очень хорошо. Это также дало ему цель, которая уберегает его от неприятностей. Был момент, когда он мог легко пойти в другом направлении.

Из подсобки выходит крепкий парень с окладистой бородой. Он выглядит как большой, страшный байкер, но на самом деле он плюшевый медвежонок.

Мужчина улыбается, демонстрируя ряд белых, идеально ровных зубов.

— Ну, будь я проклят. Прошла целая минута с тех пор, как я видел твое прекрасное лицо. Посмотри на себя, красотка.

Я смеюсь, когда он заключает меня в объятия.

— Привет, Тай.

Тайсон — деловой партнер Малакаю и его коллега-художник. Он также дядя, о котором я упоминала ранее.

Тай отстраняется, держась за мои плечи.

— Что привело тебя в этот район, Жас?

— Мне недавно исполнилось восемнадцать, и я хотела сделать свою первую татуировку. Ходят слухи, что Кай — лучший в городе.

— Чертовски верно, — хвастается Малакай.

Тай смеется.

— Детка, этому парню не нужно повышать самомнение. Его чертова голова и так едва пролезает в дверь.

Кай отмахивается от дяди в ответ.

Эйнсли пытается подавить смех, но ей это не очень удается.

Я наклоняю голову в ее сторону.

— Тайсон, это моя подруга, Эйнсли.

Большая рука Тая накрывает ее ладонь, когда они пожимают друг другу руки.

— Приятно познакомиться, красотка, — он снова поворачивается ко мне. — Я слышал, ты переехала в большой дом на холмах. Почему ты вернулась? Я уверен, что у богатых людей там полно модных художников, — он подмигивает Эйнсли. — Без обид, красавица.

Она улыбается.

— Никаких обид.

Я скрещиваю руки на груди и прищуриваю глаза, когда Тай снова обращает на меня внимание.

— Потому что это мой дом. Здесь мои корни, и это никогда не изменится. У тебя с этим проблемы?

Его губы изгибаются.

— Нет, детка. Я просто хочу убедиться, что ты все та же старая Жас, которую мы знаем и любим. И судя по тому, как ты стреляешь в меня огненными шарами из этих красивых карих глаз, я бы сказал, что сомнений нет.

Мои губы подрагивают.

— Ну, пока все чисто.

— Ладно, хватит светских бесед, Тай. У некоторых из нас есть работа, — Малакай перекидывает руку через мое плечо и ведет меня к креслу для клиентов.

— Устраивайтесь поудобнее, пока я все подготовлю, — он берет стул из зоны ожидания и придвигает его ближе. — Эйнсли, хочешь посмотреть?

Глаза Эйнсли расширяются.

— В самом деле? Я не буду мешать?

Кай качает головой.

— Неа. Это круто.

Тайсон направляется в заднюю часть магазина, а Эйнсли занимает место рядом со мной.

Кай начинает копаться в своей тележке, раскладывая сверху все, что ему нужно.

— То же место, о котором мы говорили?

— Да, — подтверждаю я.

— Итак, ты собираешься сказать мне, что тебе сейчас сделают? — спрашивает Эйнсли. — И где?

Она задавала этот вопрос не меньше дюжины раз по дороге сюда. Я хотела, чтобы она сначала увидела дизайн и объяснила его значение, чтобы она не подумала, что это самовлюбленный выбор с моей стороны.

Я улыбаюсь.

— Увидишь.

Малакай поднимает брови — вероятно, удивляясь секретности, — но ничего не говорит, готовя свой тату пистолет. Около года назад у Кая был перерыв между клиентами, и я рассказала ему, что мне нужно. Менее чем за пять минут он нарисовал именно то, что я видела в своем воображении. Этот парень безумно талантлив в воплощении идей в жизнь. Дизайн, который я выбрала, изящен и прост на вид, но тяжелый по содержанию.

Кай поворачивается в своем кресле лицом ко мне.

— Ты готова?

— Да, — киваю я.

Он поднимает мою руку и кладет ее на мягкий табурет, покрытый полиэтиленовой пленкой. Проведя спиртом по коже, он берет одноразовую бритву и проводит ею по тому же месту.

— Для чего нужна бритва? — спрашивает Эйнсли. — У нее точно не волосатые руки.

— Волосы на теле есть почти у всех, независимо от того, насколько они заметны. Это обеспечивает чистоту рабочей поверхности, — объясняет Кай.

— Хм, — размышляет Эйнсли. — Много ты знаешь.

Он берет флакон прозрачного дезодоранта и проводит им по месту, о котором мы договорились, прежде чем взять бумагу для переноса и прижать ее к моей руке на несколько секунд. Кай осматривает свою работу после отклеивания бумаги и поворачивает мою руку так, чтобы я могла ее видеть.

— Как ты думаешь, так нормально? — спрашивает он.

Я рассматриваю маленький цветок, который тянется примерно на два дюйма вниз по боковой стороне моего предплечья, начинаясь прямо под запястьем.

— Это прекрасно.

Эйнсли вытягивает шею, чтобы лучше видеть.

— Цветок? Это очень красиво.

— Не просто цветок, — поправляю я. — Это цветок жасмина.

Эйнсли хихикает.

— На случай, если ты напьешься и забудешь свое имя?

Я качаю головой.

— Нет, умник. Это был любимый цветок моей мамы. Она постоянно называла меня своим сладким цветком. К тому же, это официальный цветок Филиппин, так что это дань уважения нашему наследию.

Она одаривает меня улыбкой с закрытым ртом.

— Мне нравится, Жас. Он идеален.

— Спасибо.

Малакай берет свой пистолет и кладет мою руку обратно на табурет.

— Ты готова? Сначала будет щипать — особенно в районе запястья, так как это одно из самых чувствительных мест.

— Конечно, теперь ты мне расскажи, — ворчу я.

Он смеется.

— Независимо от этого, мне нужно, чтобы ты оставалась как можно более неподвижной, если не хочешь, чтобы я все испортил.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю.

— Давай сделаем это.

Кай кивает и приступает к работе. Он прав: поначалу иглы щиплют, но я быстро привыкаю, пока он очерчивает цветок. Боль не такая сильная, как я ожидала. Возможно, мой порог повысился после недавних... событий.

— Улыбнись! — Эйнсли протягивает свой телефон, чтобы сделать наше селфи.

Я подчиняюсь и жду, пока она сделает снимок, прежде чем заговорить.

— Для чего это?

— Детка, мы здесь делаем воспоминания, — Эйнсли поворачивает свой телефон ко мне лицом, показывая мне свою страницу в Инстаграм. — Я должна была выложить это в Инсту. Я подумала, что Малакай не будет возражать, если я отмечу магазин, верно?

— Бесплатная реклама — всегда хорошая реклама, детка, — соглашается Кай. — Еще лучше, если магазин рекламируют две такие прекрасные леди, как вы.

Я закатываю глаза.

— Ты же помнишь, что она занята, верно? И не кажется ли тебе, что ты немного староват?

Кай смеется.

— Во-первых, мне двадцать четыре. Это не старость. Во-вторых, кто сказал, что Эйнсли — это та, кого я пытаюсь очаровать?

— Ну, уж точно это не я.

Он приподнимает брови.

— Почему нет?

— Потому что я встречалась с твоим братом.

— И что? — он пожимает плечами. — У меня есть глаза, и ты больше не приманка для тюрьмы. В чем проблема? Ты тоже занята?

Я зажимаю нижнюю губу между зубами.

— Эм... это сложно.

Телефон Эйнсли пикает от текстового оповещения, и она смеется.

— Кстати, о сложностях... его уши, должно быть, горят. Или, что более вероятно, он просто увидел мой пост, — она проводит большими пальцами по экрану, предположительно отвечая на сообщение брата. — О, кто-то раздражен.

Полные губы Кая кривятся, пока он работает над тенью на листьях.

— Черт, это похоже на историю, которую я должен услышать.

— Может, в другой раз...

Звонок над входной дверью звякнул, заставив нас троих поднять головы.

Дерьмо.

— Чья это милая тачка у входа? — спрашивает мужчина.

Глаза Эйнсли расширяются, очевидно, она знает, кто этот новоприбывший, по его сходству с братом. Ему требуется мгновение, но как только взгляд Шона останавливается на мне, его челюсть отвисает.

— Жас. Что ты здесь делаешь?

Я жестом показываю на свою руку.

— То, ради чего люди сюда приходят.

Шон преодолевает расстояние между нами за несколько шагов и рассматривает мои чернила в процессе нанесения.

— Мило. Тебе идет.

— Спасибо, — бормочу я.

— Разве это не тот же дизайн, который Кай набросал некоторое время назад?

Я киваю.

— Да, это он.

Никто из нас не произносит ни слова в течение минуты. Господи, как неловко. Какой здесь протокол? Это парень, с которым я потеряла девственность. Это то, что ты всегда чувствуешь, когда сталкиваешься с бывшим? Я должна притвориться, что этот парень никогда не был внутри меня? Странно, но я даже не могу вспомнить, на что был похож секс с Шоном, и это помогает, но я не могу отрицать, что это произошло. Множество раз.

Он встречается взглядом с Эйнсли.

— Я Шон. Ты подруга Жас?

— Самая лучшая, — отвечает она. — А ты — бывший.

На лице Шона появляется ехидная ухмылка.

— Она упомянула меня, да? Все хорошее, я уверен.

Эйнсли приподнимает брови.

— Что-то вроде этого.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Кай у своего брата.

— Я только что с работы, — отвечает Шон. — Зашел узнать, не хочешь ли ты перекусить.

— Как видишь, я с клиентом.

Шон пододвигает стул и садится рядом с Малакаем.

— Все в порядке. Я не против подождать, — его глаза блуждают по моему лицу и устремляются на юг, задерживаясь на моей груди. — Не могу превзойти этот вид. Черт, Жас, ты просто загляденье. Я почти забыл, как ты прекрасна.

— Спасибо. Наверное.

— Как дела, детка?

Я свирепо смотрю на него.

— Я не твоя детка

Шон поднимает руки вверх, его глаза цвета виски забавно блестят.

— Значит, все так, да? Приятно видеть, что ты по-прежнему сексуальна. Знаешь, меня просто заводит, когда ты в таком состоянии.

— Даже легкий ветерок бы тебя бы возбудил, — парирую я.

— Почему ты должна быть такой, детка? Ты порвала со мной, помнишь? И, насколько я помню, тебе тоже не потребовалось много времени, чтобы уйти, — Он подчеркивает свое заявление подмигиванием.

— Ладно, парень, ты высказал свою точку зрения, — говорит Малакай. — Перестань ставить девушку в неловкое положение, или убирай свою задницу на улицу.

Шон наклоняет голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Да ладно, Жасмин. Ты знаешь, что я играю. Слушай, прости меня, ладно? Это то, что ты хочешь услышать? Мы были друзьями когда-то, ты знаешь. Нет причин, по которым мы не можем быть ими снова, — он выпячивает нижнюю губу, с преувеличением надувая их. Я пытаюсь не улыбнуться, потому что он выглядит так нелепо, но у меня не получается. — Ну же, детка. Будь моим другом, пожалуйста. Когда ты закончишь здесь, мы сможем перекусить кесадильями, которые ты так любишь, из фургончика Кита. Я угощаю тебя — считай это предложением мира.

Черт бы его побрал. Он знает, что я не могу устоять перед кесадильей от Кита. И как бы

мне ни было неприятно это признавать, он прав. Мы долгое время были друзьями, прежде чем начали спать вместе. Шон знал меня лучше, чем кто-либо другой. С ним всегда было так легко находиться рядом. Думаю, я не вижу ничего плохого в том, чтобы немного побыть вместе, особенно с Эйнсли и Каем.

Я смотрю на Эйнсли, и она кивает в знак одобрения.

— Хорошо. Но я хочу кесадилью и несколько тако.

Улыбка Шона растягивается от уха до уха.

— Договорились.

20. Кингстон

Меня сводит с ума то, что Жас и Эйнсли сейчас находятся на юге Лос-Анджелеса. У меня было искушение поехать туда, но, зная Жас, она схватит меня за яйца, и это принесет больше вреда, чем пользы. Она только начала впускать меня обратно, и я не могу все испортить. Я должен постоянно напоминать себе, что Жас знает этот район лучше, чем я могу надеяться, и она никогда не подвергнет мою сестру опасности.

Но все же, почему они проделали весь этот путь ради татуировки? И когда Жас вообще решила сделать ее? Не могу сказать, что мысль о том, что у нее есть какие-то татуировки, меня не возбуждает, но мне не нравится, когда меня застают врасплох. Не сейчас, когда все итак витает в воздухе.

И еще, кто, блядь, эти парни? Я знаю, что один из них — художник, потому что он держал тату-пистолет на первой фотографии, которую выложила Эйнсли. Но почему все четверо тусуются вместе в гребаном тако? Мне не нравится, как второй парень смотрит на Жас. Его глаза прикованы к ней на каждом снимке, словно он не может заставить себя отвести взгляд. Я просматриваю последний пост Эйнсли и, конечно же, убеждаюсь, что этот гребаный самородок все еще раздевает Жас глазами. О, черт. Я знаю этот взгляд. Этот придурок, без сомнения, знает, что у нее под одеждой. Моя сестра действительно отметила обоих парней, поэтому я делаю единственное, что сделал бы человек в моей ситуации: просматриваю страницу этого ублюдка.

Через две секунды после просмотра фотографий Шона Купера я очень жалею, что сделал это. Сегодня вечером он выложил свои фотографии, но на его снимках были только он и Жас. Первая подпись гласит: «Ем мои любимые тако с моей любимой девушкой». Как будто этого недостаточно, Жас прижимается к нему с широкой улыбкой на лице. Мне не нужно слишком углубляться в ленту этого засранца, чтобы найти гораздо больше фотографий этих двоих, сделанных несколько месяцев назад. Более чем на половине из них этот ублюдок прижимается губами к Жас, или его конечности обвиваются вокруг нее, как чертов осьминог. Очевидно, что у этих двоих есть своя история, и мне это ни капельки не нравится. Несмотря на то, что она не очень любит социальные сети, я проверяю страницу Жас, но там не было никаких недавних постов.

Я знал, что Жас не была девственницей до нашей встречи, но знать, что она трахалась с кем-то еще, и видеть, с кем она трахалась, — это две совершенно разные вещи. Да, я лицемер, учитывая, что Жас приходится жить с девушкой, которую я трахал бесчисленное количество раз, и эта девушка любит втирать мне, но этот факт сейчас только усиливает мою ярость. Я сжимаю свой телефон так крепко, что удивляюсь, как он еще не треснул пополам. Достаточно того, что мне приходится иметь дело с ситуацией с Бентли, но теперь я должен беспокоиться о слишком дружелюбном бывшем?

Вся эта чушь о ревности для меня так нова, что я не знаю, что с ней делать. Клянусь Христом, моя сестра запечатлела всю их ночь на своей странице в Инстаграм только для того, чтобы поиздеваться надо мной. Она чертовски хорошо знает, что я бы свел себя с ума.

Я сжимаю в кулак свои волосы, расхаживая взад-вперед.

— Блядь!

Мой телефон начинает жужжать, я смотрю вниз и вижу, что звонит мой частный детектив.

— Что?

— Я застал тебя в неподходящее время?

Я качаю головой, хотя он меня не видит.

— Нет. В чем дело, Джон?

— Слежка за Мэделин Каллахан наконец-то к чему-то привела, — говорит он.

Я сажусь на диван, прижимая телефон к уху.

— Что ты получил?

— За последние несколько недель она несколько раз приходила в одно и то же место в финансовом районе, но это жилой дом, поэтому у меня не было возможности узнать, к кому она приходила. В среднем она остается на один-два часа, а потом уходит и едет прямо домой.

— Хорошо... и?

— И... на днях мне удалось проскользнуть мимо швейцара, и мы с Мэдлин случайно в одном лифте поднялись вместе на двадцатый этаж. Она пошла налево, а я направо, но я задержался достаточно, чтобы увидеть, в какую дверь она вошла. Попробуй угадать, на кого оформлен договор на квартиру двадцать-десять.

— Я ни хрена не догадываюсь, Джон. Просто скажи мне.

Я практически слышу его улыбку по телефонной линии.

— Им владеет не кто иной, как Davenport Boating Incorporated.

— Это здание на Уилшире?

— Точно, — подтверждает он.

— Это корпоративная квартира моего отца. Предполагается, что она служит местом, где останавливаются крупные клиенты или поставщики, которые приезжают в город, но я уверен, что мой отец использует ее как свою личную площадку для траха.

— Я бы сказал, что твои предположения верны, исходя из того, что я только что увидел, просматривая запись. Я бы также сказал, что справедливо предположить, что он регулярно трахает миссис Каллахан.

Черт возьми.

— Секундочку... *какую* запись?

— К счастью, у меня была с собой маленькая камера, когда я последовал за ней в здание. Никогда не выходи из дома без нее, верно? В любом случае, я установил ее на светильник на противоположной стене, направив на дверь двадцать десять. Я просмотрел запись и увидел, как Мэделин Каллахан покидает квартиру, но не раньше, чем подарит твоему отцу *очень дружеский* прощальный поцелуй. И когда я говорю «дружеский», я имею в виду, что они засунули языки друг другу в горло, а он гладил ее задницу.

Мерзость. Я мог бы прожить всю жизнь без этого зрелища.

Я выбрасываю эту мысль из головы.

— К сожалению, я не могу сказать, что удивлен, но это может быть и хорошо.

— Как это?

— У Чарльза Каллахана и моего отца один и тот же устаревший идеал того, как должна вести себя жена. По их мнению, два самых больших проступка, которые может совершить жена, — это не раздвигать ноги, когда муж хочет кончить, или супружеская измена. Оба эти проступка являются основанием для серьезных последствий. Черт возьми, мой отец в настоящее время подает на развод со своей четвертой женой, потому что Ванесса решила, что если он может ей изменять, то и она может делать то же самое с ним. Если Мэделин трахается с моим отцом, я могу гарантировать, что Чарльз об этом не знает. А когда он узнает, дерьмо разлетится по всей округе.

— Итак, что ты хочешь сделать?

Я задумываюсь на мгновение.

— Давай задержимся и понаблюдаем некоторое время. В наших интересах пока держать Чарльза в неведении, но собери все кадры, где они в компрометирующих позах, для того, чтобы в нужный момент они оказались на виду. Я не могу допустить никаких разногласий между ними, если есть хоть какой-то шанс попасть в их в поле зрения. Я слишком близко.

— Ты получишь это.

— А что насчет Пейтон? — спрашиваю я. — Есть что-нибудь о ней?

— Ничего особенного. Обычные будни богатой девочки-подростка: школа, шопинг, спа и общение. В последнее время она проводит больше времени в резиденции Гейлов, но ты уже знаешь причину этого.

— Верно. — киваю я. — Не спускай с нее глаз. Есть новости от твоего знакомого в полицейском управлении?

Джон прочищает горло.

— Это пока не официально, но они прекращают расследование, пока кто-нибудь не сообщит новую информацию. Они утверждают, что зашли в тупик.

— Как это может быть? — я провожу рукой по волосам. — Я знаю, что это департамент маленького городка, но как они могли до сих пор ничего не найти? Прошло уже пять недель.

— Согласно моему источнику, в отчете будет указано, что они исчерпали все свои ресурсы и не имеют достаточно доказательств. Они говорят, что стихия, скорее всего, не помогла. Из-за опавших листьев и сильных ливней, которые обрушились на гору, все полезное, скорее всего, было смыто. Поскольку Жас не сказала копам, что у преступников есть работодатель, им больше негде искать.

— Черт, — я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. — Что нам делать дальше? Как ты думаешь, ей стоит рассказать им о работодателе?

— Нет, не думаю. Я думаю, она должна позволить им закрыть это дело.

— С хрена ли ей это делать?

Джон громко вздыхает.

— Потому что они что-то скрывают. Мой источник лично присутствовал, когда они прочесывали место преступления. Они обнаружили две пары свежих следов, уходящих в сторону от места происшествия, и оба, судя по размеру и форме обуви, были мужскими. Были собраны фотографии и почвенные улики. Где-то по пути они волшебным образом исчезли.

— Ты, должно быть, шутишь, — бормочу я.

— Боюсь, что нет. Когда мой источник задал этот вопрос, ее начальник притворился полным невеждой и сказал, что она, должно быть, ошиблась. Единственные отпечатки

пальцев или следы ДНК, которые у них есть, принадлежат тебе и Жасмин, — Джон прочищает горло. — Кингстон, здесь определенно замешан кто-то с деньгами и влиянием. Кого ты знаешь, кто подходит под это описание?

— Черт, — я провожу рукой по лицу. — Ты думаешь, мой отец или Каллахан наняли этих людей?

— Вполне возможно. По крайней мере, я думаю, что один из них знает, кто это сделал, и они помогают это скрыть.

— Так что, черт возьми, нам делать?

— Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это продолжать вести себя нормально. То же самое касается и Жасмин. Ходите в школу, на вечеринки и все остальное, что вы делали до того, как на нее напали. Не вызывайте подозрений, но держите глаза и уши открытыми. Если эти люди думают, что им все сошло с рук, они становятся самоуверенными, а это приведет к тому, что люди становятся неаккуратными. По моему профессиональному мнению, это ваш лучший шанс.

— Почему мой отец или Каллахан хотят смерти Жас? Эта часть не имеет для меня никакого смысла. Если они не хотели, чтобы она была рядом, зачем подавать заявление об установлении отцовства спустя почти восемнадцать лет? Жас никогда бы не узнала о существовании кого-либо из них.

— Но ни Каллахан, ни твой отец не могли знать этого наверняка. Насколько им известно, Жасмин не может быть в курсе — ее мать могла ей все рассказать, что объясняет камеру в спальне Жасмин. Возможно, Каллахан установил ее, чтобы следить за ней. Выяснить, что она знает, если вообще что-то знает.

— Жас подумала о том же, и как бы хреново это ни было, я бы предпочел, чтобы это было правдой, а не что кто-то подглядывает за ней.

— Я не думаю, что они хотят ее смерти — по крайней мере, пока они не подтвердят, что она представляет угрозу. Но я думаю, что Жасмин была права насчет того, что удар ножом был случайностью. Я думаю, кто-то пытался напугать ее, а не обязательно причинить телесные повреждения. Попытка изнасилования могла быть или не быть делом рук наемного убийцы, вышедшего из-под контроля.

— На днях мой отец сказал мне кое-что, что подняло некоторые вопросы. Этот придурок на самом деле спросил, не я ли организовал нападение, чтобы сбить ее с толку. Возможно, это была проверка, попытка определить, где моя преданность, прежде чем он признается в чем-либо. Уже несколько раз он задавал наводящие вопросы о ней. Он совершенно очевидно проявлял интерес к ее траху. Этот ублюдок фактически предложил ему присоединиться к нам. Было ощущение, что он намеренно провоцирует меня. Насколько я знаю, единственный раз, когда он видел Жас лично, был на званом ужине более двух месяцев назад. Мы с тобой оба знаем, что Престон Дэвенпорт — тот еще больной ублюдок, и ему нравятся молодые, но что-то здесь не так. Пейтон красива — и блондинка, что, похоже, является его предпочтением — но он ни разу не сделал ни одного намека о ней за все время, пока мы с ней были вместе. Я притворяюсь, но мой отец определенно подозревает, что у меня есть чувства к Жас. Может быть, это все одно большое испытание

— Может быть, — соглашается Джон. — А может, Пейтон наняла этих людей из-за ревности, а Каллахан или даже его жена ее покрывают. А может, мы хватаемся за соломинку, и это все не то. Нам нужно больше информации, Кингстон. Последнее, что мы хотели бы сделать, это разбрасываться обвинениями без абсолютной уверенности. Надеюсь,

новые жучки нам что-нибудь дадут.

— Черт. В воздухе столько шаров, и, похоже, с каждым днем становится только хуже.

Джон молчит так долго, что мне приходится проверить свой телефон, чтобы убедиться, что звонок все еще подключен.

— Джон? Ты все еще там?

— Да, я здесь. Просто задумался, — прочищает он горло. — Жасмин имеет поразительное сходство со своей покойной матерью, верно?

— До безумия.

— Когда я изучал прошлое Махалии, я в первую очередь обратил внимание на ее связь с Чарльзом. Думаю, мне нужно копнуть глубже.

— Если это поможет, мама Жасмин могла дружить с моей мамой, — предлагаю я. — Есть одна фотография, которую я нашел в старом альбоме.

— Ты можешь отсканировать ее и прислать мне?

Я киваю, потом вспоминаю, что он меня не видит, поэтому говорю: — Я сделаю это, как только мы повесим трубку.

— Хорошо. Посмотрим, что я смогу придумать.

Я начинаю идти к своему шкафу, чтобы достать фотоальбом.

— Ты ищешь что-то конкретное?

— Я еще не совсем уверен, — говорит он. — Но я думаю, что может быть еще один аспект, который мы не исследовали. И если это так, то Жасмин может оказаться в еще большей опасности.

— Черт.

— Мы разберемся с этим, Кингстон, — уверяет он меня. — Пришли мне эту фотографию, и я свяжусь с тобой как можно скорее.

Я кладу трубку, пересылаю фотографию Джону и удаляю сообщение. Я не могу просто сидеть на заднице и ждать, пока он мне ответит, поэтому я беру ключи и отправляюсь в путь.

21. Жас

— Что ты здесь делаешь? — нахмурилась я. — Пожалуйста, не убивай мое настроение прямо сейчас. На самом деле у меня был фантастический день, что редко случается, если только я не с сестрой.

Кингстон ждал меня на подъездной дорожке, когда Эйнсли высадила меня. Она уехала, одними губами произнесла «Удачи», прежде чем я успела ее остановить. Клянусь Богом, если Кингстон попытается упрекнуть меня за то, что я поехала с Эйнсли в Южный Центр, я вцеплюсь ему в горло.

— Я так рад, что вы с *Шоном* так здорово провели время.

Я закатываю глаза.

— Серьезно? Ты сейчас изображаешь ревнивого парня? Новость, Кингстон: ты не мой парень. Я сказала, что подумую об этом.

Я знала, что это произойдет, когда Эйнсли продолжила постить об этом в Инсту. Она отрицала это, но я уверена, что она пыталась разозлить своего брата.

— Кто он?

Я смотрю Кингстону прямо в глаза.

— Друг.

Его ноздри раздуваются.

— Друг, которого ты трахала.

Мои глаза сужаются.

— Почему это имеет значение?

— Потому что, блядь, имеет, — рычит он.

— Я не собираюсь вести этот разговор на моей подъездной дорожке.

Кингстон распахивает пассажирскую дверь своей машины.

— Садись.

Я усмехаюсь.

— Ты, должно быть, шутишь.

Его взгляд скользит по пассажирскому сиденью, затем возвращается ко мне.

— Да, этого не случится, — я складываю руки на груди.

В глазах Кингстона вспыхивает ярость, смешанная с похотью.

— Жас, садись в машину, пока я, блядь, не запихнул тебя в нее.

— Хотела бы я посмотреть, как ты попытаешься, — я уверена, что мое выражение лица совпадает с его.

Мои пальцы на ногах подгибаются от демонстрируемого альфа положения, но Кингстону уже следовало бы знать, что я не люблю, когда мной командуют.

Я визжу, когда руки Кингстона обвиваются вокруг меня, и он без труда поднимает меня с земли.

— Поставь меня на землю, ты, задница!

Он пытается усадить меня в машину, но я даю ему хороший отпор. Я чертовски хорошо знаю, что мы поднимаем достаточно шума, чтобы нас услышали в доме, но я не удивлюсь, если Чарльз смотрит в окно, наслаждаясь тем, что со мной обращаются грубо.

Зубы Кингстона смыкаются на мясистой части моего плеча, что дает ему элемент неожиданности, необходимый для того, чтобы затащить меня в машину. Замки немедленно защелкиваются, пока я сижу в шоке, держась за больное место.

Я наваливаюсь на него, как только он садится за руль.

— Ты только что укусил меня?

У этого ублюдка хватает наглости ухмыляться.

— Ты пыталась ударить меня коленом по яйцам. Что я должен был сделать? Считай это самообороной.

Моя голова откидывается на спинку сиденья.

— И что? Теперь ты собираешься меня похитить?

Он включает зажигание и переключает передачу.

— Пристегнись, детка.

Я бы хотела, чтобы моя голова осталась прикрепленной к телу, если мы попадем в аварию, поэтому я нехотя подчиняюсь.

— Ты напрасно тратишь время. Я просто попрошу Эйнсли отвезти меня домой, или пойду пешком.

Он смотрит на меня, сворачивая налево с моей подъездной дорожки, в противоположном направлении от его дома.

— Вот почему мы не едем ко мне домой, — он подмигивает.

— О, черт возьми!

Кингстон разражается смехом, пока я выпускаю череду проклятий.

— Я рада, что могу быть такой забавной, — я подбрасываю ему птичку. — Ты хотя бы собираешься сказать мне, куда мы едем?

Он проезжает через ворота, отгораживающие этот жилой комплекс от главной дороги, и поворачивает направо.

— К Бентли. Рид тоже там. Родители Бента сейчас на сафари в Намибии или что-то в этом роде, так что это место в нашем полном распоряжении.

— И почему я должна срывать вашу маленькую дружескую вечеринку?

Кингстон игриво вздергивает брови.

— Увидишь.

Черт, почему мои мысли автоматически устремляются в грязные места?

— Кингстон, ты это серьезно?

— Нам нужно поговорить, — язык Кингстона выскальзывает наружу, чтобы смочить губы, на что я совершенно не обращаю внимания. Да, точно. Я даже не могу убедить себя.

— О чем?

— Намного проще, когда мы будем все вместе, так что мне не придется повторяться.

— О, да ладно, ты не можешь оставить меня в таком состоянии.

Уголки его губ приподнимаются.

— Терпение, Жас. Мы почти пришли.

Я сверлю дырки в боковой части его по-дурацки сексуальной челюсти.

— Ты последний человек, который должен читать кому-то лекции о терпении.

Кингстон подъезжает к воротам другого поселка и вводит код. Я уверена, что жители не должны открыто делиться своими кодами доступа, но тот факт, что у Кингстона он есть, меня не удивляет.

Я никогда раньше не была в доме Бентли, поэтому мой взгляд блуждает, пока мы едем по его району. Темно, и большинство домов стоят дальше от дороги, поэтому я вижу в основном кустарники или просторные лужайки, что похоже на район, в котором живем мы с Кингстоном. Машина Кингстона едет по длинной подъездной дорожке и паркуется перед огромным особняком в испанском стиле. Кингстон открывает тяжелые деревянные двери, как будто он хозяин этого места, и я следую за ним, пока мы не останавливаемся в помещении, похожем на гостиную.

Я качаю головой, оглядываясь вокруг, задаваясь вопросом, смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к тому, что мои друзья живут в таких домах. Черт, или к тому, что я живу в таком доме. Я даже не касаюсь того факта, что входная дверь была оставлена незапертой. Меня не волнует, насколько безопасен ваш район; это дерьмо просто глупо.

— Бент! — кричит Кингстон. — Где ты?

— В игровой комнате! — кричит Бентли в ответ.

Кингстон наклоняет голову в сторону лестницы справа от нас, я понимаю намек и иду в том направлении. Когда мы поднимаемся на второй этаж, он ведет меня по коридору, пока мы не доходим до открытой двери. Я заглядываю внутрь и вижу, что Бентли и Рид играют в какую-то игру перед самым большим телевизором, который я когда-либо видела.

Бентли улыбается, когда видит меня.

— Жасси Жас! — он бросает контроллер Xbox на стол перед собой, подходит ко мне и обнимает меня. — Ты хорошо выглядишь в моем доме, малышка. Тебе следует приходить ко мне почаще, но в следующий раз избавься от пещерного человека.

Я хихикаю, стараясь не показать, что нюхаю его вкусный одеколон.

— Привет, Бент.

— Очень смешно, придурок, — бормочет Кингстон, вытаскивая меня из объятий Бентли.

Бентли бросает на Кингстона недовольный взгляд и подходит к мини-бару в углу.

— Какой тебе яд, Жас? У меня есть водка, виски, текила, пиво, ганджа...

Я поднимаю руку, чтобы остановить его болтовню.

— Просто вода подойдет.

— Скуучно, — нараспев произносит Бентли, бросая бутылку воды в мою сторону. — Дэвенпорт?

— Макаллан, — глаза Кингстона встречаются с моими. — Ты уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче?

— Уверена, — отвечаю я. Употребление алкоголя в окружении этих парней всегда приводит к неприятностям.

Кингстон принимает напиток от Бентли и осушает его одним махом. Он протягивает стакан, чтобы налить еще, и делает это снова. Тем временем Бентли заглатывает по меньшей мере три плотка виски из своего стакана. Ух ты, как здесь напряженно. Похоже, именно я должна привести в ситуацию немного легкомыслия.

— Стоп, парни, — я толкаю Кингстона в плечо. — Хотите выпить, чтобы иметь возможность развлечься друг с другом?

Бентли смеется.

— Принцесса, если Дэвенпорт хочет отсосать у меня, то спиртное не нужно. Ему просто нужно сказать, что я красавица, и я с радостью сделаю это для него.

Кингстон усмехается.

— Пошел ты, Фицджеральд. Если кто и будет держать член во рту в такой ситуации, так это ты.

Бентли посылает ему воздушный поцелуй, на что получает ответ в виде среднего пальца.

Я смеюсь, когда замечаю, как Рид качает головой, бормоча: — Идиоты.

Кингстон делает шаг вперед и осторожно берет меня за руку.

— Дай мне посмотреть.

Мне требуется мгновение, чтобы понять, о чем он говорит.

— Все прикрыто, — я киваю на пленку, которой заклеена моя новая татуировка, как каким-то странным пластырем.

— Так сними ее, — судя по тому, как Кингстон смотрит на меня сейчас, я не уверена, что он говорит о пленке.

— Я должна промыть ее и нанести мазь, когда сниму пленку, — Боже, неужели я могу показаться еще более неловкой? Как будто ему есть дело до моих инструкций по уходу.

— Мы сейчас вернемся, — говорит Кингстон ребятам, ведя меня через холл в ванную.

Чтобы снова не поставить себя в неловкое положение, я разматываю повязку и промываю татуировку водой с мылом. Кингстон подходит ко мне сзади, когда я достаю из кармана тюбик A&D, и я вижу его ухмылку в зеркале, когда я вздрагиваю от близости. Боже, как я ненавижу то, что рядом с ним у меня нет никакой игры. Он превращает меня в безмозглую сучку в период течки одним лишь своим существованием. Я не могу перестать думать о том, что произошло после вечеринки Пейтон, и как сильно я хочу сделать это снова.

Кингстон наблюдает через мое плечо, как я вытираю руку насухо и начинаю наносить

мазь на свежие чернила. Как только я заканчиваю, он берет мою руку и поднимает ее, чтобы рассмотреть поближе. Его палец легонько проводит по рисунку, стараясь не задеть татуировку.

— Это жасмин, не так ли?

— Да. — Не буду врать, я поражена, что он это знал. — Они были любимыми у моей мамы. Она называла меня своим сладким цветком.

Мои глаза слезятся, как это обычно бывает, когда я вспоминаю счастливые воспоминания, связанные с моей мамой. Я надеюсь, что однажды я смогу думать о ней и улыбаться, но сейчас эти воспоминания лишь напоминают мне о том, что я никогда больше не испытаю таких переживаний. Я никогда больше не услышу от мамы ни единого слова, не говоря уже о том, чтобы использовать ее любимое ласковое выражение. Боже, я так сильно скучаю по ней, что мне физически больно. Я ненадолго зажимаю глаза, чтобы сдержать слезы.

Кингстон все еще проводит пальцем по моей руке, оставляя мурашки по коже.

— Это идеально.

Мои губы изгибаются в мягкой улыбке.

— Это именно то, что сказала Эйнсли.

Я никогда не верила в теорию о том, что мозг близнецов связан друг с другом, пока не познакомилась с Кингстоном и Эйнсли. Какими бы разными ни были их характеры, они обладают удивительной способностью знать, о чем думает другой. Эйнсли однажды сказала мне, что она даже чувствует, когда ее брат обижен или очень расстроен. Их связь нельзя объяснить научно, но я в это твердо верю.

Кингстон возвращает мне ухмылку в зеркале.

— Это потому, что она умная. Очевидно, мой интеллект передался ей еще в утробе матери.

— Откуда ты знаешь, что не наоборот?

— Потому что я старше и крупнее. У меня даже где-то есть фотография, которая это доказывает. Моя пуповина была в два раза толще, чем у нее, а это значит, что я получал больше питательных веществ внутриутробно.

Я усмехаюсь.

— Почему я не удивлена, что ты не умел делиться даже тогда?

Веселье исчезает из зеленовато-золотых глаз Кингстона, когда его пальцы обвиваются вокруг моих плеч.

— Это недавнее событие. Раньше я никогда ни о чем не заботился настолько, чтобы чувствовать себя собственником.

Мои глаза ищут его.

— Почему у меня такое чувство, что мы говорим не об игрушках?

— Потому что это не так, — говорит он как ни в чем не бывало.

Он слегка отступает назад, чтобы я могла повернуться.

— Кингстон...

— Жас.

У меня перехватывает дыхание, когда его руки обхватывают мои бедра, и он опускает голову.

— Разве ты... разве ты не говорил, что тебе нужно поговорить со мной о чем-то?

Кингстон кивает.

— Говорил.

— Итак... — его руки сгибаются, кончики пальцев разминают округлости моей задницы. — Разве мы не должны, эээ, сделать это? Поговорить, я имею в виду?

Я чувствую запах виски в его дыхании, когда губы Кингстона нависают над моими. Боже, было бы так легко сократить этот разрыв.

— Да, мы должны.

— Если ты собираешься меня за что-то отчитывать, то можешь оставить это при себе. — Черт, почему это прозвучало с таким придыханием, когда я собиралась быть твердой?

— Я не собираюсь тебя отчитывать, Жас.

Вот это сюрприз.

— Действительно? — я уверена, что скептицизм отражается на моем лице. — Ты не собираешься зачитать мне акт о беспорядках за то, что я отправилась ночью в такое опасное место с твоей сестрой на буксире?

Голова Кингстона медленно качнулась влево, затем вправо.

— Ты знаешь, что ты там делаешь, и я верю, что ты не поставишь Эйнсли в компрометирующее положение.

— Хм, — я несколько раз моргаю, не совсем понимая, что сказать. — Так ты собираешься рассказать мне, что происходит, или будешь стоять и смотреть на меня всю ночь?

Глаза Кингстона встречаются с моими.

— Смотреть на тебя всю ночь — не самый плохой способ скоротать время, но у меня есть новая информация, которой я хочу поделиться. Знаешь, в интересах полного раскрытия информации.

Я вскидываю бровь.

— Разве ты не сказал, что хочешь, чтобы ребята тоже слышали?

— Говорил. Но сначала мне нужно сделать кое-что еще.

Я прикусываю губу.

— Ладно, что...

Мои мысли обрываются, когда Кингстон прижимается своими губами к моим. Сначала поцелуй нежный, совсем не похожий на наши обычные бешеные совокупления. Он не торопится, исследует мои губы, прежде чем потребовать проникновения. Кингстон стонет, когда я проникаю языком в его рот, хватаю его за шею и притягиваю ближе.

Почему поцелуи с этим мужчиной ощущаются всем телом? Все мои чувства находятся в состоянии повышенной готовности. Мои трусики уже до неприличия мокрые. Мое сердце бешено колотится, когда рот Кингстона движется вдоль изгиба моей шеи. Он растягивает хлопок моей футболки, покусывая и покусывая дорожку к моему недавно оголенному плечу. Я не произношу ни слова жалобы, когда Кингстон стягивает мою футболку через голову и бросает ее на пол.

Он опускает голову на мое плечо и стонет, когда я тереблю его эрекцию через брюки.

— Блядь, Жас. Я стараюсь не быть эгоистичным мудаком, но ты мне так чертовски нужна. Мне нужно почувствовать что-то хорошее посреди всего этого дерьма.

Мне знакомо это чувство. Секс с Кингстоном — единственное, что приносит мне облегчение от оглушительного шума, бушующего в моей голове, по крайней мере, на время. Вместо того чтобы выразить это словами, я решаю, что действия громче слов. Я расстегиваю

пуговицу на его джинсах и расстегиваю молнию. Моя рука проскальзывает под боксеры, обхватывает его член и несколько раз проводит по нему вверх-вниз. Кингстон подсознательно выдвигает бедра вперед, когда мой большой палец проводит по вытекающей с кончика сперме.

Я задыхаюсь, когда его большие пальцы проводят по моим соскам через кружевной лифчик. Я стону, когда его язык кружит по заостренным кончикам. Я упираюсь руками в стойку и откидываюсь назад, предоставляя Кингстону лучший доступ, когда его рот устремляется на юг.

— Поцелуй меня, — выдыхаю я.

Он посасывает кожу прямо под моим пупком, заставляя мою киску пульсировать.

— Я целую тебя.

— Блядь, — я откидываю голову назад, когда он расстегивает мои джинсы и лижет прямо над верхним швом моих трусиков.

— Я в двух секундах от того, чтобы вытащить свой член и присоединиться к вечеринке.

Я вскрикиваю от глубокого голоса Бентли.

— Святое дерьмо черт возьми!

Кингстон мгновенно заслоняет меня своим телом, так что мне приходится заглянуть ему через плечо, чтобы увидеть Бентли.

— Какого хрена, чувак? Слышал когда-нибудь о такой штуке, как приватность?

Бентли усмехается.

— Во-первых, ты оставил эту чертову дверь открытой. Снова. И мы могли легко услышать вас, потому что вы находитесь прямо напротив. Во-вторых, я начинаю думать, что у одного или обоих из вас есть какой-то странный фетиш на ванную. В-третьих, это мой гребаный дом, — он встречает мой взгляд и нахально подмигивает мне. — Горячий лифчик, Жас. Мне особенно нравится, что он прозрачный.

Я краснею, когда Кингстон рычит себе под нос. У Кингстона дергается мускул на челюсти, когда они с Бентли смотрят друг на друга. В этом маленьком пространстве слишком много чертова тестостерона. Это наталкивает меня на всевозможные идеи, о которых я не имею права думать. Например, пригласить Бентли войти и сказать ему, чтобы он закрыл за собой дверь.

— Уходи, Бент, — процедил Кингстон. — Мы будем там через минуту.

Глаза Бентли возвращаются к моим.

— Это то, чего ты хочешь, Жас?

— Эээ... — мое лицо теперь, наверное, вдвое покраснело. Почему вдруг стало так чертовски жарко?

Бентли усмехается.

— Я не знаю, чувак, похоже, что наша девочка хочет, чтобы я остался здесь, — он говорит с Кингстоном, но его взгляд все еще прикован ко мне.

Кингстон делает шаг вперед и ударяет рукой в грудь Бентли, отпихивая его назад.

— Отвали, Фицджеральд.

— То же самое, придурок, — выплевывает Бентли.

Господи, это должно прекратиться. Ненавижу осознавать, что из-за меня между ними произошел разлад.

Я наклоняюсь, чтобы поднять свою рубашку и быстро натянуть ее через голову.

— Слушай, не надо здесь больше торчать.

Бентли разворачивается и топает в игровую комнату.

Ноздри Кингстона раздуваются, когда он хмурится.

— Ты ни хрена не помогаешь ситуации, знаешь ли. Что мне прикажешь делать, когда ты ведешь себя так, будто хочешь, чтобы он остался?

Я дергаю молнию и застегиваю джинсы.

— Кто сказал, что я веду себя так?

Черт побери. Неужели я действительно сказала это вслух?

Его губы поджимаются, когда он что-то ищет на моем лице.

— Просто, блядь, забудь об этом. Давай покончим с этим.

Кингстон выходит из ванной, а я плетусь следом. Когда мы возвращаемся в игровую комнату, из нее как будто выкачали воздух. Между Кингстоном и Бентли такое напряжение, что это выводит меня из себя.

Бентли берет стоящую перед ним стеклянную трубку и раскуривает ее. Сделав большую затяжку, он говорит: — Давайте, блядь, покончим с этим. Не так ли? Я уверен, что Кингстону не терпится намочить свой член.

Я съеживаюсь, когда Кингстон опускается на противоположный конец дивана, устремив на своего друга злобный взгляд. Я намеренно занимаю место рядом с Ридом, которое оказывается в противоположном конце комнаты от двух других. Я не знаю, чем Кингстон хочет поделиться с нами, но в одном я уверена точно: этот разговор будет просто потрясающим.

Нет.

— Я выпью за это.

22. Жас

Скотч, который Кингстон и Бентли употребляли ранее, подействовал вскоре после инцидента в туалете, плюс они выкурили немного травки, так что, к счастью, уровень тестостерона был снижен на несколько ступеней. Оба мужчины настолько крупные, что все еще не потеряли рассудок — в отличие от тех, кто гораздо меньше ростом, — но они немного остыли. Рид — единственный, кто полностью трезв, но он выглядит готовым упасть ниц.

— Ну, я пошел, — говорит Рид. — Вы, ребята, веселитесь.

— Пока, чувак, — говорят в унисон Кингстон и Бентли.

— Увидимся, — бормочу я, когда Рид уже наполовину вышел за дверь.

Я направляюсь к бару и делаю себе еще одну порцию водки. Знаю, я сказала, что не буду пить сегодня, но после того, как я узнала все это дерьмо о коррупции в полиции, а также все остальное дерьмо, происходящее с Престоном и Чарльзом, все, что я хочу сделать, это утопить свои печали. Я выпила всего две рюмки, так что я почти не пьянею, но мне нужно больше, чтобы подавить эту панику, поднимающуюся внутри меня. Я изо всех сил пытаюсь не сойти с ума, но мой мозг не хочет замолкать.

— Эй, — Кингстон выхватывает стакан из моей руки и отставляет его в сторону. Черт, я так заиклилась, что даже не заметила его приближения. — Что происходит?

— Ничего, — вру я. — Я в порядке.

— Правда? — он приподнимает брови. — Разве не ты говорила мне, что «в порядке», на самом деле не означает — «в порядке»?

— Это правило не действует, когда это говорю я.

Кингстон берет меня за руку и ведет обратно к дивану.

— Присядь со мной на секундочку.

Бентли берет свою трубку и наполняет чашу, прежде чем передать ее мне.

— Расслабься, малышка. Ты заставляешь меня волноваться, а это почти невозможно с таким количеством ТГК в моем организме.

Он щелкает зажигалкой, а я прижимаю губы к мундштуку и затягиваюсь. Я немного перебарщиваю и начинаю кашлять, заставляя обоих парней рассмеяться.

Я показываю им средний палец.

— Отвали. Как будто с тобой этого никогда не случилось.

Я передаю трубку Кингстону, но он отказывается и кладет ее на журнальный столик.

— Что происходит в твоей голове? На этот раз без ерунды.

Я пожимаю плечами.

— Я не могу отключить свой мозг. Полиция прекращает расследование, пропавшие улики, доказательства того, что снова речь о деньгах, или шантаже, или что там еще эти засранцы используют, чтобы замести следы. Я не перестаю задаваться вопросом, сколько еще жертв на свободе, которых постигла та же участь, потому что у какого-то злобного ублюдка были нужные связи. Сколько нераскрытых дел о нападении сидит в папках и пылится? Все это время жертвы живут в состоянии постоянного ужаса. Как кто-то может продолжать жить своей жизнью, пытаясь найти хоть какое-то подобие нормальной жизни, если он постоянно ожидает, что его личный бугимен выскочит из тени?

Рука Кингстона приземляется на мое подпрыгивающее бедро.

— Эй. Этого не случится. Я не сдаюсь. Джон не сдастся. Мы сделаем все, что в наши силы, чтобы разобраться в этом. Ты не одинока в этом, Жас.

Бентли прижимает свою руку к моей.

— Это правда, Жасси. Мы здесь ради тебя на сто процентов, крошка.

— Вы, ребята, не можете быть со мной каждую секунду каждого дня.

— Ни хрена мы не можем, — издевается Кингстон. — Если это то, что нужно, чтобы облегчить твою душу, то мы так и сделаем.

Я качаю головой.

— Ты не можешь уничтожить всех чертовых драконов, которые странно смотрят на меня. И я не хочу, чтобы ты это делал. Разве ты не понимаешь? Я должна сделать это для себя. Я должна показать им, что я сильнее, чем они думают. Я не позволю этим ублюдкам победить. Я не дам им такой власти надо мной!

Он берет мое лицо в свои руки.

— Эй, ты этого не сделаешь. Я обещаю, мы все исправим.

Я убираю его руки.

— Знаешь ли ты, что куда бы я ни пошла, что бы я ни делала, я жду, когда появятся те засранцы, которые напали на меня? Интересно, следят ли они за мной. Иногда, клянусь, я слышу его голос — того ублюдка, который выбил из меня все дерьмо — в коридорах школы. И тогда я спрашиваю себя, может ли это быть кто-то из Виндзора? Есть ли у нас общие занятия? Неужели они видят меня каждый будний день, смеются между собой над тем, как я не понимаю, что они прямо у меня перед носом? Даже не начинайте говорить о том, что каждый наш подозреваемый может оказаться вовсе не подозреваемым, — я сжимаю в кулак свои волосы и кричу от разочарования. — Все эти неизвестности сводят меня с ума.

Это то, с чем моя мама жила столько лет? Она всегда оглядывалась через плечо? Я не знаю, как она выжила, сохранив рассудок, не говоря уже о том, что она была такой

замечательной матерью двоих детей.

Я моргаю сквозь толстый слой слез.

— И еще камера в моей спальне. Я знаю, я сказала, что меня все устраивает, *но черт возьми, меня это не устраивает, Кингстон.*

— Подожди... *какая* камера? — спрашивает Бентли.

— О, он тебе не рассказал? — я подтягиваю ноги под себя, поворачиваясь к Бентли. В моем голосе слышна маниакальная нотка, но мне сейчас на все наплевать. — В моей спальне есть скрытая шпионская камера. И *только* в моей спальне. Мой извращенный отец, или его извращенный отец, — я указываю большим пальцем через плечо, — или Мэдлин, или Пейтон, или любой другой псих в моей жизни, который хочет наблюдать за мной, *наблюдает за мной.* Они видели меня голой. Они видели, как я дергаюсь, когда мне снятся кошмары. Они видели, как я занимаюсь другими вещами! Боже, от одной мысли о том, что они делают с этими кадрами, у меня мурашки по коже.

Челюсть Бентли сжимается, когда он смотрит через мое плечо.

— Почему она все еще там? Ты можешь выяснить, кто находится на другом конце?

Кингстон обхватывает меня за талию и притягивает обратно к себе. Я знаю, что он пытается успокоить меня, предотвратить мою истерику, но это не помогает.

— Нет, не предупредив их. Джон считает, что Каллахан мог установить ее, чтобы следить за Жас, чтобы узнать, не рассказала ли ей мама что-нибудь уличающее о них, но мы не знаем наверняка.

Темно-шоколадные глаза Бентли впиваются в меня.

— Ты должна уехать из этого дома, Жас.

— Я сказал ей то же самое, черт возьми — добавляет Кингстон.

Я закатываю глаза.

— Только не снова.

Бентли вскидывает руки вверх.

— Что, черт возьми, это значит? Зачем тебе оставаться там? Ты знаешь, что мы позаботимся о тебе. Это не означает, что ты окажешься на улице.

Я вскакиваю с дивана и указываю обвиняющим пальцем на Кингстона.

— По той же причине он все еще живет в своем доме, хотя может позволить себе купить машину за два миллиона долларов! Я не хочу, чтобы они знали, что я слежу за ними. Мне нужно быть достаточно близко, чтобы получить информацию, если они допустят ошибку. Мне нужно знать правду о моей маме! Мне нужно убедиться, что то, через что она прошла, было не напрасно. Мне нужно знать, если они... если она была... если они...

Я теряю ход мыслей. Я не могу, блядь, думать. Это уже слишком. Всего этого, черт возьми, слишком много. Я со злостью смахиваю слезы, неконтролируемо рыдая. Как это может быть моей жизнью? Это не жизнь, это гребаный кошмар. Я просто хочу проснуться в своей старой дерьмовой квартире, увидеть свою сестру в кровати напротив меня, держащую свою плюшевую панду. Моя мама была бы все еще жива. Чарльза Каллахана бы не существовало. *Ничего этого, блядь, не было бы.*

— Жас, дыши, — Кингстон стоит передо мной, губы шевелятся, но я не слышу его из-за шума в моей голове.

Мое горло сжимается. Перед глазами мелькают пятна. В воздухе витает заряженное напряжение, которое танцует вокруг меня, вызывая головокружение. Я невесома. Плаваю. Я чувствую себя призраком, наблюдающим за чьим-то срывом.

— Кингстон, блядь, сделай что-нибудь! — я думаю, это был Бентли. Он тоже стоит сейчас, проводит рукой по моей спине и смотрит на меня так, будто я сошла с ума. Черт, может, так оно и есть

Лицо Кингстона так близко, что некоторые пятна исчезают.

— Жас, посмотри на меня, — он хватается меня за плечи и трясет так сильно, что у меня стучат зубы. — Блядь, посмотри на меня! Дыши, черт побери!

Я вижу страх в его зеленовато-золотистых глазах. Он хочет, чтобы боль прекратилась, но разве он не знает, что не может ее остановить? С меня содрана одежда, я вся в крови, нервные окончания обнажены. Я не знаю, может ли что-нибудь заставить это прекратиться. Я больше не могу притворяться, что все в порядке. Я просто не могу.

Кончики пальцев Кингстона оставляют синяки, когда он сжимает мою челюсть, но я радуюсь боли.

— Черт. Детка, тебе нужно дышать. Ты пугаешь меня до смерти.

Что бы Кингстон ни увидел в моих глазах, он начинает действовать. Мое тело вздрагивает от шока, когда его губы прижимаются к моим. Меня словно ударило молнией, когда он приоткрывает мой рот, скользя своим языком по моему. Через мгновение Кингстон отстраняется, и я задыхаюсь, жадно глотая драгоценный воздух. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но я не даю ему шанса. Я хватаюсь за его шею и притягиваю его к себе. Теперь это я целую его, но он не сразу отвечает мне взаимностью.

Блаженная тишина окружает меня, пока наш поцелуй углубляется, а наши руки блуждают, но паника вновь возникает из-за внезапного отсутствия тепла. Я открываю глаза и вижу, что Бентли пытается ускользнуть.

Не думая, я отрываю свой рот от рта Кингстона и кричу: — Не надо.

Бентли застывает на месте, мгновенно принося мне облегчение.

Кингстон вопросительно смотрит на меня. Его взгляд мечется туда-сюда между Бентли и мной, ища ответы, которые я не знаю, как дать. Я не знаю, о чем именно прошу. Слов не хватает. Все, что я знаю сейчас, — это потребность. Мне нужно чувствовать себя в безопасности. Мне нужно чувствовать себя любимой. Мне нужно чувствовать себя целостной. Огромный кусок моего сердца пропал с тех пор, как прекрасная душа моей мамы покинула эту землю. Я устала чувствовать грусть. Я устала чувствовать себя разбитой. Я устала чувствовать себя онемевшей.

Я просто так. Чертовски. Устала.

Кингстон пристально смотрит на Бентли, после чего почти незаметно кивает своему другу. Если бы я не наблюдала за ним так внимательно, я бы не заметила этого.

Кингстон берет мои руки и поднимает их прямо над головой. Его пальцы забираются под подол моей рубашки, ненадолго сжимая материал в кулаке, прежде чем снять ее через мою голову. Затем он расстегивает пуговицу на моих брюках, ожидая разрешения продолжить. Я сдвигаю молнию вниз и стягиваю их на бедра, без слов давая ему зеленый свет. Бентли стонет, когда Кингстон присаживается на корточки, снимая по очереди сначала мои туфли, затем носки и, наконец, брюки. Я остаюсь стоять в лифчике и трусиках, в то время как оба мужчин по-прежнему полностью одеты.

Кингстон нежно вытирает мои оставшиеся слезы, а затем наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Если это то, что тебе сейчас нужно, мы позаботимся о тебе, но ты должна быть уверена, Жас. Ты не сможешь вернуть все назад. Я не хочу, чтобы ты пожалела об этом.

Честно говоря, я не знаю, буду ли я жалеть об этом утром. Или что именно должно произойти. Но что я точно знаю, так это то, что жизнь непредсказуема. Жизнь коротка. Я не уверена во многих вещах, но я никогда не чувствовала себя в большей безопасности, чем в их объятиях. И в чем я уверена больше всего? Кингстон и Бентли дадут мне то, в чем я так отчаянно нуждаюсь сейчас: они заставят меня почувствовать себя живой.

Я коротко киваю Кингстону.

— Я уверена.

В груди Кингстона раздаётся низкий гул, прежде чем он слегка отстраняется. Наши глаза встречаются, и мы ведем один из тех странных, бессловесных разговоров, в которых мы так хороши. Я говорю Кингстону, что пришло время ему взять на себя ответственность, потому что я не хочу думать; я хочу только чувствовать. Он говорит мне, что знает мои границы лучше, чем я, и обещает не позволять никому их переступать, и уж тем более мне.

Бентли наблюдает за нами, затаив дыхание, ожидая увидеть свою роль во всем этом. Выпуклость в его брюках отражает его волнение, но его глаза цвета мокко полны любопытства. Удивления.

Кингстон делает глубокий вдох и ненадолго закрывает глаза. Когда он открывает их, они полны решимости, так как он заводит одну руку за шею и снимает футболку. Затем он захватывает мое лицо и целует меня до потери дыхания и боли. В какой-то момент Кингстон подзывает Бентли ближе, и я вздыхаю, прижимаясь к его рту, пока голая грудь Бентли греет мою спину. Я понятия не имею, когда он снял свою рубашку, но ощущение того, что я нахожусь между этими двумя мужчинами, кожа к коже, просто непередаваемо. Кончики пальцев Бентли скользят по моим бокам, вызывая дрожь во всем теле. Когда он достигает изгиба моей задницы, из его горла вырывается стон, и он обеими руками сжимает мои щеки.

— Черт, Жас, — в голосе Бентли слышится обожание. Благоговение

Ярываю поцелуй с Кингстоном и поворачиваюсь лицом к Бентли. Медленно, не спеша, я скольжу ладонями вверх по упругим мышцам его рук, пока мои пальцы не переплетаются у него на шее

— Привет.

На щеках Бентли появляются чертовски сексуальные ямочки, когда на его лице расплывается ухмылка.

— Привет, Жасси.

Бентли обхватывает мое лицо обеими руками, медленно притягивая меня ближе, давая мне много шансов отступить. Когда я приподнимаюсь на носочки, чтобы закрыть оставшийся промежуток, Бентли выдыхает проклятия, когда наши губы встречаются. Я стону, когда он проникает языком в мой рот, углубляя поцелуй. Губы Бентли мягкие, но требовательные. Твердые и в то же время податливые. Я чувствую вкус ликера на его языке, слабые нотки пряной сливы ударяют по моим вкусовым рецепторам.

Пряжка ремня Кингстона звякает, падая на землю. Он отпускает застежку моего лифчика и спускает бретельки, освобождая мою грудь. Я хнычу в рот Бентли, когда руки Кингстона находят мою грудь, перекачивая мои соски между большими и указательными пальцами, с идеальным балансом между удовольствием и болью.

Я держу одну руку на шее Бентли, а другой обхватываю Кингстона за шею. Когда я отрываюсь от Бентли, я сразу же делаю шаг к Кингстону и снова захватываю его рот. Он приподнимает меня на цыпочки и целует с еще большей силой, чем раньше. Я уверена, что он чувствует вкус Бентли на моих губах, и теперь его внутренний пещерный человек

пытается заявить о своих правах.

Я слышу признаки того, что Бентли снимает свои штаны, и быстрый взгляд доказывает, что я права. И он, и Кингстон серьезно проверяют границы своих боксеров, заставляя меня испытывать трепет. В этой комнате слишком много сексуальности. У обоих мужчин сильные ноги и мощные бицепсы. Невероятно рельефный пресс и глубокая линия V, обрамляющая их тонкие ягодицы Их тела — произведения искусства, простые и непринужденные, и они оба чертовски хорошо это знают.

Я задыхаюсь, когда пальцы Бентли касаются нижней части моих грудей.

— Черт, Жас. Ты даже не представляешь, как сильно я этого хочу. Как сильно я хочу тебя. Мы заставим тебя почувствовать себя так хорошо, детка.

Я поворачиваюсь обратно к Бенту и провожу пальцем по маленькой татуировке на его груди. Слова «Спи спокойно, Крошка-танцор» написаны изящным почерком прямо над его сердцем.

Я провожу пальцами по загадочной фразе.

— Что это значит?

Бентли хмурится и качает головой.

— Не здесь. Не сейчас. Клянусь, я объясню позже.

Кингстон опускается обратно на диван и протягивает руку.

— Иди сюда.

Я сажусь рядом с ним, но Кингстона это не устраивает. Он легко поднимает меня и сажает к себе на колени. Инстинктивно я вжимаюсь в его твердость подо мной, заставляя нас обоих судорожно выдохнуть.

— Ложись на спину, — приказывает Кингстон, направляя мою верхнюю часть тела к своей. Мой позвоночник прогибается, когда руки Кингстона скользят по моему торсу, опускаясь ниже пояса моих тонких трусиков.

— Бент, ты хочешь мне помочь?

Бентли бормочет что-то себе под нос, но я не могу разобрать слов. Я уверена, что где-то там было — Хвала Иисусу. Он опускается передо мной на колени и медленно проводит руками вверх по моим ногам. Когда Бентли заменяет свои руки на поцелуи с открытым ртом, клянусь, я чувствую пульсацию своего клитора.

Пока Бентли проделывает свой путь вверх по моим ногам, Кингстон целует мою шею и покручивает мои соски. Боже, у меня перегрузка ощущений. Кожа Бентли чуть темнее моей, а Кингстона — чуть светлее. Видя обе пары рук на мне, контраст между всеми нами тремя, я не думаю, что когда-либо видела что-то настолько потрясающее.

Каждое прикосновение их пальцев или губ вызывает прилив тепла в моем теле. Я нуждаюсь, нетерпеливо и отчаянно хочу большего. Бент целует верхнюю часть моих бедер, исследуя, дразня, но не решаясь проникнуть туда, где я нуждаюсь в нем больше всего. Я стону, когда указательный палец Бентли скользит по моим трусикам, прямо по центру. Губы Кингстона покидают мою шею, и мы оба смотрим, как Бентли обхватывает пальцами завязки на моих бедрах.

Бентли ищет разрешения в моих глазах.

— Все в порядке, — заверяю я его.

Руки Кингстона все еще прикрывают мою грудь, и я чувствую, как его пальцы сжимаются, когда Бентли стягивает нижнее белье с моих ног, оставляя меня полностью обнаженной. Бентли поднимает глаза на Кингстона, и кажется, что они о чем-то безмолвно

обмениваются. Руки Бентли обхватывают мои лодыжки, слегка приподнимая мои ноги и кладя их на колени Кингстона, широко раздвигая меня в стороны. Я полностью обнажена — уверена, Бентли видит, насколько я сейчас возбуждена.

— Черт, Жас, — шепчет Бентли, глядя мне между бедер. — Это самое красивое, что я когда-либо видел.

Рука Кингстона скользят вниз по плоской поверхности моего живота. Его пальцы скользят по моей влажной коже, а затем совершают маленькие, медленные, извилистые круги вокруг моего клитора. Пальцы Бентли присоединяются к исследованию, дразня мое отверстие, прежде чем ввести один длинный палец внутрь меня.

— Черт, — задыхаюсь я.

Бентли стонет.

— Боже, ты такая мокрая.

— Тебе это нравится, детка? — спрашивает Кингстон. — Ты хочешь, чтобы мы продолжали?

— Да, — практически кричу я. — Черт, не останавливайся.

Я вздрагиваю, когда Кингстон ласкает мой клитор, а Бентли вводит и выводит свой палец. Когда Бент добавляет второй палец и увеличивает темп, у меня подгибаются пальцы на ногах. Наверное, мне следовало бы смутиться из-за влажных сосущих звуков, исходящих из моего тела, но я не могу найти в себе силы на это. Это грязно, и некоторые даже могут сказать развратно, но это чертовски приятно. В этот момент я служу своему телу, поддаюсь его желаниям, и в этом нет ни капли стыда.

Кингстон подносит свои пальцы к моим губам.

— Соси. Попробуй, как сильно ты этого хочешь.

— Господи, это так чертовски горячо, — бормочет Бентли, когда я беру пальцы Кингстона в рот, посасывая и облизывая их дочиста. Его глаза опускаются на мою киску, и интенсивность его взгляда заставляет меня извиваться от потребности. — Мне нужно знать, какая ты на вкус, Жас. Могу я, блядь, попробовать тебя на вкус?

Я стону.

— Боже, да.

Бентли притягивает меня ближе, закидывая мои ноги себе на плечи, моя задница частично висит в воздухе между бедер Кингстона. При первом же движении языка Бентли я вскрикиваю, выпуская череду проклятий. Я поднимаю руки, обхватывая ладонями шею Кингстона. Я боюсь, что улечу, если мне не за что будет зацепиться. Кингстон наклоняется, шепча мне на ухо слова ободрения и играя с моими сосками, пока его лучший друг ест мою киску, как будто это его гребаная работа.

— Смотри, Жас, — приказывает Кингстон. — Тебе нравится, как он ест эту твою хорошенькую киску, не так ли?

— Очень, — я задыхаюсь, когда Бентли направляет свой язык, добавляя идеальное давление.

Я бесстыдно скачу по лицу Бентли, пока он лижет меня все сильнее и быстрее, мой выгнутый позвоночник и покачивающиеся бедра только подстегивают его.

— Я не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя, — шепчет Кингстон, вжимаясь своей эрекцией в мою спину. — Чтобы доказать, что как бы хорошо ты себя сейчас ни чувствовала, я единственный мужчина, которому принадлежит эта киска. Мой член — единственный, который ты хочешь. Но ты уже знаешь это, не так ли?

Я хнычу, когда он щиплет мои соски. Сильно.

— Блядь.

Я чувствую улыбку Кингстона на своей щеке.

— Я так и думал, — он поднимает голову и смотрит, как язык Бентли крутится вокруг моего клитора. — Как она на вкус, Бент?

Бентли долго облизывает меня снизу вверх.

— Как гребаный рай. Ни одна киска никогда не была такой вкусной, — я визжу, когда он сжимает пальцы внутри меня.

— Ммм, — бормочет Кингстон. — Это она. Давай, Жас, иди туда. Покажи Бентли какая ты великолепная, когда кончаешь.

— О, Боже, — задыхаюсь я.

Я чувствую, что сгораю изнутри, а по всему телу пробегают мурашки. Я никогда раньше не испытывала такого удовольствия. Две пары рук, работающих в тандеме, грязные слова Кингстона, шепчущие мне на ухо, наблюдение за тем, как темная голова Бентли движется между моих бедер — это слишком. Я больше не могу сдерживаться. Неистовый крик срывается с моих губ, когда мой оргазм наконец достигает пика. Когда я спускаюсь вниз, я в таком блаженстве, что мне кажется, будто я плыву в совершенно другом измерении.

Бентли убирает пальцы и нежно целует шрам над моим лобком.

— Ты просто сногшибательна, Жас.

— Она бы выглядела еще лучше, сидя на моем члене, — Кингстон берет меня за подбородок и отводит мою шею в сторону, чтобы я могла посмотреть на него. — Ты хочешь показать ему?

— *А ты хочешь?*

Кингстон нежно целует меня в губы.

— Да, действительно, блядь, хочу.

Я поворачиваюсь к Бентли. Он, кажется, читает мои мысли, потому что отвечает на мой вопрос еще до того, как я успеваю его задать.

— Да, красотка. Я в деле. Покажи мне, что у тебя есть.

23. Кингстон

Неужели это происходит на самом деле? В одну минуту я и мой лучший друг ссоримся друг с другом, готовые сражаться за эту девушку. В следующую минуту мы работаем вместе, делая все возможное, чтобы доставить ей больше удовольствия, чем она когда-либо знала.

— Помни, если ты захочешь остановиться в любой момент, просто скажи, — я целомудренно целую Жас в висок.

— Этого не случится, — ее голос хриплый, нуждающийся. Ее тело податливо. Ни следа беспокойства, а это именно то, чего я добивался.

Моя рука скользит вниз по ее упругому животу, пока не опускается на ее обнаженный холмик. Я спускаюсь ниже, погружая палец внутрь, чтобы собрать ее влагу. Киска моей прекрасной девочки сжимается от этого вторжения, заставляя мой член подпрыгивать в предвкушении. Жас выгибается при вздохе, пока я ввожу и вывожу палец несколько раз.

Бентли стонет со своего места на полу перед нами, наблюдая, как мой палец исчезает внутри ее маленькой тугой киске. Нет сомнений, что Жас более чем готова, поэтому я вынимаю палец и слегка похлопываю по ее киске.

— Повернись, детка.

Я возился со своими боксерами, сдвигая их вниз ровно настолько, чтобы освободить свой член, когда ее стройное тело поворачивается ко мне, глаза цвета бурбона блестят от желания. Господи, я не думаю, что она когда-либо выглядела лучше. Я запускаю пальцы в ее густые волосы и притягиваю ее рот к своему. Жас скользит своей киской по моему члену, пока мы целуемся, пытаюсь добиться трения. Не думаю, что она осознает, что делает, но естественная смазка по всему моему члену не обманывает.

Диван прогибается, когда Бентли садится рядом с нами, чтобы лучше видеть. Он тоже разделся и поглаживает свой член, наблюдая за нами. Жас переключает внимание на него, ее глаза прикованы к тому, как он двигает рукой вверх-вниз. Я сжимаю ее подбородок между пальцами, возвращая ее внимание на себя, в то время как я прижимаю головку своего члена к ее набухшему клитору.

— Ты принимаешь таблетки? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Да.

Я прижимаюсь к ее входу.

— Ты доверяешь мне?

Она снова кивает, на этот раз более пылко.

— Тогда, черт возьми, оседлай меня, детка.

Жас одаривает меня дерзкой улыбкой и опускается на мой член, дюйм за дюймом, пока ее задница не оказывается у меня на коленях.

Охуеть, блядь.

Я стону, крепко хватая ее за бедра.

— Подожди секунду.

Жас хнычет.

— Кингстон, я не могу. Мне нужно двигаться.

— Просто дай мне секунду, — выдыхаю я.

Это даже лучше, чем себе представлял, а я чертовски часто представлял это с Жас. Я никогда раньше не трахался без презерватива — никогда не доверял девчонке настолько, чтобы не провернула со мной такую штуку, как — упс, ребенок.

— Как ощущения, чувак?

Черт, я почти забыл, что он здесь. Глаза Бентли прикованы к месту, где мы с Жас соединились.

Я медленно вожу Жас вверх по своему стволу и снова вниз, проверяя свою решимость.

— Намного туже. Горячее. Влажнее. Так чертовски хорошо.

Жас не теряет времени даром, как только я ослабляю хватку. Она упирается одной рукой в мое плечо, а другой — в мое бедро. Ее сиськи направлены к потолку, она покачивает бедрами, оседлав меня так, словно это ее единственная гребаная цель на этой земле.

— Боже, — выдыхает она. — Я почти забыла, какой наполненной ты заставляешь меня чувствовать.

Я наклоняюсь вперед и ласкаю языком каждый из ее сосков, пока она подпрыгивает на моем члене.

Бентли откидывает голову назад, закрывает глаза, прислушиваясь к звукам, с которыми наша кожа соприкасается друг с другом. Жас наблюдает за тем, как он гладит себя, и стонет, представляя ее на себе вместо меня. Ее любопытный взгляд переходит на меня, и я сразу понимаю, чего она хочет.

Мы оба прекрасно понимаем, что на самом деле я не могу указывать ей, что делать, но я ценю тот факт, что она просит разрешения потрогать член другого парня, пока мой находится внутри нее. Я ни за что на свете не буду смотреть, как она засовывает его член себе в рот — не думаю, что когда-нибудь смогу выбросить этот образ из головы, — но я не против, если она использует свою руку, чтобы снять его напряжение. Это надлежащий этикет прелюдии — оказать ответную услугу и все такое.

Я наклоняю голову, давая ей зеленый свет.

Глаза Бентли распахиваются, когда Жас протягивает руку и берет его яйца.

— О, черт!

Он смотрит с открытым от шока ртом, когда она обхватывает его руку своей.

— Бент, я хочу прикоснуться к тебе.

Он ищет меня, делая почти то же самое, что делала Жас минуту назад. Это движение говорит мне о том, что он принял то, что не хотел признавать до сих пор. Жас — моя, и у него никогда не будет с ней настоящего шанса. Он знает, что в противном случае я никогда бы не подумал о том, чтобы заняться сексом без презерватива. Я слегка киваю ему, молча выражая одобрение.

Когда Жас плюет на свою ладонь и сжимает в кулаке член Бентли, я беру на себя управление, толкаясь в нее снизу. Он стонет каждый раз, когда она немного выкручивает руку, добираясь до покрасневшей головки, прежде чем скользнуть обратно вниз. Я достиг своего предела, наблюдая за ними, поэтому я обхватываю рукой ее шею и притягиваю к себе для еще одного поцелуя. Этот поцелуй ни капельки не нежный. Он жесткий. Быстрый. Он утверждающий. Может, она сейчас и дрожит Фицджеральду, но это не делает ее менее моей.

Когда я отрываю свой рот, мы оба тяжело дышим. Я уверен, что мои глаза такие же дикие, как и ее. Я вижу, что она близка, и я долго не продержусь, поэтому я пальцем провожу по ее клитору, давая ей тот дополнительный толчок, который ей нужен, чтобы упасть за грань. Когда Жасмин кончает, она так сильно сжимает мой член, что я даже боюсь, что на мгновение потеряю кровообращение. Как только она перестает биться в спазмах вокруг меня, я делаю еще несколько сильных толчков, прежде чем изливаюсь в нее.

Моя голова падает на ее грудь, и краем глаза я вижу, как из Бентли вытекают толстые струйки спермы. Моя челюсть сжимается, когда липкая субстанция покрывает руку Жас, пока она гладит его, несмотря на толчки. Я прекрасно понимаю, что происходит, и что ее рука только что сделала это, но это не значит, что мне должен нравиться его след на ней. На самом деле, я чертовски ненавижу его, но ради Жас я заставляю себя успокоиться. Я знал, во что ввязывался, когда мы начали это, и я точно не собираюсь делать ничего такого, что заставит ее чувствовать себя виноватой.

Жас кладет свою голову мне на макушку, и мы все берем минуту, чтобы перевести дух. Бентли наклоняется и хватает рубашку, которая была на нем, и использует ее, чтобы вытереть руку Жас. Она сидит, наблюдая, как он стирает все следы с каждого ее пальца. Когда Бентли заканчивает, он смущенно улыбается ей.

Она наклоняется в сторону, когда он обхватывает ладонями ее лицо и оставляет быстрый поцелуй на ее губах.

— Спасибо, малышка.

Она издает удивленный смешок, заставляя меня подавить стон, поскольку я все еще нахожусь внутри нее.

— За что ты меня благодаришь? Я — та, кто кончила дважды.

Бентли ухмыляется.

— Нет, крошка. Это было охренительно горячо, и поверь мне, когда я говорю, что удовольствие было только моим, — его выражение лица становится серьезным. — Я благодарил тебя за то, что ты доверилась мне настолько, чтобы сделать это, — он показывает пальцем на нас троих. — Чтобы сделать *это*. Даю вам слово, что то, что произошло здесь сегодня вечером, никогда не покинет эту комнату.

Щеки Жас вспыхивают, и она мягко улыбается ему.

— Спасибо, Бент.

Бентли встает и натягивает штаны. Положив одну руку мне на плечо, он говорит: — Я собираюсь принять душ и лечь спать. Ты знаешь, где находится комната для гостей.

— Да, — подтверждаю я.

После того как он выходит из комнаты, Жас прижимается губами к уголку моего рта.

— И что теперь?

Она вскрикивает, когда я резко встаю, забрасывая ее лодыжки себе за спину.

— Теперь мы идем в душ.

Ее мелодичный смех разносится по коридору, когда я несу ее в гостевую спальню. В этот момент я решаю, что сделаю все возможное, чтобы слышать этот звук как можно чаще.

— Ммм... доброе утро, — Жас рисует ленивые круги на моей груди, прижимаясь ко мне.

— Да. Да, это так. Хотя, я думаю, мой член, возможно, сломан.

Жас смеется, просовывая руку под совершенно белоснежную простыню.

— Хм... не похоже, что сломан.

Я уже был твердым до того, как она дотронулась до меня, но, когда она проводит рукой вверх-вниз, я набухаю. Господи, мы трахались пять раз за последние девять часов, и когда я говорю — «трахались», я имею в виду основательно. Честно говоря, я не знаю, как мой член все еще работает.

Я все еще не могу поверить, что прошлая ночь началась так, как она началась. Я никогда не чувствовал себя таким беспомощным, как в тот момент, когда у Жас случился приступ паники. Ее глаза, обычно такие выразительные, были абсолютно пустыми. Призрачными. Я не мог достучаться до нее словами, поэтому я сделал единственное, что пришло мне в голову, и поцеловал ее.

Поцелуй помог вывести Жас из того состояния, в котором она находилась, но он также пробудил ее самую примитивную версию. Я имел в виду каждое слово, когда говорил ей, что не буду делиться. И я все еще чувствую это сейчас, но, очевидно, я не могу отказать этой девушке. Когда Жас позвала Бентли, прося его остаться, мне и в голову не пришло остановить это.

Каждый инстинкт внутри меня хотел оттолкнуть Фицджеральда и надрать ему задницу. Я не буду лгать и говорить, что наблюдение за тем, как он пожирает ее киску, не возбуждало меня. Это было живое порно, черт возьми. Но я больше думал о том, как она кончает, чем о самом действии.

Если быть честным с самим собой, рациональная часть моего мозга знала, что то, что произошло прошлой ночью, было неизбежно. Ну, за вычетом панической атаки. Жас должна была разрешить напряженность между ними, а Бентли должен был понять, что Жас не собирается заменять Кариссу. Я знаю, он думает, что может любить Жас, но я знаю своего

брата и знаю, что это не так. Бентли может и любит Жас, но он не влюблен в нее. Он просто запутался, потому что она первая девушка, появившаяся после смерти Кариссы, которая ему действительно небезразлична.

Несмотря на его ошибочную привязанность, согласие Бента не могло быть более очевидным. После прошлой ночи я бы сказал, что он совершенно ясно осознал, что Жас никогда не сможет принадлежать ему, потому что она создана для меня. Я не сомневаюсь, что никогда не будет другой женщины, которая поняла бы меня так, как она. Эта девушка смотрит прямо в самые темные глубины моей души. Она знает, что во мне таится чудовище, но и в ней живет такая же тьма, которая ждет своего часа.

Жас нужен кто-то, кто понимает ее притяжение. Ее срыв прошлой ночью доказывает, что в ней бушует чертов ураган разнонаправленных эмоций, которые она не понимает, не умеет контролировать. К счастью для нее, за последние пару лет я хорошо узнал своих демонов. Я понял, когда их нужно приковать, а когда освободить, и я могу поделиться с ней этими знаниями, когда она будет готова.

Я приподнимаю подбородок Жас вверх, чтобы она могла посмотреть мне в глаза.

— Ты в порядке?

Она втягивает нижнюю губу в рот.

— Да. То есть, вероятно, целую неделю я буду ходить странно, но я чувствую себя чертовски хорошо.

— Ну, тогда моя работа здесь закончена, — мы оба смеемся. — Я говорил о том, что здесь, наверху, — я касаюсь ее виска.

Полные губы Жас опускаются.

— Хм... да, наверное. Я не чувствую, что теряю рассудок, так что это плюс. Мне жаль, что тебе пришлось быть свидетелем этого.

— Не-а, — качаю я головой. — Не делай этого. Всем позволено время от времени терять рассудок. Мы не были бы людьми, если бы не делали этого. Учитывая, каким крепким орешком ты была, после всего, через что тебе пришлось пройти в последнее время, я бы сказала, что это давно пора было сделать.

— Может быть, — Жас забирается на меня и устраивается на моих бедрах.

Ее сиськи обнажены, и я не могу ничего с собой поделать. Я притягиваю ее к себе и втягиваю в рот ее торчащий сосок.

— Боже, мне чертовски нравятся твои сиськи, — бормочу я, касаясь ее кожи.

Ее тело тут же напрягается, и я внутренне проклинаяю себя за эти слова. Я знаю, что она думает о том, что сказала Пейтон на ее чертовом дне рождения.

Жас пытается соскочить с меня, но я хватаю ее за бедра, чтобы остановить движение.

— Эй, посмотри на меня.

Обычно Жас излучает уверенность, но я вижу, как неуверенность пытается пробиться внутрь, когда она натягивает на себя простыню, чтобы прикрыть грудь.

Чертова Пейтон.

Моя хватка на ней усиливается.

— Не позволяй Пейтон залезть к тебе в голову. Она озлобленная, ревнивая сука. Быть с тобой — это нечто большее, чем с любой другой девушкой, с которой я спал. Нет никакого сравнения, Жас. Никто другой не имеет значения. И я люблю *каждый чертов дюйм твоего тела.*

— Но ты *говорил* ей эти слова. *Много, много раз*, когда ты трахал ее сиськи. И я думаю,

что Пейтон не единственная, кто слышал те же самые слова, пока ты делал то же самое.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю.

— Я не знаю, что правильнее всего сказать, Жас. Я не хочу тебе лгать.

Она вздыхает.

— Если это то, что тебе действительно нравится... если это то, что тебе нужно, я не могу дать тебе этого, Кингстон. Увеличения груди никогда не будет в моем будущем. Мне не *нужны* гигантские сиськи.

Я маневрирую нашими телами, так что Жас оказывается подо мной.

— Это не то, что мне когда-либо будет нужно. Если ты действительно хочешь знать, все, что я делал в своем прошлом, скорее всего, было сделано потому, что мне это предложили. Просто и легко. С моей стороны никогда не было просьбы или чего-то, чего я чувствовал, что мне не хватает. Да, иногда ничего не было запретным, потому что эти девчонки считали секс своим золотым билетом к моему кошельку, но вот в чем дело: меня никогда не волновало, получают ли они удовольствие. Ни разу. Я никогда не оставался на ночь с кем-то до тебя и не обнимался с кем-то после. Потому что я никогда не хотел этого. Я буду первым, кто признает, что я был эгоистичным мудаком. Все, о чем я заботился с каждой из них — включая Пейтон — это как можно быстрее кончить и уйти.

Жас берет паузу, чтобы все переварить.

— И о скольких «девчонках» мы говорим?

Я смотрю ей прямо в глаза, чтобы она увидела правду в моих словах.

— Восемь.

— Восемь, — ее брови приподнимаются. — Как это возможно? Ты не считаешь все случайные минеты в кладовке уборщика?

Я откидываюсь в сторону.

— Во-первых, у меня никогда не было случайного минета в кладовке уборщика — это фишка Бентли. Но если это твоя грязная фантазия, просто скажи мне, когда и где, и я с удовольствием сделаю это, — я улыбаюсь, когда Жас игриво шлепает меня по груди. — Вопреки распространенному мнению, я был очень разборчив со своим членом, и я был не против повторений с одной и той же девушкой. К тому же, я был с Пейтон почти два года, и я не предполагал, что у нас были свободные отношения, как у нее.

— Боже, я все еще не могу поверить, что она так поступила с тобой, — она наклоняет голову набок. — Если подумать, то да, могу. Я не знаю, способна ли Пейтон на верность в любом отношении.

— В этом я с тобой согласен, — я заправляю прядь волос ей за ухо. — Поскольку мы, очевидно, занимаемся цифрами, я думаю, будет справедливо, если ты расскажешь мне о своих.

— Кроме тебя, один.

— Грузовик Тако Шон? — я ничего не могу с собой поделаться; я думаю о фотографиях в Инсте и хмурюсь. — Он серьезно единственный чувак, с которым ты трахалась?

— Во-первых, это просто Шон, никаких грузовиков с тако. И да, он единственный человек, с которым у меня был секс, или, если уж на то пошло, с которым я просто дурачилась, — Жас прикусывает губу. — Ну, думаю, после прошлой ночи их стало двое, если считать Бентли.

Я стону.

— Я думаю, нам нужно установить правило, что Бентли не считается. На самом деле,

давайте забудем, что Бентли вообще был.

Глаза Жас наполнились беспокойством.

— Кингстон, почему...

Я слегка сжимаю ее губы.

— Я не жалею об этом, Жас. Это должно было произойти по многим причинам, и я бы солгал, если бы сказал, что это не было горячо. Но ты должна знать, что это было всего один раз. Мне потребовалась тонна самоконтроля, чтобы не выбить Бентли зубы, пока он прикасался к тебе. Каждый инстинкт внутри меня кричал, чтобы это прекратилось. Я не думаю, что смогу контролировать себя, если это случится снова.

— Я не хочу, чтобы это повторилось, — заверяет она меня.

— Нет?

— Нет. Но я рада, что это произошло. То, что ты сделал для меня прошлой ночью, то, что вы оба сделали для меня, я никогда не смогу забыть. Вы спасли меня. После нападения у меня было несколько моментов повышенной тревожности, но ничего близкого к тому, что случилось прошлой ночью. Потерять контроль над собственным телом, быть поглощенным паникой, как это было страшно. Я была заперта в этом очень темном месте, и я понятия не имела, как это остановить, что только усугубляло ситуацию.

— Тебе не нужно быть сильной двадцать четыре на семь, Жас

Она качает головой.

— В том-то и дело. Я должна. Или я так думала, во всяком случае. С учетом того, как я росла, нужно всегда быть начеку. Если тебе не хватало осведомленности или ты проявлял слабость, ты рисовал мишень на своей спине. По большей части я держалась сама по себе, но, если дело доходило до драки или бегства, я почти всегда выбирала драку, потому что всегда находился кто-то, кто хотел поживиться уязвимыми. Вот почему вступление в банду так привлекательно для некоторых людей. У вас есть мгновенная защита. Мгновенная семья. Не всегда это просто кучка преступников. Иногда это хорошие люди, пытающиеся извлечь лучшее из дерьмовых обстоятельств. Но прошлая ночь научила меня, что иногда быть уязвимым — это нормально. Что я не обязана все взваливать на свои плечи. Что я могу полностью довериться кому-то другому, чтобы взять ситуацию под контроль. А еще она научила меня, что это нормально — время от времени потакать своим желаниям. Я не могу вспомнить, когда в последний раз я делала что-то для себя, просто ради удовольствия, Кингстон. Мне нравился каждый момент того, что произошло между нами тремя, но я никогда не захочу сделать это снова, — Жас придвигается чуть ближе и проводит пальцем по моей брови. — Я знаю, как тяжело это было для тебя, и я так благодарна тебе за это. Тот факт, что ты можешь быть таким самоотверженным, только подтверждает мое решение.

Я провожу пальцами по позвоночнику Жас.

— Что это за решение?

— Я хочу отношений с тобой и только с тобой. И я не хочу больше бороться с этим.

— Да?

— Да, — Жас протягивает руку и обхватывает мой член, заставляя стон вырваться из моих губ, когда ее большой палец касается гребня прямо под головкой. — И я думаю, мы должны это отпраздновать.

Улыбка тянется к уголкам моих губ.

— Снова?

Она кивает.

— Снова.

— Но мы должны скоро отправиться в путь, чтобы забрать твою сестру.

Жас снова забирается на меня.

— Мы сделаем это быстро. Мы можем сделать это медленно позже.

— Ну, в таком случае, забирайся сюда и садись мне на лицо, — я постукиваю пальцем по губам.

Она смеется и нахально подмигивает мне.

— Ну, если ты настаиваешь.

Я улыбаюсь так сильно, что у меня болят щеки.

— О, детка, я очень, блядь, настаиваю.

24. Жас

— Это будет странно? Он вообще ответил на твои сообщения?

Кингстон берет мою сумку, пока мы идем к моему шкафчику.

— Да. Он сказал, что прошлой ночью слишком много выкурил и проспал будильник. Пришел только перед третьим уроком. Он выглядел нормально. Ничего необычного.

Мы с Кингстоном не видели Бентли после нашей маленькой вечеринки втроем прошлой ночью. Должно быть, он спал, когда мы уходили вчера утром, и мы провели большую часть дня в зоопарке с моей сестрой и Эйнсли. Я ожидала встретить Бента на парковке сегодня утром перед школой, как мы обычно делаем, но он подозрительно отсутствовал. Теперь мы направляемся на обед, где должен быть Бентли.

— Такое случалось раньше? Он спал допоздна? Я знаю, что он курит много травки — в последнее время все больше, — но не похоже, чтобы это мешало повседневной жизни. Он кажется довольно ответственным.

— Так и есть, — Кингстон бросает на меня взгляд краем глаза. — Это случалось и раньше, но прошло много времени, и его голова была не в лучшем состоянии. Тогда это было несколько раз в неделю. Не думаю, что нам стоит беспокоиться о том, что он проспал один раз.

— Ты думаешь, он избегает нас? — я покусываю кончик большого пальца. — Ты думаешь, он сожалеет о том, что произошло? Думаешь ли ты, что это...

Кингстон прижимает меня к шкафчику и прижимается своим ртом к моему. Мои губы приоткрываются от удивления, а когда его язык проникает внутрь, я забываю, что говорила. Я мгновенно загораюсь, поднимаюсь на носочки, преследуя его удаляющиеся губы.

— Что это было?

Уголки его губ приподнимаются.

— Это заставило тебя замолчать, не так ли?

Я бросаю на него свирепый взгляд, затем обеими руками хватаю его за волосы, притягивая его обратно к себе, пока наши зубы не сталкиваются. Кингстон рычит мне в рот, наши языки переплетаются. Мы отчаянно нуждаемся друг в друге, почти неистово. Он двигает своим телом, так что одно из его мускулистых бедер оказывается зажатым между моими. Я бесстыдно вжимаюсь в его ногу, пытаюсь унять боль, нарастающую внутри меня.

Рука Кингстона обхватывает мое горло, слегка надавливая на него. Это не больно, скорее это похоже на собственничество. Притязание. Так же, как и пальцы его другой руки, которые проникают под мою клетчатую юбку, скользя по внутренней поверхности бедра. Я раздвигаю ноги, безмолвно умоляя его подняться выше, чтобы...

— Стоп, детки. Это безумно горячо и все такое, но вы собираетесь развратить всех этих впечатлительных подростков.

Кингстон отрывает свой рот от моего при звуке голоса Бентли. Бент стоит рядом с нами с коварной ухмылкой на лице. Он делает шаг назад, жестом показывая на дюжину или около того студентов, собравшихся в зале, наблюдающих за нами, на их лицах видны шок и веселье. Мы с Кингстоном мгновенно расходимся, поправляя свои перекошенные формы.

Бентли обнимает каждого из нас за плечи и начинает вести нас в столовую.

— Как дела, мальчики и девочки? Что бы вы хотели съесть? Я умираю с голоду, так что все звучит чертовски фантастически.

Руки Бентли опускаются с наших плеч, когда он тянется к подносу в очереди за едой. Тогда я впервые хорошо его разглядела. Его глаза не налиты кровью, но они опущены, и он постоянно ухмыляется. Парень определенно под кайфом, и я готова поставить все до последнего пенни, что у него в кармане пузырек Визина.

Бентли берет кусок пиццы и чизбургер с картошкой фри, а затем оглядывается на меня.

— Как дела, Жасси Жас? Как прошел твой день?

— Эээ... хорошо, я думаю.

— После того, чему я только что стал свидетелем, это кажется намного лучше, чем просто хорошо. Знаешь, до того, как ты появилась, в Дэвенпорте была довольно строгая политика против КПК. Сейчас... не очень.

— Осторожнее, придурок, — бормочет Кингстон.

Бентли игриво пихает Кингстона локтем.

— Все в порядке, чувак. Я просто прикалываюсь над тобой. Я не могу тебя винить; если бы Жас была моей девушкой, я бы точно не смог оторваться от нее. Ты везучий ублюдок, черт возьми.

Мы с Кингстоном переглядываемся за спиной Бентли, пока идем к нашему столику. Он ведет себя как прежний Бентли — немного враждебно, много флирта, но в то же время есть что-то другое, как будто он провел четкую линию на песке.

— Что? — повторяю я. — Когда ты стал Снуп Д-О-Дабл Джи?

— Ха! Хотел бы я. Если бы я мог быть настолько успешным и при этом курить травку в грузовике, я был бы счастлив, — Бентли подмигивает.

Кингстон смеется и стучается кулаками со своим лучшим другом. Неловкости, о которой я беспокоилась все утро, не существует. На самом деле, враждебность, которая нарастала между этими двумя мужчинами, кажется, полностью исчезла. Я уверена, что этому способствует то, что Бентли определенно не ведет себя как человек, который два дня назад съел меня на глазах у моего парня.

Подожди-ка...

Я наклоняюсь, чтобы прошептать Кингстону на ухо.

— Ты мой парень?

Глаза Кингстона — сегодня скорее янтарные, чем изумрудные — поблескивают от удовольствия.

— Ты издеваешься надо мной, да?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Я имею в виду, я знаю, что мы говорили об отношениях, но мы вроде как пропустили часть про ярлыки.

Мы ставим наши подносы на стол, но прежде чем я успеваю сесть, Кингстон сжимает в

кулак волосы на моем затылке и впивается еще одним обжигающим поцелуем в мои губы.

Он улыбается во весь рот, когда отстраняется, заметив мое ошеломленное выражение лица.

— Ты моя, Жас, и наоборот. Мне похуй, какой ярлык ты используешь, это не изменит того, что есть на самом деле.

Мое лицо пылает, когда я опускаюсь на стул. Я уверена, что, если я повернусь прямо сейчас, все взгляды будут устремлены в нашу сторону.

— Тогда ладно.

Я откусываю кусочек от своей булочки с индейкой. Я уверена, что он вкусный, потому что вся еда здесь такая, но мой мозг не общается с моими вкусовыми рецепторами. Я слишком занята, пытаюсь убедить свою вагину в том, что я не могу взобраться на мужчину рядом со мной на глазах у всех этих людей.

Сзади нас раздается пронзительный крик. Мы все оборачиваемся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пейтон вырывается из объятий своего трахальщика и топает прочь. Но не раньше, чем она окидывает меня яростным взглядом. Когда Лукас Гейл следует за ней, как потерявшийся щенок, он бросает на меня еще более суровый взгляд.

— Черт. Что я такого сделала, что его трусики оказались в такой куче?

Бентли смеется.

— Это, малышка, была ревность, поднявшая свою уродливую голову.

Я в замешательстве вскидываю брови.

— С чего бы Лукасу Гейлу ревновать меня?

— Не к тебе, как таковой, — говорит Бентли. — К твоему мальчику, а потом и к тебе по ассоциации. Этот ублюдок равнодушен к королям, сколько я себя помню. Он хочет власти, и он знает, что не может ее получить. Неважно, как далеко он залезет в задницу Пейтона, он сможет стать королем, только если один из нас уйдет с поста. Его дед и отец были королями. Он тоже должен был им стать, но из каждого выпускного класса есть только трое. Никогда не было исключений, поэтому попытка Пейтона расширить двор — это такая шутка.

— Почему вы, ребята, попали в число избранных, а Лукас нет?

— Потому что наши деды были тремя отцами-основателями, — объясняет Рид. — Это важнее всего.

Я качаю головой.

— Я все еще не понимаю, в чем тут дело. Вы, ребята, похоже, не обладаете такой уж большой властью.

Все трое парней ухмыляются. Даже Эйнсли присоединяется.

— Что я упускаю? — спрашиваю я Эйнсли.

— Ты не видишь этого, Жас, потому что ты никогда не давала им власти над собой с первого дня. Для того чтобы они могли успешно править, тебе пришлось бы согласиться с порядком. Но вот в чем дело: ты можешь подумать, что это полная чушь, но все остальные в Виндзоре считают это законом. Их всех обучают с первого курса, а может, и раньше.

— Даже директор Дэвис не делает им замечаний, если они не нарушают правила о запрете насилия. Даже тогда, пока не будет слишком много свидетелей, он отвернется. То же самое с учителями. Не связывайтесь с членами королевской семьи, особенно с королями. Как бы это ни было сексистски и антично, если суд когда-нибудь разделится, последнее слово всегда будет за теми, у кого есть член.

— Ну, это полная чушь, — бормочу я.

— Так и есть, — соглашается Эйнсли. — Но в данном случае это может быть и хорошо. Если бы у кого-то не было такой власти над Пейтон, эта девочка была бы еще хуже, чем она есть. Если хочешь знать мое мнение, мальчики слишком добры, игнорируя ее бредни.

— Знаешь что, Эйнс, — говорит Кингстон. — Я думаю, ты права. Я думаю, им нужно напомнить, кто на самом деле главный, особенно после того дерьма, которое Пейтон устроила с Жас на вечеринке, — он смотрит на Рида. — Директор Придурок вышел из кабинета на обед, верно?

Бентли усмехается.

— Мне нравится, к чему ты клонишь.

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю я Кингстона.

Кингстон быстро целует меня в губы и встает.

— Смотри, детка.

Рид и Бентли следуют за ним, направляясь к столу королевской семьи. Пейтон и Лукаса все еще нет, но остальные шестеро выглядят испуганными, когда ребята приближаются. Я захлопываю рот рукой, когда Кингстон взмахивает рукой, опрокидывая на пол сразу три подноса.

Эйнсли смеется.

— О, черт. Он действительно хочет сделать драматический ход, да?

Вся комната замерла. Молчание. Вы могли бы услышать, как падает булавка прямо сейчас.

— Что он делает? — шепчу я.

Кингстон переводит взгляд на того парня, христианина.

— Убери это дерьмо.

— Простите? — отмахивается парень.

Бентли издает жуткий злобный смех, выдернув парня из стула и бросив его на пол.

— Ты плохо слышишь или просто тупица? Он сказал, убери это дерьмо.

У Кристиана сводит челюсть.

— Что я должен использовать? Ты где-нибудь видишь швабру и веник?

Глаза Рида сканируют комнату, пока не останавливаются на учителе. Кажется, этот парень преподает историю, но меня нет ни в одном из его классов.

— Ты! Найди этому засранцу швабру и веник.

Какого черта? Он не может так разговаривать с учителем! У меня отвисает челюсть, когда учитель истории убегает, предположительно, в кладовку.

— Вот дерьмо!

Рид смотрит на Кристиана сверху вниз.

— Воспользуйся своим пиджаком, пока он не вернется.

— Что ты делаешь?! — Пейтон практически бегом возвращается в комнату, Лукас у нее на хвосте. — Кингстон, что, по-твоему, ты делаешь?

— О, это будет здорово, — Эйнсли использует своего внутреннего мистера Бернса, постукивая кончиками пальцев друг о друга.

Я в таком же восторге от этого дерьмового шоу, как и вся остальные в зале.

Кингстон игнорирует Пейтон и обращается к Лукасу.

— Помоги ему. Сейчас же!

Лукас смотрит вниз на своего друга, который теперь заляпан маринарой.

— Пошел ты. Сам убирай.

Мои глаза расширяются.

— О, черт.

Глаза Кингстона наполняются яростью. Прежде чем кто-либо из нас успевает сообразить, что происходит, Кингстон хватает Лукаса за шею и прижимает его лицо к столу. Половина зала сочувственно морщится, другая половина смеется.

— Кингстон! Прекрати! — кричит Пейтон. — Скажи мне, что сделать, чтобы это прекратилось!

— Теперь ты будешь убираться в нижнем белье и использовать свою форму, чтобы вытереть это, — ворчит Кингстон, продолжая разговаривать с нашим звездным квотербеком. Когда Лукас упрямо отказывается признавать его, Кингстон обращается к Пейтон. — Хочешь помочь мне, Пейтон? В память о старых временах? Либо этот ублюдок разденется и поможет навести порядок, либо ты разденешься и сделаешь это за него. Что ты выберешь?

— Лукас, ты слышал его. Раздевайся до своих гребаных трусов и убери этот бардак! — Пейтон выглядит так, будто она вот-вот расплечется. Я бы пожалела ее, если бы она не была колоссальной дрянью. — Ваши король и королева приказали.

Кингстон отступает назад, позволяя Лукасу встать. Лукас смотрит на Пейтон все время, пока раздевается, пока не остается только в одних трусах.

— Что я должен надеть после этого? — хнычет Лукас.

Кингстон смахивает воображаемые ворсинки со своего рукава.

— Не моя проблема.

— Симпатичные трусики, брат, — замечает Бентли, поднимая мизинец. — Хотя они не очень-то помогают скрыть твою маленькую проблему.

Судя по тому, что я вижу, Бентли не ошибается. Лукас — крупный парень. Он высокий, у него великолепное тело с развитой мускулатурой, но явный отпечаток члена под белым хлопком не так впечатляет. Смех и шутки про микрочлен раздаются вокруг, когда Лукас встает на четвереньки, пытаясь вытереть пролитый красный соус своей белоснежной рубашкой.

— Может, у него растет, — хихикает Эйнсли.

Я хихикаю.

— Я очень надеюсь на это ради Пейтон.

— Слушайте сюда, — раздается голос Кингстона через всю комнату, но он смотрит на Пейтон. — С завтрашнего дня королевы и их маленькие лакеи будут сидеть за этим столом, — он указывает на дальний угол комнаты. — Он хороший, прямо рядом с кухней.

Пейтон задыхается.

— Кингстон, нет. Пожалуйста, не делай этого.

Он отводит от нее взгляд и обращаются к залу.

— Короли возвращают себе свое законное место в этой столовой, и любой человек, которого мы сочтем нужным пригласить к нам, может быть приглашен по нашему усмотрению, и только по нашему усмотрению.

Пейтон тянет Кингстона за руку.

— Пожалуйста, я сделаю все, что угодно.

Кингстон отдергивает руку, как будто ее обожгли.

— Не трогай меня, блядь. По любой причине. Единственные женские руки, которые я хочу видеть на себе, находятся прямо напротив моей сестры. С завтрашнего дня... — он

похлопал по стулу, который обычно занимает Пейтон. — Жас будет сидеть здесь, рядом со мной. Есть вопросы?

Лицо Пейтон напоминает помидор.

— Нет.

Кингстон прижимает ладонь к уху, делая вид, что не слышит ее.

— Прости, я не расслышал. Что ты сказала?

Кулаки Пейтон сжаты так сильно, что я не удивлюсь, если на ее ладонях останутся маленькие кровавые отметины в виде полумесяцев.

— Я сказала, нет! У меня нет вопросов.

Огромная улыбка растягивается на лице Эйнсли.

— Ты теперь веришь, что у них есть какая-то власть?

Я все еще смотрю в благоговении, пока Кингстон крадется в мою сторону, не сводя с меня пристального взгляда. Когда он доходит до стола, он протягивает руку, помогая мне подняться со стула.

На лице Кингстона появляется лукавая улыбка, и он наклоняется к моему уху.

— Помнишь ту штуку, которую мы хотели сделать в кладовке уборщика? Мы должны пойти и сделать это прямо сейчас.

Если мои трусики еще не намokли от безжалостной демонстрации власти Кингстона ранее, то при такой картине они бы намokли.

Я начинаю пятиться к выходу из комнаты, таща его за собой.

— Как скажете, ваше высочество.

Теперь Кингстон тянет меня за руку, и мне приходится бежать, чтобы не отстать от него, смеясь всю дорогу.

25. Жас

Последние три недели прошли удивительно спокойно, поскольку все мы вошли в привычный ритм. В школе ни один человек не приставал ко мне, словесно или как-то иначе, что, должна признать, настолько же странно, насколько и приятно. После разборок Кингстона в столовой, Пейтон и ее подружки не ступали в тот зал. Я не знаю, где они обедают, но, опять же, меня это не волнует. Думаю, Пейтон и Лукас решили, что это лучший способ сохранить лицо, не навлекая на себя гнев Кингстона.

После школы мы с ребятами просматривали записи с камер наблюдения, пока Эйнсли была на балете, но ни отец Кингстона, ни мой отец не дали нам ничего, чего бы мы еще не знали. Вероятно, не помогло и то, что их не было в городе даже больше, чем обычно. Учитывая, как редко они появлялись раньше, это говорит о многом. После того, как Эйнсли заканчивает репетицию, мы обычно ужинаем впятером и проводим время вместе. По воскресеньям Эйнсли стала постоянным дополнением к прогулкам Белль, что очень нравится моей сестре. Я думаю, что Кингстон, возможно, становится немного раздражительным, потому что Белль, кажется, обожает его близнеца больше, чем его.

Кстати, о Кингстоне... между нами все просто невероятно. Не только секс умопомрачительный каждый раз, но даже за пределами спальни он такой ласковый и заботливый, что я с трудом могу поверить, что это тот же самый человек, которого я встретила несколько месяцев назад. К тому же, с той ночи в доме Бентли, отсутствие напряжения между Кингстоном и Бентом продолжается. Кто бы мог подумать, что решением их проблемы стану обнаженная я? К счастью, Бентли остался верен своему слову,

ни разу не вспомнив о той ночи. Странно даже подумать, что это произошло, и как быстро все вернулось на круги своя. Это почти похоже на сон.

Как бы я ни была расстроена тем, что в ситуации с нашими отцами нет прогресса, все остальное было настолько хорошо, что я была больше счастлива, чем нет, впервые после потери мамы. Но какая-то часть меня не может не задаваться вопросом, когда же упадет вторая туфля. Все было слишком спокойно.

На следующей неделе у нас каникулы в честь Дня благодарения, и сегодня вечером студенты в Виндзоре празднуют. Мы впятером не были на вечеринках со дня рождения Пейтон, поэтому в интересах вести себя нормально, как советовал частный детектив Кингстона, сегодня мы это исправим. Вечеринка проходит в доме девушки по имени Шантель, которая, по заверениям Эйнсли, является нейтральной территорией. В качестве бонуса, она живет прямо на пляже в Малибу, так что, если мне повезет, возможно, я смогу прогуляться под луной со своим сексуальным парнем и немного поваляться на песке.

— Крошка, ты выглядишь охренительно, — Эйнсли проводит плойкой для выпрямления по последней пряди моих волос. — Каждый парень на этой вечеринке захочет засунуть в тебя своего ребенка сегодня вечером.

Я смеюсь, рассматривая свои леггинсы из искусственной кожи с высокой талией и красный укороченный топ с открытыми плечами. Мои темные волосы выпрямлены, глаза подведены дымчатыми тенями, а на ногах — черные ботильоны на шпильках. Ладно, думаю, я могу признать, что выгляжу довольно круто.

— Нет, спасибо. Я не хочу, чтобы в ближайшее время какой-нибудь парень засовывал в меня ребенка, даже твой брат.

Ее губы изгибаются.

— Но вы двое — такие милые родители. Белль повезло, что у нее есть вы.

Я закатываю глаза.

— Знаешь, мы перестанем приглашать тебя на наши воскресные прогулки, если ты не прекратишь старые шутки про семейную пару.

— Как бы то ни было, сучка, тебе нравится, когда я рядом, так же как и мне нравится быть там, — она поправляет свои груди, немного приподнимая их в своем коротком топе. — Как выглядят мои сиськи?

Я окидываю Эйнсли внимательным взглядом.

— Горячо. Итак, ты думаешь, что сегодня ночь, когда вы с Ридом наконец-то займетесь грязным делом, да?

Она стонет.

— Лучше бы так и было. Я устала от всех этих прелюдий, которые никогда не приводят к его члену в моем влагалище. Я уверена, что моя девственная плева скоро снова вырастет.

Мои губы дергаются.

— Спасибо за эту наглядность.

Эйнсли на мгновение исчезает в своей гардеробной и выходит оттуда в новом топе. Это платье с овальным вырезом и более свободное.

— Пожалуйста. У тебя нет права для разговоров. Вы с Кингстоном вывели КПК на совершенно новый уровень. Вы приближаетесь к эксгибиционистской территории.

Я корчу гримасу.

— Уверю тебя, этого никогда не случится. Я никогда не буду осуждать никого за их пристрастия, но я бы предпочла сохранить свою сексуальную жизнь в тайне, спасибо

большое.

— Кстати говоря... — Эйнсли краснеет. — Я должна тебе кое-что рассказать, потому что мне очень нужно поговорить об этом, но ты должна пообещать, что не скажешь ни слова моему брату.

Я сажусь на край кровати Эйнсли.

— Ну, теперь я заинтригована.

Она забирается на матрас рядом со мной, поджав под себя ноги.

— Я серьезно, Жас.

Я изображаю, как застегиваю губы.

— Мои губы запечатаны. Что за большой секрет?

— Ну, ты знаешь, каким замкнутым был Рид? — она рисует пальцем круги на фиолетовом пододеяльнике. — Изображая из себя «Я хочу быть с тобой, но на самом деле я не могу быть с тобой».

— Я помню. Но я думала, что вы, ребята, наконец-то разобрались с этим после инцидента с Рэпи МакРуфи.

— Разобрались. Единственная причина, по которой я вообще разговаривала с этим ублюдком, была в том, что я злилась на Рида за то, что он водил меня за нос. Но после той ночи... Рид сказал, что это заставило его понять, что он не может продолжать отталкивать меня. Что он должен выложить все и позволить мне решить, будем мы двигаться дальше или нет.

— И? Почему он был таким осторожным в первую очередь? Я не хотела совать нос, но раз уж ты заговорила об этом...

На лице Эйнсли появилось задумчивое выражение.

— Ну, оказалось, что поведение Рида было связано не столько с кодексом брата, сколько с тем, что он боялся меня спугнуть.

— Почему?

— Потому что он вбил себе в голову, что я из тех девушек, которые предпочитают довольно обычный секс. Особенно учитывая мое отсутствие опыта, он предполагал, что я буду думать, что он урод или что-то вроде того, и никогда больше не посмотрю на него по-старому.

Я нахмурилась в замешательстве.

— Почему ты должна считать его уродом?

Она сжимает руки в кулаки.

— Потому что у Рида Прескотта очень специфические... вкусы в постели. Ему нравится заниматься довольно извращенным дерьмом.

Мои глаза расширяются.

— Что?! Ты уверена, что мы говорим об одном и том же Риде? Он такой сдержанный.

— Не всегда. И уж точно не в постели. Черт, что этот парень может вытворять своим языком.

— Мы еще вернемся к языку. Я хочу знать о подробностях. Ты не можешь оставить меня в таком состоянии. Расскажи мне все грязные, очень грязные подробности.

Она смеется.

— Во-первых, он очень любит порку. Типа, перегнуть тебя через колено и отшлепать по голой заднице.

Удивленный смех вырывается из моих губ.

— Ты меня разыгрываешь?

— Ни капельки.

— Ого. Это всегда те, кто ведет себя тихо, — я делаю преувеличенное шлепающее движение в воздухе. — Как ты к этому относишься? Ты уже позволила ему отшлепать эту задницу?

Эйнсли прикусывает губу и краснеет.

— Ага.

— Заткнись. Заткнись! — я игриво подталкиваю ее. — И тебе понравилось?

— Сначала я не думала, что понравится, но мне очень, очень нравится.

— Было больно?

— Немного, — признается она. — Но это очень быстро. Он делает так, что сразу после этого трет место, что снимает жжение. А потом он трет другие места. Это на самом деле чертовски круто.

— Ну, блин. Кто бы мог подумать, что ты такая извращенка?

— О, заткнись, — Эйнсли закатывает глаза. — Ты никогда раньше не занималась ничем подобным?

А секс втроем с лучшим другом моего парня считается?

Я пожимаю плечами.

— Я никогда не пробовала порку, но я делала другие вещи.

Она поднимает бровь.

— Например?

— Эм... разве ты не говорила, что никогда не хочешь слышать о сексуальной жизни своего брата?

Эйнсли сморщила нос.

— Фу, нет. Забудь, что я спросила.

Я покачиваюсь, пока не нахожу более удобную позу.

— Что еще? Ты сказала — во-первых, что наводит меня на мысль, что в шкафу Рида Прескотта не один уродливый скелет.

Теперь ее лицо действительно покраснело.

— Ааа... он просто помешан на задницах. Типа, он хотел бы засунуть свой член мне в задницу, и не только в особых случаях.

— Ладно, нет на свете такого парня, который бы отказался от анала — по крайней мере, из тех, кого я знаю, — но как ты к этому относишься?

— Я сказала ему, что я определенно готова к исследованию, что шокировало его до смерти. Боже, ты бы видела его лицо, когда я сказала, что хочу немного поэкспериментировать, — Эйнсли хихикнула. — Мы делали кое-что... ну, знаешь, с его пальцем... и я не могу сказать, что мне это было противно. Он даже лизал меня там внизу, что, как я думала, будет странно, но это было невероятное ощущение. Так, о мой сладкий малыш Иисус, невероятно.

Я взмахнула бровями.

— Понятно, крошка. Похоже, ты нашла себе мужчину с небольшим фетишем на задницу.

— Черт возьми, я никогда не думала об этом, но у него точно есть фетиш на задницу, — она смеется так сильно, что ее глаза наполняются слезами. — Может, у меня и не такие большие сиськи, но хорошо, что у меня фантастическая задница, верно?

— У тебя потрясающая задница, Эйнс.

Она улыбается.

— Ты когда-нибудь занималась этим?

— Аналом?

Эйнсли кивает.

— Нет... но я тоже немного экспериментировала.

— Как ты думаешь, ты когда-нибудь захочешь? И, пожалуйста, не говори мне, если ты это сделаешь, потому что я знаю, что это будет с моим братом, но тебе не кажется странным, что я интересуюсь этим? После того, как Рид рассказал мне, что ему нравится, я посмотрела немного порно, знаешь, для исследования, и оно чертовски горячее. Мысль о том, чтобы сделать это с ним, меня заводит.

— Я вовсе не думаю, что это странно, — заверила я ее. — Я много думала об этом, и я совершенно не против попробовать. Кроме того, я всегда говорю, что все, что плавает в твоей лодке в спальне, является правильным для тебя. Пока все происходит по обоюдному согласию, кто я такая, чтобы судить, что нравится другим людям? Понимаешь?

Эйнсли кивает.

— Я думаю, это отличный способ взглянуть на это.

Мой телефон жужжит, я достаю его из кармана и вижу сообщение от Кингстона.

Кингстон: Вы двое почти готовы? Ребята уже здесь, и мы ждем их в домике у бассейна.

— Ребята с Кингстоном, — говорю я Эйнс, прежде чем ответить ее брату.

Я: Спустимся через несколько минут.

Эйнсли встает и смотрит на свое отражение в зеркале.

— Эта рубашка мне не идет. Ты иди вперед. Я буду прямо за тобой.

— Ты уверена? Я не против подождать.

— Уверена, — Эйнсли кивает. — Я буду минут через десять, максимум.

— Хорошо. Увидимся там.

Я спускаюсь по лестнице, пока Эйнсли переодевается, и направляюсь к задней части дома. Когда я заворачиваю за последний угол, который выведет меня на задний двор, я врезаюсь в стену лицом вперед. Только это скорее твердый сундук, чем настоящая стена.

— Жасмин. Какой приятный сюрприз, — отец Кингстона обхватывает руками мои бицепсы. Я думаю, что сначала он пытался поддержать меня, но он не предпринимает никаких усилий, чтобы убрать их.

— Э... да, конечно. Я как раз направлялась к Кингстону. Если позволите.

— К чему такая спешка? Не можешь уделить минутку старику своего парня? — он беззаботно смеется, но это противоречит тому, как он смотрит на меня.

Я пристально смотрю на его руки, но чувак не понимает намека, пока я не делаю шаг назад. Клянусь, его хватка на секунду стала крепче, словно он собирался притянуть меня к себе. Мне не по себе находиться так близко к мистеру Дэвенпорту, зная, какой он на самом деле отвратительный человек. Это даже хуже, чем находиться рядом с моим донором спермы, потому что Чарльз хотя бы не смотрит на меня так, будто представляет меня голой. А вот отец Кингстона — не очень.

— Я не знала, что вы вернулись в Лос-Анджелес. Разве вы не должны были вернуться завтра?

Он даже не пытается скрыть тот факт, что заигрывает со мной. Мерзость.

— Следишь за моим расписанием, да? Я польщена.

— Что?! Нет... Я... Эйнсли упомянула, что вас нет в городе и вы вернетесь завтра. Вот и все.

Мистер Дэвенпорт внимательно оценивает меня. Я говорю себе, что надо вести себя спокойно; не позволять этому засранцу добраться до меня. Это легче сказать, чем сделать, когда Кингстон так похож на своего отца. Это меня пугает. Еще хуже то, что у них одинаковые глаза.

Я люблю, когда Кингстон смотрит на меня этими прекрасными карими глазами, но, когда это делает его отец, меня это пугает. Хотя они одинаковы по форме и цвету, глаза старшего Дэвенпорта имеют злобный оттенок. Они холодные. Расчетливые. Глядя в них, клянусь, что вижу полное отсутствие совести — психопата, скрывающегося под блестящей поверхностью.

— Папа. Что ты делаешь?

О, слава Богу. Кингстон, должно быть, пришел посмотреть, почему я так задержалась.

Отец Кингстона поворачивается к сыну и широко улыбается.

— Я просто поздоровался с твоей прекрасной девушкой.

Челюсть Кингстона сжимается.

— Когда ты вернулся?

— Всего несколько минут назад, вообще-то. Я направлялся в свой офис, когда столкнулся здесь с Жасмин, — мистер Дэвенпорт смотрит в мою сторону и подмигивает. — Или лучше сказать, она столкнулась со мной?

Кингстон переключает свое внимание на меня.

— Жас, нам пора идти, чтобы не опоздать. Где Эйнсли?

Я дергаю головой в сторону лестницы.

— Она переодевается. Сказала, что выйдет через несколько минут.

— Иди и подожди с ребятами на заднем дворе. Я позову Эйнс, — Кингстон как-то странно смотрит на своего отца. — Пап, извини нас, нам действительно пора.

— Конечно, — мистер Дэвенпорт дарит сыну самую фальшивую улыбку, которую я когда-либо видела в своей жизни. — Что ж, не буду вас больше задерживать. Мы можем наверстать упущенное в День благодарения, Жасмин.

— День благодарения? — я нахмурилась в замешательстве.

— Мой сын не рассказывал тебе о нашей традиции празднования Дня благодарения? Дэвенпорты и Каллаханы празднуют вместе каждый год, — он окидывает меня еще одним непристойным взглядом. — Мне не терпится увидеть такое прекрасное дополнение к главному столу.

С этими словами он хлопывает Кингстона по плечу и уходит. Кингстон ждет, пока его отец скроется из виду, прежде чем заговорить.

— Иди в домик у бассейна, Жас

— Какого хрена, Кингстон? — кричу я шепотом. — Как ты мог не сказать мне о Дне благодарения? До него осталось всего пять дней!

Если подумать, почему никто не сказал мне об этом? Не то чтобы я часто видела Чарльза или Мэдлин, но с мисс Уильямс я сталкиваюсь каждый день.

Кингстон выпускает тяжелый вздох, как будто я его раздражаю.

— Я собирался поговорить с тобой об этом сегодня вечером.

— Чтож, можешь на меня не рассчитывать. Я иду к Белль.

Кингстон хватает меня за руку и притягивает к себе. Я совершенно не чувствую его прикосновений и не вдыхаю его сексуальный одеколон.

Он обхватывает ладонями мой затылок и притягивает меня к себе. Если бы кто-нибудь увидел нас, он, вероятно, подумал бы, что мы в любовных объятиях, но гнев, излучаемый Кингстоном, и напряжение в его теле — это совсем не так.

— Мы поговорим об этом, когда этого ублюдка не будет в здании, но твое отсутствие — это не вариант. Мое отсутствие — это не вариант. Наши отцы придают большое значение этому празднику. Они приглашают много деловых партнеров. Мужчин, с которыми мне нужно взаимодействовать, чтобы продвинуть наши планы, — другая рука Кингстона приземляется на мое бедро и сжимает его с силой. — А теперь иди в гребаный домик у бассейна и жди с Ридом и Бентли.

— Хорошо, — если бы мое лицо не было прижато к его дурацким упругим грудным мышцам, он бы почувствовал силу моего взгляда, но поскольку это так, мне приходится проецировать ее на свой тон.

Кингстон немного отстраняется и сгибает колени, так что мы смотрим друг другу в глаза.

— Прости, что сорвался, ладно? Когда я вошел сюда и увидел его так близко к тебе, я просто... — он ненадолго закрывает глаза. — Я не знал, что он вернулся в город. Я бы не оставил тебя одну в доме, если бы знал.

Любое затянувшееся раздражение, которое у меня было, рассеивается.

— Я знаю, что ты бы не оставила, — я обхватываю руками его подбородок и притягиваю его к себе для нежного поцелуя. — Я встречу тебя на заднем дворе, хорошо?

Я чувствую на себе взгляд Кингстона все время, пока иду к домику у бассейна. Когда я ступаю в безопасную зону, я не могу отделаться от мысли, что другой ботинок может упасть скорее раньше, чем позже.

26. Жас

Если вы побывали на вечеринке одного богатого ребенка, то вы побывали на всех. Но если этот богатый ребенок живет на пляже, то, на мой взгляд, он стоит на ступеньку выше остальных. На этой вечеринке есть как бар в помещении, так и бар на открытом воздухе под навесом. Как только мы приехали, мы с Эйнс сбросили обувь и отправились на пляжную часть вечеринки. Парни не спускают с нас глаз, но мы сказали им, что нам нужно немного женского общения, поэтому они держатся на расстоянии.

Меня до сих пор удивляет, сколько денег тратится на такие вещи. Мы с Эйнсли заказали «Секс на пляже» у нанятого бармена. Я знаю, что это совершенно дерьмово, но она заверила меня, что они вкусные, и она не ошиблась. Я застонала, когда сделала первый глоток персикового напитка.

— Боже, мне это было нужно.

Эйнсли делает свой глоток.

— Это действительно вкусно, правда?

Я хихикаю.

— Ну, да, но я имела в виду пляж. Давненько я на нем не была.

— А разве не прошло всего несколько недель?

— Именно, — я с силой отпиваю остатки своего восхитительно фруктового коктейля и бросаю красный стаканчик в стоящую рядом урну.

— Точно. Виновата, — Эйнсли следует моему примеру и визжит, когда часть ее напитка стекает ей на грудь.

Несмотря на то, что на улице темно, мне нравится быть здесь. Видеть луну, отражающуюся в океане, слышать, как волны разбиваются о берег, чувствовать запах соленого воздуха, когда мягкий песок скрипит между пальцами ног. Я делаю глубокий вдох и отпускаю его, затем делаю это еще несколько раз. Здесь прохладно, но, к счастью, алкоголь — теплый друг.

Океан всегда был моим счастливым местом. Независимо от того, насколько дерьмовыми могут быть иногда вещи, его просторы и жизненная сила напоминают мне, что там есть целый большой мир и много людей, которые застряли в худших ситуациях. Несмотря на то, как сильно я страдаю, я жива; следовательно, есть возможность для лучшего завтрашнего дня. Никогда еще для меня не было так важно помнить об этом, как сейчас.

— Я достаточно долго отсутствовал, — Кингстон подкрадывается ко мне сзади и притягивает меня к себе.

Я стону, когда он лижет чувствительное место прямо под моим ухом.

— Прошло уже пять минут.

— Именно. Пять минут слишком долго.

Пламя мерцает в темноте, когда Бентли зажигает сигарету и делает длинную затяжку.

— Ребята, вы в порядке? Думаю, сегодня я пропущу вечеринку с пятым колесом и пойду пообщаюсь. А под пообщаться я имею в виду найти горячую цыпочку, чтобы она мне отсосала.

Я ничего не могу с собой поделаться; мой взгляд автоматически падает на его промежность. То, что я не хочу снова оказаться с ним в непосредственной близости, не означает, что я не могу оценить хороший член. А у Бентли хороший член.

Я закатываю глаза, чтобы скрыть свое явное подглядывание.

— Повеселись там.

Бент улыбается, без сомнения, потому что поймал мой взгляд.

— О, не волнуйся, принцесса. Я так и сделаю.

— Я уже говорил тебе, как невероятно сногшибательно ты выглядишь сегодня? — Кингстон рычит мне на ухо, заставляя меня дрожать.

Я поворачиваюсь и обхватываю его шею руками.

— Не говорил, но спасибо.

Кингстон хватает двумя руками меня за задницу.

— Нет, спасибо за то, что ты такая замечательная конфетка для глаз.

Уголки моих губ приподнимаются.

— Ты идиот.

— Может быть.

Я приподнимаюсь на носочках, чтобы поцеловать нижнюю часть его челюсти.

— Трудно поверить, что всего несколько месяцев назад мы были на такой же вечеринке, как эта, и ты сыпал оскорблениями в мой адрес.

Кингстон смотрит мне в глаза.

— Ты ведь знаешь, что я ничего такого не имел в виду, верно?

— Я знаю, — мои пальцы играют с волосками на его шее, когда я слышу начальные ноты песни Меган Трейнор — «Woman Up». Что ж, это идеальное начало, если я когда-либо его видела. — Знаешь, что еще я знаю?

— Что?

Я отстраняюсь от Кингстона и хватаю Эйнсли за руку, чтобы оттащить ее от Рида.

— Что мы с Эйнсли собираемся потанцевать. Вы, мальчики, можете смотреть, но даже не думайте о том, чтобы вмешаться в наш танец.

Эйнсли хихикает, увидев, как у обеих парней отвисли челюсти.

— «Извините — не извините», мальчики.

Мы с Эйнсли взбегаем по ступенькам на террасу и заходим в теплый дом. Я знаю, что Кингстон и Рид прямо за нами, но я не оглядываюсь, пока мы с Эйнсли пробираемся к толпе танцующих людей. Мы протискиваемся в середину и начинаем трясти задницами, поднимая руки вверх, не обращая внимания на то, что мы босиком. Одна песня превратилась во множество, пока мы с Эйнсли не становимся липкими от пота и запыхавшимися.

Когда я замечаю, что Рид смотрит на Эйнсли так, будто хочет съесть ее живьем, я наклоняюсь к ее уху.

— Сегодня ты получишь его — П в свою В. И, возможно, твою А тоже.

Она смеется и игриво пихает меня.

— Заткнись! Ты ведь никогда не позволишь мне пережить это, правда?

— Наверное, нет, — честно отвечаю я. — Но ты все равно меня любишь.

Эйнсли притягивает меня в свои объятия.

— Правда люблю, Жас. Ты моя подружка. И если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, все, что тебе нужно сделать, это попросить.

Я крепко сжимаю ее, прежде чем отстраниться, мои глаза наполняются слезами.

— Так, больше никакого мягкотелого дерьма. Ты испортишь мой макияж. Иди и займись с ним любовью.

Она смеется, пока мы пробираемся сквозь толпу. Когда мы, наконец, добираемся до Рида, Кингстона нигде не видно.

— Где Кингстон? — спрашиваю я у Рида.

Он дергает головой позади себя. Я сразу же замечаю Кингстона и Пейтон, стоящих у задней стены. Судя по тому, как она размахивает руками, я предполагаю, что она о чем-то с ним спорит. Не знаю, почему Кингстон ей потекает, но я собираюсь избавить его от страданий.

Я наклоняю голову в их сторону.

— Похоже, Кингстона нужно спасать.

— Боже, она такая сука. Не понимаю, почему она еще не сдалась, — Эйнсли хмурится. — Хочешь, мы пойдем с тобой?

— Нет, я справлюсь с Пейтон.

Рид дарит Эйнсли небольшую улыбку.

— Ты хочешь выбраться отсюда? Мои родители уехали на выходные.

Ее глаза расширяются, когда она расшифровывает его заявление.

— Конечно.

— Развлекайтесь, вы двое, — я машу им пальцем, пытаюсь сдержать ухмылку.

Кингстон становится немного выше, заметив мое приближение. Пейтон оглядывается через плечо, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание, и ее глаза сужаются, когда она замечает меня. Она говорит ему что-то напоследок, но музыка слишком громкая, чтобы я могла услышать, и топает прочь.

— Что это было?

— То же самое дерьмо. В другой день, — Кингстон заправляет прядь волос мне за ухо. — Ты выглядишь разгоряченной. Хочешь подышать свежим воздухом? Я спрятал твои ботинки рядом с барбекю на заднем дворе.

— Конечно.

Кингстон ведет меня через массу тел, переплетая свои пальцы с моими. Когда мы выходим на улицу, я дрожу от резкого контраста температур.

Кингстон проводит ладонями по моим рукам.

— Ты в порядке?

— Да, — я указываю на небольшой костер внизу. — Но, может быть, мы можем немного посидеть там?

Похоже, никого не беспокоит тот факт, что на общественных пляжах нельзя разводить костры, так что я с этим согласна.

Он кивает и продолжает идти, пока мы не доходим до небольшого скопления людей на песке. Там есть только одно свободное кресло, поэтому Кингстон садится и тянет меня к себе на колени. Я вздыхаю с облегчением, так как мое тело мгновенно согревается. Мы сидим так несколько мгновений, просто глядя на пламя, наслаждаясь теплом.

Кингстон кладет свой подбородок мне на плечо.

— Куда ушли Эйнсли и Рид?

— Я не думаю, что ты хочешь знать ответ на этот вопрос.

Он стонет.

— Наверное, ты права.

— Ты видел Бентли?

— Минут пятнадцать назад. Он разговаривал с какой-то цыпочкой, но, похоже, зашел довольно далеко. Я сказал ему написать мне, когда он будет готов уйти, и мы отвезем его домой, — палец Кингстона пробирается под подол моего топа, медленно двигаясь взад-вперед по моей коже.

— С ним все будет в порядке? Похоже, что это чрезмерное увлечение становится все хуже.

— Именно поэтому я остаюсь абсолютно трезвым сегодня вечером, — грудь Кингстона поднимается и опускается, когда он делает глубокий вдох. — В понедельник будет ровно два года, как умер кое-кто из наших близких, так что я думаю, он очень тяжело это переживает.

— Карисса?

Кингстон крепко обнимает меня.

— Он рассказал тебе о ней?

— Не совсем. Но Эйнсли рассказала мне, как она умерла.

Я чувствую, как он тяжело сглатывает, прежде чем спросить: — Эйнс рассказал тебе о событиях, предшествовавших смерти Кариссы?

Я медленно качаю головой.

— Она сказала, что остальное должен рассказать Бентли.

Он долго молчит, а потом постукивает меня по бедру, побуждая встать.

— Давай немного прогуляемся.

Я сканирую людей, сидящих в кругу вокруг костра. Сочетание музыки, доносящейся из дома, и гула разговоров должно помешать кому-либо услышать нас, но я могу понять потребность Кингстона в уединении. У меня такое чувство, что эта история будет очень интересной.

27. Жас

Мы с Кингстоном немного прогуливаемся по пляжу, пока не оказываемся достаточно далеко от посторонних ушей. Он опирается на один из валунов, окаймляющих пляж, снова усаживает меня к себе на колени и, не теряя времени, приступает к рассказу.

— Бентли винит себя в ее самоубийстве.

Я поворачиваю верхнюю часть тела, чтобы видеть его лицо.

— Что?! Почему?

— Наверное, будет легче понять, если я начну с самого начала, — говорит он. — Мы все были в одном классе детского сада. Мы с ребятами подружились в первый же день, то же самое с Эйнсли и Кариссой. Поскольку мы с Эйнс всегда были близки, мы впятером проводили много времени вместе на протяжении всего нашего детства. Я думаю, Бент и Рисса влюбились до того, как кто-то из нас понял, что это значит.

Бедный Бентли. Потерять кого-то, кого ты очень любишь, достаточно тяжело. Я не могу представить, как тяжело, когда этот человек лишает себя жизни.

— Что с ней случилось?

— Как ни странно, Бентли и Рисса никогда официально не были парой. Карисса отказалась давать им этот ярлык, потому что якобы боялась, что это разрушит их дружбу. На мой взгляд, это было полным дерьмом, потому что всякий раз, когда один из них не встречался с кем-то другим, они вели себя так, будто они были парой во всех отношениях. Они потеряли девственность друг с другом, черт возьми. И если кто-то из них встречался с кем-то еще, это никогда не длилось долго, потому что они предпочитали быть друг с другом. Все это было очень странно и, вероятно, более чем немного токсично, но не было никаких сомнений в том, что они горячо любили друг друга. Оглядываясь назад, я думаю, что Карисса отказывалась делать шаг вперед из-за неуверенности в себе. Возможно, она решила, что если Бентли будет спать с кем попало в подростковом возрасте, то они смогут быть вместе потом. Ирония ситуации в том, что Бентли был без ума от этой девушки; я не думаю, что это когда-либо изменилось бы. Он не хотел никого другого, но, когда он видел, что Рисса встречается с другими парнями, он злился и выходил из себя. Однажды ночью они сильно поссорились, — Бента пригласили на вечеринку братства, и ему сказали привести друзей, особенно девушек, чтобы сравнить соотношение. Карисса не хотела идти. Ее старшая сестра училась в колледже и предупреждала ее обо всех безумных вещах, которые происходят в братствах. Она не хотела, чтобы Бентли тоже шел, наверное, потому что не хотела, чтобы он трахал кого-то еще, — он делает глубокий вдох. — Но... мы все равно пошли и надрались по полной.

— О-о. Что случилось? — я сжимаю бедро Кингстона, побуждая его продолжать.

— В какой-то момент ночью в Инстаграм начали появляться фотографии. Мы были отмечены на большинстве из них, так что Карисса получила место в первом ряду, чтобы увидеть полуголых девчонок из женского общества, висящих на Бенте и Риде. Мы все соврали о своем возрасте, так что эти девушки понятия не имели, что парни едва ли достаточно взрослые, чтобы водить машину.

— Только Бентли и Рид? — спрашиваю я. — Мне трудно в это поверить.

Я чувствую, как Кингстон пожимает плечами.

— В тот момент я уже был с Пейтон, и она была с нами. Пейтон не отходила от меня, так что было совершенно очевидно, что я не подхожу. Так или иначе, Карисса увидела

фотографии в Интернете и приехала на вечеринку, планируя вытащить Бентли.

— Что случилось, когда она туда приехала?

Кингстон обнимает меня крепче.

— Когда Рисса вошла, одна из девчонок из женского общества давала Бентли прямо там, прямо посреди главного этажа. Я искренне верю, что он был в таком состоянии, что едва понимал, что происходит. Бентли никогда не знал, что Карисса была там. Я видел ее, но ничего не сделал, когда она убежала в слезах, потому что решил, что она идет домой. Я подумал, что это было их обычное дело, снова ревновать.

— Не думаю, что мне нравится, к чему все клонится. Где она оказалась?

— Она осталась на вечеринке. Думаю, у нее была миссия причинить боль Бентли, потому что он причинил боль ей. Мы узнали, что она покинула братство только на следующий день. После обеда ее забрала служба безопасности кампуса, потому что она бродила в оцепенении, плакала и что-то бормотала про себя.

Кингстону не нужно говорить больше ни слова. Я знаю, без сомнения, что произошло. Экстремальная реакция Бентли на мое нападение и его категорическое отрицание того, что он накачал меня наркотиками, теперь имеет столько смысла. Я даже не понимаю, что плачу, пока Кингстон не целует мои слезы.

— У нее поехала крыша?

Кингстон делает глубокий вдох.

— Да. Мы так и не выяснили, сколько именно мужчин ее изнасиловали, но тело Риссы было... что бы ни случилось, это было довольно жестоко. Сначала она была в таком замешательстве, что отказалась идти в больницу или в полицию. Охрана кампуса пыталась убедить ее пройти обследование, но она потребовала уйти. Позже Рисса рассказала Эйнсли, что все, о чем она могла думать, это о том, чтобы убрать с себя их запах. Она так усердно скребла мочалкой, что получила ожоги от трения почти на половине тела.

Я вздрогнула.

— Господи.

— Да, — он прочистил горло. — Когда через несколько дней она рассказала родителям, они сразу же отвезли ее в больницу, а персонал больницы впоследствии обратился в полицию. К сожалению, Карисса смыла все ДНК, которые могли остаться, и наркотик уже вышел из ее организма, поэтому у нее не было доказательств. Когда полиция провела расследование, все до единого, живущие в том студенческом доме, утверждали, что никогда не встречали ее, что ее там никогда не было. Я сказал полиции другое, но это было слово двух человек против слова многих.

— После той ночи единственным человеком, которому Рисса могла довериться, была Эйнсли. Она отказывалась видаться с нами, даже с Бентли, что убило его. Эйнсли считает, что Карисса не могла справиться с присутствием мужчин, потому что она избегала и своего отца, когда это было возможно. Моя сестра боялась оставлять Риссу одну, когда не с кем было поговорить, поэтому она практически переехала в ее дом. Только поэтому мы знаем столько, сколько знаем. Карисса терпеть не могла прикосновений, какими бы невинными они ни были. Она лежала в постели по несколько дней подряд. Ей снились страшные кошмары — она просыпалась с криком или плачем, в полном ужасе, но никогда не помнила, почему. Карисса призналась Эйнс, что ей казалось, что она сходит с ума, что она просто хотела, чтобы это прекратилось. Кошмары Риссы становились только хуже, поэтому она начала заставлять себя бодрствовать как можно дольше, потому что не хотела пережить еще

один плохой сон. Эйнсли считает, что Рисса действительно снилось изнасилование, возможно, ее подсознание пыталось освежить ее память. После того как у Кариссы начались галлюцинации из-за недостатка сна, врач прописал ей снотворное. Рисса убедила мою сестру поехать домой, клялась, что после хорошего ночного отдыха она будет в порядке. Она даже согласилась записаться на прием к психотерапевту, к которому ее умоляли обратиться родители. Эйнсли никогда бы не уехала, если бы посчитала Кариссу неискренней. Я не знаю, была ли Рисса действительно великой актрисой, или она передумала, но в ту же ночь она проглотила больше половины бутылки таблеток и так и не проснулась.

— Бедная девочка.

Боже, как бы я ни была травмирована после нападения, я не могу даже представить, какие ужасы пронеслись в голове Кариссы после такого.

Я издаю тяжелый вздох.

— Я не понимаю, почему Бентли чувствует себя ответственным. То, что случилось с Кариссой, было ужасно, но он к этому не причастен.

— Бент думает, что, если бы он не подтолкнул ее пойти на вечеринку, они бы никогда не поссорились. Тогда, возможно, он бы не напился и не связался с той девушкой. Он считает, что это его вина, что Карисса вообще была на вечеринке.

— Ну, думаю, мой секрет раскрыт.

Мы с Кингстоном оба вздрогнули от звука голоса Бентли. Бентли выходит из тени сразу за валунами и идет к нам. Пламя его зажигалки освещает его лицо, когда он прикуривает тупую сигарету торчащего у него изо рта.

Я спрыгиваю с колен Кингстона на песок.

— Бентли, что ты здесь делаешь?

Он затягивается сигаретой и выдыхает.

— Мне нужен был свежий воздух. Нашел тихое местечко, чтобы потусоваться. По крайней мере, пока вы двое не появились.

— Почему ты ничего не сказал? — спрашивает Кингстон. — Почему ты не предупредил нас, что сидишь там?

Бент делает еще одну попытку.

— Нашел тему разговора увлекательной. Хотел посмотреть, к чему ты клонишь.

Уже довольно темно, но я все равно вижу, как Кингстон хмурится.

— Чувак, если...

Бентли поднимает руку.

— Все в порядке, чувак. Ты же не сказал ничего такого, что было бы неправдой. Я обещал Жас, что когда-нибудь расскажу ей — ты просто опередил меня, — он поворачивается ко мне. — Твой мальчик упустил одну вещь. Рисса была танцовщицей балета, как и Эйнсли. Для нее это было всем. Вот о чем татуировка на моей груди.

Блядь. Я не думаю, что когда-либо ранее видела, чтобы кто-то выглядел таким замученным. Мое сердце разрывается из-за этой бедной, потерянной души. Я даже не думаю об этом; я практически бегу к Бентли и обнимаю его. Сначала он разводит руки в стороны, но потом я вижу, как сигарета падает на песок прямо перед тем, как он обнимает меня в ответ.

— Бентли, мне очень, очень жаль, — бормочу я, прижимаясь к его груди. — Я понимаю, почему ты чувствуешь себя виноватым, но это не твоя вина. Это просто не... Ты не можешь продолжать позволять этому преследовать тебя.

Бентли запускает одну из своих рук в мои волосы и прижимает меня к себе на мгновение, прежде чем отпустить и отойти.

Он прочищает горло.

— Мне действительно не помешало бы выпить, так что я собираюсь вернуться на вечеринку? Вы двое идете?

Кингстон делает так, что он пристально смотрит на него, пытаясь понять, о чем он думает. Бентли смотрит прямо в ответ, ничуть не дрогнув от пристального взгляда.

Кингстон кивает.

— Поехали.

Что? Мы собираемся вот так просто все бросить?

Кингстон тянется к моей руке, переплетая наши пальцы, и не отпускает их до самого дома. Когда мы добираемся до террасы, Бентли направляется внутрь прямо к бару.

— Стоит ли ему сейчас пить?

Я натягиваю обувь, наблюдая за тем, как Бентли делает заказ бармену. Как только я обула ноги, мы вернулись в дом.

— Мы не оставим его до конца ночи, — уверяет меня Кингстон. — Он явно пытается заглушить себя. Я буду знать, когда он достигнет своего предела. Он близок, но еще не дошел.

Бентли подходит к нам со стаканом в руке и делает большой глоток.

— Эта вечеринка отстойная. Давайте я выпью еще пару стаканчиков, и буду готов к прыжку. Ты не против?

— Конечно, — Кингстон переводит взгляд на меня. — Мне нужно отлить. Никуда не уходи.

Бентли обхватывает меня за плечи.

— Не волнуйся, чувак, я согрею нашу девочку.

Челюсть Кингстона сжимается, но он пропускает это мимо ушей. Прежде чем уйти, он встречает мой взгляд и говорит: — Смотри за ним.

Я киваю в ответ.

— Итак, Жасси Жас, хочешь поговорить о чем-нибудь не таком чертовски депрессивном?

Я обхватываю его за плечи.

— Конечно, Бент. Что у тебя на уме?

— Ты можешь начать с того, что скажешь мне, какого цвета твои трусики. Это поможет мне потом лучше представить в своем мозгу.

Бентли явно использует юмор как защитный механизм. После того, что я узнала сегодня, я подозреваю, что он делает это уже некоторое время.

Я игриво закатываю глаза.

— Извини, приятель. Тебе просто придется это придумать.

Он смеется.

— И где же тут веселье?

Вокруг телевизора внезапно собирается кучка людей. Я ничего не думаю об этом, пока не начинают сыпаться непристойные комментарии.

— Черт возьми, посмотрите на это тело, — говорит один парень.

— Ее сиськи немного меньше, чем мне бы хотелось, но я все равно трахнул бы ее не задумываясь, — добавляет другой.

— Нет, блин. Она глубоко глотает, как чертова порнозвезда, — кажется, это снова был первый парень. — Кто-нибудь может дать мне копию этого для банка шлепков?

Что, блядь, они смотрят?

Мои глаза поднимаются к экрану, и когда я вижу, что там показывают, у меня отвисает челюсть.

Бентли, очевидно, видит это в то же время, потому что его хватка на мне усиливается.

— Какого хрена?

Мое лицо пылает, когда люди начинают смеяться и свистеть. Я думаю, что мы с Бентли оба в шоке, потому что никто из нас не двигается, чтобы остановить это. На 70-дюймовом экране в высоком разрешении я стою на коленях, отсасывая Кингстону в душе после вечеринки в честь дня рождения Пейтон. Что еще хуже, здесь все хорошо видно. Все. Блядь. Все. Судя по ракурсу, похоже, что кто-то направил камеру телефона на душ прямо из дверного проема.

Кингстон выбирает момент, чтобы вернуться, и хмурится, когда видит наше выражение лица. Он поворачивает голову, чтобы посмотреть, что привлекло наше внимание, и тут же бросается вперед.

— Что это за дерьмо? — кричит Кингстон. — Выключите это дерьмо! Где, блядь, пульт?

— О, Боже, — я прикрываю рот рукой.

Не могу поверить, что это происходит снова. На этот раз все еще хуже, потому что никто не защищает мою скромность. Каждый человек в этой комнате теперь видел меня полностью обнаженной. Они знают, как я выгляжу с чертовым членом во рту.

Бентли начинает действовать, вручную выключая телевизор. Он немного медлителен из-за своего опьянения, поэтому это занимает гораздо больше времени, чем мне хотелось бы.

— О, смотрите, это звезды шоу, — Пейтон усмехается, хлопая в ладоши, когда она идет к центру собравшейся аудитории. — Похоже, это вошло в привычку, — она щелкает пальцем между Кингстоном и мной. — Вы двое, типа, пытаетесь стать порнозвездами или что-то в этом роде? Или это эксгибиционизм?

Кингстон сжимает кулаки.

— Пейтон, если я узнаю, что ты имеешь к этому отношение, ты, блядь, труп.

Она насмешливо смеется.

— О, пожалуйста. Не пытайся обвинить меня в своих девиантных наклонностях. С чего бы это мне показывать шлюху в работе?

Кингстон делает шаг вперед, но я хватаю его за рубашку, и он, кажется, передумывает.

Бентли роется в шкафу с мультимедиа, когда он кричит: — Нашел! — он протягивает флешку.

— Это единственная копия? — Кингстон стискивает зубы. Сейчас он смотрит на Пейтон с неприкрытой ненавистью. Честно говоря, я удивлена, что она не свернулась в клубок, умоляя о прощении.

— Откуда мне знать? — Пейтон положила руку на бедро. — Я не имею к этому никакого отношения.

Я не верю ей ни на секунду. Судя по выражению лица Кингстона, я бы сказала, что он тоже не верит.

Барклай Как-его-там начинает смеяться.

— Должен сказать, Дэвенпорт, сначала я не понял, но после того, как я увидел, как

хорошо она сосет член, я могу понять, почему ты терпишь эту дрянь, — он смотрит на меня и подмигивает. — Сколько ты берешь, милая? Я бы хотел попробовать, — Барклай выпячивает грудь, когда смех окружает нас.

Мне даже не жалко этого ублюдка, когда кулак Кингстона вылетает и одним ударом сносит Барклая. К сожалению, этот удар также мгновенно вызывает драку.

— Ах, черт, — бормочу я, как раз перед тем, как какая-то сучка-подражательница Барби влепила мне пощечину.

О, черт, нет. Я даже не знаю, кто эта цыпочка! Я поднимаю кулак и бью ее прямо в челюсть. Она отшатывается назад к стене, глаза расширяются, когда я преследую ее, попадая ей прямо в лицо.

— Еще раз тронешь меня, и я заставлю тебя пожалеть об этом, — рычу я.

— Мне жаль! — Барби поднимает руки вверх и отшатывается, когда я имитирую удар.

Я вижу, как Бентли ныряет в драку, и часть меня беспокоится, что он слишком пьян, чтобы справиться с собой. Однако мое беспокойство длится всего секунду, когда я вижу, как Бент ловко уворачивается от удара, а затем начинает избивать идиота, который пытался его ударить. Кулаки летят отовсюду. Девушки кричат. Половина посетителей вечеринки падают — некоторые из них выглядят слишком счастливыми от этого — а другая половина спотыкается друг о друга, чтобы убежать. В этой суматохе я теряю из виду Бентли и Кингстона, но я слишком занята, чтобы беспокоиться об этом.

Какой-то придурок бросается на меня, и я даю ладонью ему в горло.

— Тебя никто не учил никогда не бить девушек, придурок?

Он сжимает шею, хрипя.

— Тупая сука.

О, нет, не учили!

Я кладу руку ему на плечо для опоры и бью этого ублюдка коленом по яйцам так сильно, как только могу. Он мгновенно падает на землю, хныча в позе эмбриона.

— Подумай об этом в следующий раз, когда захочешь избить женщину.

Уголкем глаза я вижу, как Пейтон пытается убежать. Она чертовски обманывает себя, если думает, что я позволю ей пройти мимо меня. Я знаю, что она ответственна за это видео. Я не знаю, как она обошла замок на двери спальни, но эта шлюха как-то догадалась об этом.

Я перепрыгиваю через мудака, держащегося за яйца, и пускаюсь в погоню. Как только Пейтон видит меня, она сворачивает налево и бросается вверх по лестнице. Очевидно, она никогда в своей чертовой жизни не смотрела фильмы ужасов, потому что она должна была знать, что у нее гораздо больше шансов спастись, если бы она выбежала на улицу. Когда я достигаю верхнего уровня, я оглядываюсь, но не вижу ее. Я начинаю открывать двери, одну за другой, пока не натыкаюсь на препятствие. Предпоследняя дверь заперта, и я знаю, что она за ней.

Я стучу по дереву сжатым кулаком.

— Выходи сюда и получишь по заднице, как настоящая женщина, Пейтон!

— Пошла ты! — кричит она через дверь.

Я изучаю дверную ручку, пытаюсь понять, смогу ли я взломать дверь. Этот замок без ключа, но это один из тех, с отверстиями, как у Чарльза в особняке, так что мне все равно понадобится инструмент, чтобы попасть внутрь. Блядь. Как же я собираюсь...

Что-то твердое ударяет меня сзади по голове, и я с гулким стуком врезаюсь лицом в дверь. Перед глазами заплесали пятна, когда я, спотыкаясь, пячусь назад. Прежде чем я

успеваю поймать равновесие, меня толкают на пол с такой силой, что у меня клацают зубы.

— Черт, — бормочу я, пятнышки становятся все сильнее.

Я хриплю, когда колено упирается в середину моего позвоночника, а сильная рука давит на затылок. Мои руки зажаты подо мной, а лицо впечатывается в ковер с такой силой, что кожа на лбу и переносице покрывается сильными ожогами.

Теплое дыхание, пропитанное алкоголем, ударяет мне в ухо, когда глубокий голос рычит: — Теперь ты не такая уж и крутая, да? Знаешь, я не могу перестать думать о тебе, — я вздрагиваю, когда он зарывается лицом в мои волосы. — Как сильно я хочу заставить тебя кричать, когда буду брать твою маленькую пизденку. Хотя, после просмотра этого видео, я думаю, что лучше бы я сначала оттрахал твое лицо. Ты бы выглядела невероятно, задыхаясь от моего члена, со слезами, текущими по твоему лицу.

Я стараюсь не думать об этом, но внезапно я снова оказываюсь в том лесу, истекающая кровью и разбитая. Как я могу не думать об этом, когда тот же мужчина, который пытался изнасиловать меня, сейчас давит меня своим весом, а его мускусный одеколон с бергамотом проникает мне в нос?

— Пожалуйста, не делай этого, — всхлипываю я на полу, покрытом толстым ковром.

Мой голос настолько приглушен, что я не уверена, что он меня слышит. Я точно знаю, что не смогу кричать о помощи в таком состоянии. Боже, я ненавижу быть такой слабой, но я не могу дышать. Не могу пошевелиться. Мое сердце словно пытается вырваться из груди. Насколько печально, что я надеюсь, что Пейтон выйдет из той комнаты и отпугнет этого парня? Но я сомневаюсь, что это произойдет, потому что есть реальная возможность, что она просто подставила меня.

— О, Жасмин, ты не можешь управлять здесь шоу, — я напряглась, когда он произнес мое имя. — Да, именно так; я точно знаю, кто ты. Где ты живешь. Я следил за тобой. Ждал. Твой парень только что дал мне прекрасную возможность, затеяв эту драку. Может быть, мне стоит послать ему твои трусики в качестве благодарности после того, как я сорву их с твоего тела.

Я хнычу.

Он обхватывает мои волосы кулаком и тянет так сильно, что у меня слезятся глаза.

— Что ты скажешь, если мы воспользуемся одной из этих спален? Я уверен, что смогу найти, чем тебя связать. Мне придется завязать тебе глаза, но я уверен, что ты понимаешь, почему.

Парень ругается, когда кто-то внизу кричит: — Копы! Все убирайтесь к чертовой матери!

О, слава Богу.

Боковым зрением я вижу, как мясистый кулак приближается к моей голове, но я не могу ничего сделать, чтобы остановить его. Последнее, что я слышу перед тем, как потерять сознание: — Это еще не конец, сука.

— Жас! Проснись, блядь!

Кто-то переворачивает меня на спину. Мои глаза распахиваются, и я задыхаюсь, пытаюсь оттолкнуть их руки. Я пытаюсь освободиться, но не могу. До моих ушей доносится тихий крик, и я понимаю, что он исходит от меня.

Крепкие руки хватают меня за плечи и трясут.

— Жас! Это я. Успокойся.

Я замираю при звуке голоса Кингстона. Я несколько раз моргаю, ожидая, пока мои глаза сфокусируются. Кингстон нависает надо мной, тревога видна в его лесных зеленых глазах. Бентли стоит позади него с таким же выражением лица.

— О, черт возьми, спасибо, — Кингстон прижимается своим лбом к моему, заставляя меня вздрогнуть. Когда он отстраняется, он нежно проводит пальцами по огрубевшей коже прямо под моей линией волос. Его глаза сужаются, когда он говорит: — Что, черт возьми, здесь произошло, Пейтон?

Я моргаю еще несколько раз и вижу, что Пейтон прислонилась к стене, скрестив руки на груди.

— Откуда мне знать? Я уже говорила тебе, я ничего не видела. В одну минуту эта психопатка гналась за мной по лестнице, а в следующую она была уже без сознания.

Психопатка?! Привет, Пот, приятно познакомиться. Я Чайник, твой менее сопливый коллега.

Я хихикаю, забавляясь тем, что мой сарказм все еще силен, даже после очередной травмы головы. Озабоченные глаза Кингстона снова переходят на меня, вероятно, интересуясь, что меня так позабавило. А может, он считает меня сумасшедшей. Я бы сказала, что шансы пятьдесят на пятьдесят. Эта мысль заставляет меня фыркнуть и рассмеяться.

— Жас, что случилось? — осторожно спрашивает Кингстон. Я только сейчас замечаю, что на его щеке и вокруг левого глаза расцветают синяки.

Я стону, пытаясь сесть. Кингстон помогает мне сесть, помогая мне принять удобное положение у стены.

— На меня напали сзади... тот самый парень из леса. Ударил по голове, — я протягиваю руку за спину и потираю больное место.

Кингстон резко выдыхает, когда копирует движение и ощупывает большую шишку.

— Господи, черт. Бент, не сходишь ли ты в морозилку? Принеси мне пакет со льдом или горох. Что угодно.

— Ну, это было весело и все такое, но я ухожу, — Пейтон махнула рукой в мою сторону. — Повеселись с этим.

— Я еще не закончил с тобой, Пейтон, — предупреждает Кингстон. — Мы поговорим, как только я буду уверен, что с Жас все в порядке.

Она откидывает свои обесцвеченные светлые волосы через плечо.

— Неважно. Ты можешь говорить все, что захочешь, Кингстон. Это не изменит того факта, что я ничего не знаю.

Я жду, пока Пейтон уйдет, прежде чем говорить.

— Он знал мое имя. Сказал, что знает, где я живу. Он следил за мной. Он видел видео... сделал извращенный комментарий по этому поводу.

Челюсть Кингстона сжимается.

— Ублюдох.

— Дерьмо, — говорит Бентли одновременно.

— Да, — я начинаю кивать, но морщусь, когда боль усиливается. Господи, у меня мать всех головных болей.

— Пойду принесу лед, — Бентли уходит, предположительно на кухню.

Я сижу там в некотором оцепенении, пока Бентли не возвращается через несколько минут с пакетом замороженных овощей и фельдшером.

Когда я бросаю на него вопросительный взгляд, он говорит: — Подумал, что не помешает, чтобы он взглянул. Одна девушка вызвала их после того, как ее парню сломали нос.

— Круто, — вздыхаю я.

Кингстон пожимает плечами.

— По крайней мере, место быстро очистилось, когда люди услышали сирену. Так было легче тебя найти.

Мужчина опускается передо мной на колени.

— Привет. Жасмин, да? Я Дэн. Я так понимаю, у вас травма головы. Могу я взглянуть?

— Поезжайте в город, — бормочу я.

Дэн осматривает мой затылок и висок, приказывая мне держать горох на шишке, пока он измеряет мои показатели. Он светит мне в глаза и говорит, чтобы я следовала за его пальцем во всех направлениях, задавая при этом несколько вопросов. Кингстон вводит парамедика в курс дела о моем недавнем сотрясении мозга, пока тот собирает свою медицинскую сумку.

— Ну, я думаю, это просто неприятная шишка, но я бы все равно рекомендовал пройти компьютерную томографию, особенно учитывая вашу недавнюю историю болезни. Мы можем отвезти вас на машине скорой помощи, или попросите кого-нибудь отвезти вас.

— Я отвезу ее, — говорит ему Кингстон.

Парамедик на мгновение смотрит на Кингстона.

— Я, конечно, не офицер полиции, но все равно спрошу. Вы что-нибудь пили или принимали наркотики?

Кингстон смотрит на бедного парня, который просто пытается делать свою работу.

— Я не выпил ни капли за весь день. Я заберу ее.

Дэн кивает.

— Хорошо. Удачи, Жасмин.

— Спасибо.

Бентли занимает место на противоположной стороне от Кингстона.

— Ты должна перестать нас так пугать, Жасси.

— Я сделаю все возможное, чтобы на меня больше не нападали, — невозмутимо заявляю я.

Кингстон берет меня за руку и помогает мне встать.

— Ты уверена, что это был тот же парень?

— Я уверена, — я подавляю дрожь.

Бентли берет меня за другую руку, и они осторожно ведут меня вниз по лестнице.

— Итак, кто-нибудь собирается указать на очевидное?

— Что именно? — спрашиваю я.

— Единственными людьми на этой вечеринке были студенты Виндзора, — Бентли идет впереди нас и открывает входную дверь, прежде чем продолжить. — Тот парень упомянул, что видел видео, верно? Ну, он мог сделать это, только если был частью толпы.

— Что означает, что он был перед нами все это время, — Кингстон крепче сжимает свою хватку. — Жас, ты вообще узнала его голос?

— Нет, — я слегка покачала головой. — В нем нет ничего такого, что выделялось бы. Просто стандартный глубокий мужской голос.

Кингстон открывает пассажирскую дверь своего Range Rover и помогает мне сесте

внутри.

— Мы найдем этого парня, Жас. Я так или иначе узнаю правду от Пейтон. Я знаю, что она что-то скрывает.

Бент забирается на заднее сиденье и добавляет: — А пока, может, нам стоит пропустить вечеринки.

Можешь не повторять это еще раз.

28. Кингстон

После того, как Жас получила разрешение из больницы, я привез ее к себе домой. Я рад, что она не захотела возвращаться в резиденцию Каллаханов, потому что я ни за что на свете не позволил бы ей этого, что неизбежно привело бы к новому спору. Несмотря на то, что мой отец вернулся в Лос-Анджелес, я все равно чувствую, что ей лучше быть со мной здесь, в домике у бассейна. Мне нужно знать, что она в безопасности, а я не могу этого сделать, если не вижу ее своими глазами.

Когда я понял, что Жас не там, где я оставил ее на вечеринке, я был в ужасе. Я оторвал Бентли от чувака, с которым он дрался, и мы отправились на ее поиски. К счастью, в это же время люди начали убегать с места происшествия, потому что услышали приближающуюся машину скорой помощи. Сирены на вечеринке, где есть несовершеннолетние, пьющие и употребляющие наркотики, никогда не являются хорошей вещью. Никто не стал разбираться, что это за сирена и зачем она там, а просто выскочил через заднюю дверь.

Черт, когда я наконец нашел Жас и увидел, что она снова без сознания, думаю, мое сердце перестало биться. Моя грудь вздымалась, когда я пытался отдышаться. Тьма внутри меня бурлила, борясь за превосходство. Она хотела выследить и уничтожить того ублюдка, который сделал это с ней. На несколько секунд мне показалось, что я сойду с ума. Типа, полностью разрушу дом, потеряю ее. Я не чувствовал себя настолько неуправляемым с тех пор, как впервые заподозрил, что мой отец подстроил убийство моей мамы.

— Как твоя голова? — я беру бутылку воды из холодильника и протягиваю ее Жас.

Она делает длинный глоток.

— Намного лучше после того, как подействовал тайленол.

— Ты устала? — я беру ее за руку и веду в свою спальню. — Или ты еще хочешь поговорить о том, что произошло?

Жас ничего не сказала с тех пор, как мы ушли с вечеринки. Я знаю, что она в шоке от встречи с тем ублюдком, но она не хочет говорить об этом, потому что не любит делиться чувствами. Черт, я тоже, но это не мешает мне хотеть знать все, что происходит у нее в голове.

— Я уже рассказала тебе все, что случилось, Кингстон.

Я выхватываю бутылку из ее рук и ставлю ее на тумбочку.

— Это не то, о чем я говорю, и ты это знаешь. Я хочу знать, что ты чувствуешь по поводу случившегося.

Жас качает головой.

— Не сегодня. Сегодня я просто хочу забыться.

Я стону, когда она протягивает руку и гладит мой член через джинсы.

— Как бы мне ни нравилось то, к чему ты клонишь... — я обхватываю рукой ее запястье и убираю его от своего члена. — Запихивание этого в коробку на задворках твоей головы не поможет.

— Я знаю это, — Жас делает несколько шагов назад и вылезает из своих узких брюк, отбрасывая их в сторону. — Но я не хочу, чтобы воспоминания о нем были последним, о чем я думаю перед тем, как заснуть. Как и мысли о всех тех людях, которые видели нас голыми, оскверняя своими жадными взглядами то, что должно было быть интимным актом.

— Жас...

Она поднимает рубашку над головой и отбрасывает ее за спину. Когда она снимает и лифчик, я автоматически подхожу ближе.

— Мне нужны воспоминания о том, как твои руки прикасаются ко мне, — продолжает она. — Твои глаза на мне. Когда я буду спать сегодня ночью, я хочу чувствовать восхитительную боль, которую ты оставляешь после того, как побываешь внутри меня.

Я смотрю на потолок в поисках божественного руководства.

— Бляяядь.

Полные губы Жас подрагивают в уголках, вероятно, потому что она знает, что у нее есть я.

— Кингстон, я хочу тебя. Мы сможем разобраться с реальным миром завтра.

Я нежно целую фиолетовый синяк на ее лице, задерживаясь там на мгновение. Когда я успел стать тем парнем, который делает что-то подобное? Я прикасаюсь к почти обнаженной, потрясающей женщине, и мои губы на ее гребаном виске. Жас пробуждает во мне ту сторону, о существовании которой я, честно говоря, и не подозревал.

— Ложись.

Жас опускает свое тело на матрас, откидываясь к изголовью, пока я раздеваюсь до трусов. Ее темные волосы веером рассыпаются по подушкам, и я не могу не думать о том, как хорошо она выглядит в моей постели, с глазами, затуманенными желанием. Я заползаю на кровать и нависаю над ней, проводя кончиком пальца по ее ключице и вниз по руке.

Соски Жас превращаются в тугие бутоны, а по ее бронзовой коже разбегаются мурашки. Моя красавица стонет, когда я смыкаю губы над одним кончиком, проводя по нему языком. Когда я переключаюсь на другой, она до смерти стискивает мои бицепсы.

— Кингстон... — ее бедра вздымаются вверх. — Это так приятно, но я не хочу нежности. Не обращай со мной так, будто я сделана из стекла.

Я поднимаюсь в позу и смотрю ей в глаза. Коньячные глаза Жас прыгают между моими, умоляя выслушать меня.

Я поднимаю бровь и одариваю ее волчьим оскалом.

— О, принцесса, ты разбудила зверя.

Глаза Жас сверкают от возбуждения прямо перед тем, как я обхватываю руками ее крошечную талию и переворачиваю ее на живот. Она визжит, когда я приподнимаю ее задницу вверх, оставляя ее верхнюю часть тела на матрасе. Я покусываю одну ягодицу, а затем продеваю пальцы под хлипкие бретельки ее стрингов и грубо стягиваю их вниз.

Блядь.

Она уже мокрая и нуждающаяся, и я не могу ждать ни секунды, чтобы прильнуть к ней ртом. Без прелюдий я одним долгим движением облизываю ее от щели до клитора. Жас задыхается, когда я погружаюсь в нее, разминая руками ее круглые ягодицы, пока мой язык трахает ее киску. Она жадно вжимается в меня, пока я пожираю ее, сжимая в кулак простыни и умоляя о большем.

— Ты такая чертовски вкусная, — бормочу я, попеременно облизывая и посасывая ее горячую плоть. — Я собираюсь трахать тебя так сильно, что ты увидишь звезды.

— Я не против, — говорит она. — Космос — это красиво.

Эта девушка всегда такая умница.

Жас стонет, когда мой смех вибрирует в ее киске. Я ввожу в нее два пальца и двигаю ими туда-сюда, одновременно лаская языком ее клитор.

— Боже, — выдыхает она тем хриплым голосом, который я так люблю.

— Бог — это не тот, кто собирается заставить тебя кончить, милая.

Я не даю ей времени, чтобы сформулировать еще один дерзкий ответ. Вместо этого я пирую на ее киске, как изголодавшийся мужчина, облизывая, посасывая и трахая пальцами, пока она не выкрикивает мое имя. Я даже не даю ей времени прийти в себя; я спускаю трусы достаточно низко и погружаюсь в нее, пока она все еще бьется в спазмах.

— Ебаный ад, — простонал я, когда полностью вошел в нее.

Я хватаю Жас за бедра, оттягивая назад до самого кончика, а затем снова вхожу в нее. Я тянусь вперед, собираю ее длинные волосы и наматываю их на кулак. Я дергаю за густые пряди, пока она не переходит грань между удовольствием и болью, точно зная, как ей это нравится. Я трахаю ее жестко и быстро, пока кожа не задевает кожу, а дыхание не становится неровным. Я скольжу другой рукой к месту соединения наших тел, покрывая большой палец свидетельством ее возбуждения.

Впиваясь кончиками пальцев в поясницу Жас, я прижимаю большой палец к напряженному бутону между ее складками, стимулируя чувствительные нервы. Мои бедра продолжают входить в нее без пощады, до тех пор, пока ее киска не начинает пульсировать и сжиматься вокруг меня, сигнализируя о приближающейся кульминации.

— Черт, я сейчас кончу, — кричит Жас.

Я улыбаюсь, когда она вжимается в мой большой палец.

— Ты чего-то хочешь от меня, милая?

Она поворачивает шею и смотрит на меня.

— Отвали.

Я издевательски смеюсь, но прямо перед тем, как она падает за край, я погружаю большой палец в ее задницу до первой костяшки. Жас откидывает голову назад, она хнычет, проклиная и кричит во время разрядки. Несколько толчков спустя, я стону, присоединяясь к ней в блаженстве оргазма, медленно двигаясь сквозь толчки. После того, как толчки стихают, мы оба падаем в бесформенную кучу, наша кожа покрыта капельками пота, мы пытаемся отдышаться.

Жас переворачивается, когда я перекатываюсь на бок. Она обхватывает мое лицо руками и притягивает меня в поцелуе, стонет, пробуя себя на вкус. Господи, почему это всегда так возбуждает? Мы не торопимся, запоминая рельеф губ друг друга, пока они не опухли и не покраснели. Когда мы наконец прерываемся, Жас проводит пальцем по моей брови и вытягивает шею, чтобы поцеловать то, что, как я предполагаю, является синяком, образовавшимся на моей щеке. Она усмехается, когда я нежно целую середину ее лба в ответ.

Что, черт возьми, эта женщина делает со мной? Как мы перешли от жесткого, грязного траха к чему-то такому... интимному?

— Чувствуешь себя лучше?

— Мммм.

Я убираю влажные волосы с ее лица.

— Я рад, что нашел тебя, Жас.

Я говорю не только о сегодняшнем вечере, и, если ее сонная улыбка свидетельствует об

этом, она прекрасно понимает этот факт.

— Я тоже рада, что ты нашел меня.

29. Жас

— Итак, расскажи мне о Дне благодарения. Чего именно мне следует ожидать?

Кингстон сосредотачивается на том, чтобы влиться в поток машин на шоссе, прежде чем ответить.

— Каждый год наши отцы арендуют бальный зал в пятизвездочном отеле и устраивают душный ужин в черных галстуках для примерно пятисот гостей.

— Какого хрена? Разве День благодарения не предназначен для того, чтобы провести время с семьей, есть индейку и пирог?

Он качает головой.

— Для них это ежегодное мероприятие по налаживанию связей — возможность похвастаться своими достижениями или завести новые деловые контакты. Здесь присутствует множество влиятельных людей из самых разных областей. Возможно, ты узнаешь и некоторых знаменитостей.

— Какова моя роль во всем этом?

— Подозреваю, что Каллахан будет выставить тебя напоказ, как выставочную пони, — Кингстон выглядит раздраженным от этой мысли. — Он будет вести себя так, будто не может быть счастливее, от того, что ты есть в его жизни. Он будет ожидать, что ты будешь хорошо вести себя с Мэдлин и Пейтон, чтобы вы выглядели как одна большая счастливая семья. Он не упустит шанс нанести новый слой воска на свой публичный имидж.

— Звучит супер весело, — пробурчала я. — Можно подумать, что он не хочет видеть меня там, потому что я, по его словам, такая «грубая по краям».

Кингстон на мгновение поворачивает голову в мою сторону и ухмыляется.

— Мне, например, нравятся все твои изгибы и края.

Я бросаю на него взгляд типа «Ты идиот», но так как он смотрит на дорогу, я сомневаюсь, что он это видит.

— Сегодня четверг. Почему никто до сих пор не поговорил со мной об этом? Если внешний вид так важен, не думаешь ли ты, что донор спермы сделал бы какое-то предупреждение типа «Веди себя хорошо, или будут последствия»?

— Может быть, они ждали, когда начнутся каникулы в школе. Я уверен, что Мэдлин планирует натравить на тебя своих стилистов; возможно, уже ждет вечернее платье и все такое. И если честно, ты была у меня дома с тех пор, как начались каникулы.

Это правда. После вечеринки мне невыносима мысль о том, что я останусь одна. Я не сомневаюсь, что этот ублюдок говорил правду о том, что знает, где я живу. К тому же, я не уверена, что Пейтон специально не привела меня к нему в ту ночь. Она уклонялась от обещанного Кингстоном допроса, что говорит мне о том, что ей есть что скрывать.

Я сужаю глаза.

— Самодовольство тебе не к лицу, Кингстон.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — он невинно пожимает плечами.

Я усмехаюсь.

— Чушь. Ты не хочешь, чтобы я оставалась в этом доме. Учитывая, что я была с тобой последние две ночи, ты думаешь, что победил.

Этот придурак ухмыляется.

— Я бы никогда такого не подумал.

— Ну, у меня есть для тебя новости, приятель. Я поеду домой после того, как мы высадим Белль сегодня вечером.

Он смотрит на меня боковым зрением.

— Это мы еще посмотрим.

Я скрещиваю руки на груди и отворачиваюсь к окну.

— Задница.

Кингстон смеется.

— Тебе это нравится.

Я борюсь с улыбкой. Он прав, мне очень нравится наши подшучивания.

— Вернемся к нашей теме... Я не удивлена, что твой отец или мой отец поставили бы бизнес выше семьи в праздник, но разве у этих других людей нет своих семей, с которыми они могли бы провести этот день?

Он кивает.

— Они привозят их с собой. Существует негласное правило, что маленькие дети не приветствуются, но ты увидишь там людей примерно нашего возраста — многие из них из Виндзора. Кроме того, большинство этих людей нельзя назвать дружелюбными или ориентированными на семью. Статус и богатство — вот что ими движет

Потрясающе. Пятьсот клонов моего донора спермы в одной комнате.

Мои брови сходятся вместе.

— Вы упомянули, что эта вещь поможет вам продвинуть дело дальше. Каким образом?

Он резко выдыхает.

— Потому что я подозреваю, что некоторые из этих мужчин так или иначе помогают нашим отцам в их побочном бизнесе. И я уверен, что среди присутствующих есть по крайней мере несколько десятков мужчин, которые являются покупателями или, возможно, брокерами. Я веду список, но их довольно легко выделить из толпы, если внимательно наблюдать за ними. Обычно они наблюдают за молодыми, красивыми женщинами в зале. Некоторые из них слишком молоды.

Меня тошнит.

— Ты хочешь сказать, что мы действительно будем находиться в одной комнате с большими ублюдками, которые покупают и насилуют девушек, потому что это то, от чего они получают удовольствие?

Губы Кингстона поджимаются.

— Ага.

— Я не знаю, смогу ли я это сделать, Кингстон, — мое сердце начинает быстро биться, а глаза наполняются слезами. — Как я могу находиться в одной комнате с такими людьми и держать рот на замке? Близость к нашим отцам — это достаточно плохо, но десятки таких людей?

— Эй. Дыши, — он берет мою руку над центральной консолью и сжимает. — Подумай о штате.

Я вдыхаю и выдыхаю несколько раз, пытаюсь унять свой учащенный пульс. После моего срыва в доме Бентли я провела небольшое исследование на тему панических атак. Один из методов преодоления ситуации — использовать технику отвлечения внимания, как это сделал Кингстон, когда поцеловал меня. Я не нашла ни одной статьи, в которой предлагалось бы заняться сексом втроем, но нашла несколько, в которых рекомендовалось

декламировать что-то по памяти, например, слова песен. Когда я училась в начальной школе, мы учили, как произносить все пятьдесят штатов в алфавитном порядке, используя определенный ритм, поэтому я делала это всякий раз, когда начинала чувствовать тревогу.

Алабама, Аляска, Аризона, Арканзас... Калифорния, Колорадо, Коннектикут. Делавэр... Флорида...

К тому времени, как я добиралась до Луизианы, ко мне возвращалось самообладание.

— Ты в порядке? — Кингстон снова сжимает мою руку.

Я киваю, несколько раз моргнув.

— Да, я в порядке.

Он одаривает меня мягкой улыбкой.

— До какого из них ты добралась на этот раз?

Я переплетаю наши пальцы вместе.

— Луизиана.

Кингстон подносит наши соединенные руки ко рту и целует костяшки моих пальцев.

— Все будет хорошо, Жас. Бентли и Рид тоже будут там со своими родителями. Кто-то будет постоянно находиться рядом с тобой и Эйнсли.

Я откидываюсь обратно на мягкое кожаное сиденье Ровера.

— Боже, я ненавижу это. Я просто хочу, чтобы это уже закончилось.

— Я тоже, принцесса. Я тоже.

— Это чертовски скучно, — жалуется Бентли.

— Один из них обязательно скоро нам что-нибудь расскажет, — бормочет Кингстон.

Мы втроем уже несколько часов просматриваем видеозаписи с камер наблюдения. Кингстон установил программу наблюдения на несколько устройств, поэтому Бентли и Кингстон работают на своих ноутбуках, а я использую iPad Кингстона. К счастью, камеры активируются по движению, поэтому нам приходится просматривать записи только тогда, когда в комнате есть реальные люди. Пока единственной драмой было то, что мой отец сказал Мэдлин, что он не будет оплачивать счет за ее следующий прием коллагена, после чего Мэдлин разразилась бурными потоками воды и умоляла его передумать. В остальном это была обычная деловая суета.

Бентли потирает затылок.

— Мне бы очень хотелось, чтобы у нас была еще одна рука помощи. У меня глаза разбегаются.

Занятия балетом Эйнсли на этой неделе тоже отменены из-за каникул. Рид не давал ей покоя, так что мы можем сделать это, не вызывая подозрений. Я хихикаю, когда думаю о том, как он, вероятно, не давал ей покоя.

Кингстон приподнимает бровь.

— Что тут смешного?

— Ничего. Совсем ничего, — я притворно кашляю, чтобы скрыть свой смех.

Выражение его лица говорит мне, что его счетчик брехни звенит громко и гордо.

— Ты не хочешь мне говорить? Отлично. У меня есть способы извлечь информацию, когда ты будешь раздета позже.

Бент стонет.

— Мне действительно нужно потрахаться.

Телефон Бентли в этот момент вибрирует на столе перед нами.

Я мельком вижу текст, когда он открывает его, и это короткое сообщение сопровождается фотографией сисек какой-то девушки.

Я киваю на его телефон.

— Как раз вовремя. Судя по этому, Морган, кем бы она ни была, это Д-Т-Ф (Тот, кто готов вступить в кратковременные сексуальные отношения).

Он качает головой, пока его большие пальцы летают по экрану.

— Нет, просто не чувствую этого.

— Почему? — спрашиваю я. — У нее потрясающая фигура.

Его губы слегка изгибаются.

— Что соответствует остальным ее достоинствам, но все равно не чувствую.

Мы с Кингстоном обмениваемся взглядами. Большинство людей, вероятно, обеспокоились бы тем, что Бентли еще больше влюбился в меня после той ночи в его доме, но мы с Кингстоном знаем, что это не так. Мы с Бентли, кажется, вновь обрели уважение и признательность друг к другу, но того предвкушения, которое подпитывало наше влечение раньше, больше нет. Я думаю, что мы стали ближе, но не в физическом смысле.

— Но почему? — спрашиваю я.

— Не знаю. Просто не знаю, — Бентли пожимает плечами.

О, мой бедный, грустный клоун. Этот мальчик держит в себе столько горя, и я его понимаю, но чувство вины, которое он испытывает, необоснованно. Когда-нибудь я надеюсь убедить его в этом.

Бентли откладывает телефон и возвращает взгляд на экран компьютера.

— Подождите, кажется, у нас что-то есть.

Мы с Кингстоном оба наклоняемся, чтобы посмотреть поближе. Какая-то длинноногая брюнетка в пальто длиной до колена врывается в корпоративный офис Престона Дэвенпорта с видом, готовым устроить настоящий ад.

— Перемотай на тридцать секунд назад и увеличь громкость, — требует Кингстон.

Бентли подчиняется, и мы все смотрим, как женщина входит в офис во второй раз.

— Это не сработало! — она вскидывает руки вверх. — Снова!

Отец Кингстона едва ли мог выглядеть более скучающим, откинувшись в кресле и вертя ручку между пальцами.

— Кто это? — спрашивает Бентли. — Она звучит знакомо.

Мы еще не разглядели лицо женщины, но она определенно звучит знакомо.

— Престон! — кричит женщина. — Ты меня слышал?

Тело Кингстона напрягается рядом со мной.

— Что не так? — спрашиваю я его.

Его глаза не осмеливаются оторваться от экрана.

— Я знаю, кто это.

— Чт...

— Тсс! — говорит он. — Смотри.

Глаза Престона наконец-то поднимает глаза на женщину, стоящую перед ним.

— Вот что ты получаешь за то, что посылаешь мальчика делать мужскую работу, Пейтон.

— Что?! — мы с Бентли кричим одновременно.

— Но... ее волосы, — я машу рукой в сторону экрана. — Они коричневые.

— Посмотри на длину, — Кингстон ставит видео на паузу и указывает на экран. — Это

парик.

Мы с Бентли внимательно изучаем монитор. Кингстон прав. После последней стрижки Пейтон ее светлые волосы теперь заканчиваются вокруг бретельки лифчика. Эти волосы не только темно-каштановые, как у меня, но и почти доходят до талии.

— Что, черт возьми, происходит? — шепчу я.

— Давай узнаем, — челюсть Кингстона сжимается, когда он нажимает на кнопку воспроизведения.

— И что мы теперь будем делать? — Пейтон начинает расхаживать взад-вперед, давая нам возможность впервые хорошо рассмотреть ее лицо. Да, теперь это нельзя отрицать; это определенно она.

Отец Кингстона встает и обходит свой стол.

— Прекрати, блядь, двигаться, — его рука извивается, как гадюка, и хватается Пейтон за плечо. — И помни, с кем ты, блядь, разговариваешь.

— Мне жаль. Этого больше не повторится, — она вскрикивает, когда Престон сжимает руку. — Я клянусь! Я была расстроена, и плохо отреагировала, но это больше никогда не повторится, — Пейтон опускает глаза в землю.

— Я что, единственный, чей разум сейчас чертовски потрясен? — спрашивает Бентли.

Я качаю головой.

— Не-а.

— Сядь! — Престон толкает Пейтон на ближайший стул, а затем нависает прямо над ней, опираясь задницей на стол.

Это вопиющий силовой ход, потому что теперь он нависает над ней, пытаюсь расчленив ее взглядом.

— А теперь... — отец Кингстона снимает пиджак и начинает расстегивать заправки. — Спокойно, скажи мне, почему ты настояла на том, чтобы потратить мое время на эту встречу.

— Мне очень жаль, — повторяет она. — Мне просто нужно знать, что делать. Кингстон все время пытается до меня добраться, и когда он меня находит, я боюсь того, что он может сделать. Он знает, что что-то случилось, и не собирается сдаваться, пока не вытянет это из меня. Я боюсь, что он может причинить мне боль.

Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы насильно подавить свою вспышку гнева. Я хочу выкрикнуть столько непристойностей в адрес этой суки прямо сейчас, что это даже не смешно.

Бентли и Кингстон оба выглядят так, будто хотят запрыгнуть в компьютер и придушить обоих людей на экране.

— А чего ты ожидала? — кричит Престон. — Ты не должна удивляться, что он подозревает тебя. Мой сын очень умен, а ты просто тупая маленькая шлюшка, которая не может следовать простым инструкциям!

— Ой, — бормочет Бентли.

Престон наклоняется и кладет руки на подлокотники кресла Пейтон, оказавшись прямо перед ее лицом.

— Если бы ты подождала, как я тебе сказал, вместо того, чтобы посылать за ней какого-то полоумного стероидного наркомана, мы бы не оказались в таком затруднительном положении! Если ты все испортила ради меня, Пейтон, я... Убью. Убью тебя. А еще лучше, я пристрелю этого мясника прямо у тебя на глазах, а потом скормлю тебя акулам. Они

заставят тебя желать смерти, пока будут насиловать твое тело всеми возможными способами. Черт, я даже могу присоединиться к ним.

Я закрываю рот ладонью, чтобы подавить крик. Никто не заслуживает этого, даже Пейтон.

Пейтон всхлипывает.

— Мне жаль. Я просто не могу... Мне просто невыносимо видеть их вместе. Кингстон ненавидит меня до глубины души, и все из-за нее. Ты видел их секс-видео. Ты видел, как он ведет себя с ней. Он влюблен в нее! Как мне теперь заставить его жениться на мне?

Кингстон хватается за руку, смотрит на меня краем глаза, прежде чем вернуть свое внимание к экрану. Он, вероятно, знает, что меня сейчас стошнит, зная, что имя его отца только что добавилось к длинному списку людей, которые видели, как я занимаюсь оральным сексом, будучи полностью обнаженной.

Престон откидывается обратно на свой стул и раздражается злобным смехом.

— Ты глупая, гребаная девчонка. Конечно, он влюблен в нее! Я знал, что так и произойдет, как только Чарльз решил заявить на нее права.

— Тогда почему ты не отговорил его от этого? — плачет Пейтон. — Она все портит! Я не собираюсь терять двадцать миллиардов долларов из-за какой-то шлюхи из гребаной системы!

Я вздрагиваю, когда Престон отводит руку назад и дает Пейтон такую сильную пощечину, что ее лицо отворачивается в сторону.

— Десять миллиардов.

— Вот это да, — шепчет Бентли. — Чувак — дикарь.

Пейтон потирает щеку и шмыгает носом.

— Что?

Престон не спеша закатывает рукава рубашки до локтей.

— Ты сказала, что не собираешься терять двадцать миллиардов. Я поправил тебя. У тебя на кону только десять миллиардов. Остальные десять — мои.

На этот раз я не могу сдержать вздох.

Кингстон сжимает мою руку и бормочет: — Чертов ублюдок.

— Тише, чувак, — говорит Бентли. — Я не слышу.

— П-правильно, — заикается Пейтон. — Именно это я и имела в виду. Десять миллиардов.

— Вот что сейчас произойдет, — Престон встает, но не делает ни малейшего движения, чтобы уйти. — Ты выйдешь из гонки. Ты скажешь своей комнатной собачке выйти из гонки. Если кто-то из вас попытается тронуть Жасмин, я приму меры. Я не делаю пустых угроз, Пейтон. Если ты мне не веришь, спроси свою маму; она уже достаточно долго здесь прожила, чтобы знать, к каким последствиям это может привести.

— Н-но как я смогу вернуть Кингстона? Мы должны пожениться до моего следующего дня рождения и произвести на свет наследника до того, как мне исполнится двадцать один год. Если этого не произойдет, мы ничего не получим.

Престон начинает расстегивать пряжку своего ремня.

— Что за черт? Он...? — я машу рукой в сторону экрана, где отец Кингстона сейчас расстегивает молнию на своих брюках.

— Ни хрена себе, — восклицает Бентли.

Я не хочу смотреть, особенно когда Престон вытаскивает член из трусов, но я не могу

отвести взгляд. Его член находится в двух дюймах от лица Пейтон, и она, кажется, ничуть не удивлена. Благодаря тому, что камера расположена под углом, мы можем видеть каждую чертову вещь прямо сейчас.

— Мне хорошо известны условия завещания твоего отца, Пейтон. Не беспокойся о моем сыне, я позабочусь об этом. А теперь... — Престон поглаживает себя. — Думаю, тебе пора как следует извиниться, не так ли?

Рука Пейтон тянется к макушке.

— Позволь мне просто снять это, чтобы оно больше не мешало.

Рука Престона опускается на руку Пейтон, не давая ей снять парик.

— Нет. Оставь его. Как я уже говорил тебе в первый раз, когда заставил тебя надеть его, в парике гораздо легче притворяться кем-то другим. Мне плевать, если тебе неудобно.

Пейтон на мгновение замолчала, а затем повесила голову.

— Конечно. Как хочешь.

— Сбрось пальто.

Пейтон расстегивает пальто и сбрасывает его с плеч. Я не могу сказать, есть ли на ней нижнее белье, но сверху на ней точно ничего нет.

Престон прижимает свой член к ее губам.

— Хорошая девочка. А теперь открывай.

Престон обеими руками хватает Пейтон за затылок и мгновенно начинает запихивать себя ей в рот, кряхтя, когда грубо трахает ее лицо. Когда она начинает давиться и задыхаться, он не делает ни малейшего движения, чтобы остановиться, я отворачиваюсь, не в силах больше терпеть это.

— Выключи это. Пожалуйста.

Кингстон тянется вперед и захлопывает ноутбук. Несколько мгновений мы все трое сидим в полной тишине, переваривая вихрь тревожного дерьма, которое мы только что узнали.

— Все дело в деньгах, — шепчу я, поворачиваясь к Кингстону. — Твой отец... Пейтон... они чуть не убили меня из-за денег.

Глаза Кингстона перебегают туда-сюда между моими.

— Я не думаю, что дело только в деньгах, Жас.

Мои брови хмурятся.

— Что ты имеешь в виду?

Челюсть Кингстона двигается вперед-назад, пока он пытается сформулировать слова. Что бы ни крутилось у него в голове, он не хочет произносить это вслух.

Бентли прочищает горло.

— Жас Жас, папочке Дэвенпорту, конечно, нужны деньги, но он также хочет... тебя.

— Что?! — взвизгиваю я. — Это... это...

— Полный пиздец, — добавляет Бентли.

— Да, именно это.

— И бесспорно точно, — добавляет Кингстон.

Мои глаза находят его.

— Что мы будем делать?

Я не думаю, что когда-либо видела, чтобы Кингстон выглядел таким яростным. Таким... решительным.

Он тяжело сглатывает.

— Я собираюсь убить его нахрен.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...